

АКТЕРСКАЯ КНИГА

ЕВГЕНИЙ ВЕСНИК

ЗАПИСКИ АРТИСТА

Annotation

Записки великого артиста, известного писателя, народного артиста СССР Евгения Яковлевича Весника.

- [Евгений Весник](#)
  - [Я рада, Женечка!](#)
  - [Начало](#)
    - [О себе](#)
    - [О начале конца...](#)
    - [Спектакль «Чистка»](#)
    - [Школа жизни](#)
    - [На фронте](#)
    - [Сцена](#)
    - [Экран](#)
  - [Портреты](#)
    - [Так рождаются псевдонимы](#)
    - [Знаменитый гость](#)
    - [Елена Николаевна Гоголева](#)
    - [Николай Константинович Симонов](#)
    - [Клавдия Николаевна Еланская](#)
    - [Александр Алексеевич Остужев](#)
    - [Михаил Францевич Ленин](#)
    - [Александр Иванович Сашин-Никольский](#)
    - [Александра Александровна Яблочкина](#)
    - [Игорь Владимирович Ильинский](#)
    - [Михаил Иванович Царев](#)
    - [Алексей Денисович Дикий](#)
    - [Виталий Дмитриевич Доронин](#)
    - [Никита Владимирович Подгорный](#)
    - [Михаил Михайлович Яншин](#)
    - [Михаил Аркадьевич Светлов](#)
    - [Евгений Павлович Леонов](#)
    - [Ляля Черная](#)

- [Николай Павлович Смирнов-Сокольский](#)
  - [Иван Байда](#)
  - [Арнольд Григорьевич Арнольд](#)
  - [Анатолий Дмитриевич Папанов](#)
  - [Александр Николаевич Вертинский](#)
  - [Федор Иванович Шаляпин](#)
  - [Шакен Айманов](#)
  - [Ростислав Янович Плятт](#)
  - [Ольга Александровна Аросева](#)
  - [Андрей Александрович Гончаров](#)
  - [Борис Андреевич Бабочкин](#)
  - [Марчелло Мастроянни](#)
  - [Питер Муганов](#)
  - [Павел Николаевич Поль](#)
  - [Петр Мартынович Алейников](#)
  - [Борис Федорович Андреев](#)
  - [Эраст Павлович Гарин](#)
  - [Иван Федорович Переверзев](#)
  - [Павел Борисович Луспекаев](#)
  - [Василий Иванович Чуйков](#)
  - [Зиновий Ефимович Гердт](#)
  - [Махмуд Алисудтанович Эсамбаев](#)
  - [Из записок артиста](#)
    - [Было это и в Одессе...](#)
  - [Приложение](#)
    - [Роли и фильмография](#)
    - [Актерские работы](#)
    - [Режиссерские работы](#)
    - [Всесоюзное радио](#)
  - [Фотографии](#)
-

Евгений Весник

Записки артиста

а) Мучительные искания и ошибки подтвердили факт, что смешить труднее искусства трогать. – Е. В.

Федор Кони (1808–1879), русский драматург, мемуарист:

б) «В искусстве всего труднее самая простая вещь – простота». (Мысль эта тоже подтверждена мучительными исканиями и опытами. – Е. В.)

с) Михаил Светлов (1903–1964), советский поэт: «Если нет исканий в молодости, то надо заложить ее(молодость) в ломбард».

Евгений Евтушенко (р. 1933), советский поэт: «Когда нет таланта, прибегают к общественным ухищрениям».

Я рада, Женечка!.

Очень трудно писать о человеке, которого я так хорошо и долго знаю. Особенно, если этот человек называется Женя Весник.

Человек, который вмещает в себе все взаимоисключающие друг друга черты характера.

Природа так щедро наградила его всеми достоинствами и многими недостатками, что, право, трудно сосредоточиться хотя бы на половине этих присущих ему качеств. Но возьмем главный из них.

Весник абсолютно талантлив во всем, что он делает.

Евгений Яковлевич бескорыстен и порядочен. Женя умен и хитер. Он беспощадно остроумен и добр. Этого уже вполне достаточно, чтобы прожить такую жизнь, какую прожил он, хотя она, жизнь его, была к нему неласкова. Все беды в истории нашего Отечества коснулись его лично.

Оставшись без родителей в четырнадцать лет (отец и мать были арестованы в тридцать седьмом), он сбежал по пути, когда его везли в детскую колонию.

Сорок первый. Война. Провоевал всю войну. Имеет массу наград. Вернулся. Закончил театральную школу Малого театра. Работал актером в театрах Станиславского, сатиры, в Малом.

Ушел из Малого, выступает в концертах, снимается в кино, пишет книги. И остается все тем же неумным, азартным, любящим жизнь человеком, великолепным актером, народным артистом СССР Евгением Весником.

Эти простые анкетные данные дают возможность представить себе – сколько же сил потребовалось ему, чтобы преодолеть клеймо «сын врага народа», чтобы искать творческого удовлетворения в разных театрах,

чтобы переживать героев и расставания с близкими людьми.

Но при всех разочарованиях он всегда остается жизнелюбом, любит людей, друзей, хороший стол, остроумное слово, а самое главное – всегда остается верен себе, своим принципам.

Я имела счастье работать с ним в спектаклях, играть в пьесах, которые он ставил как режиссер, сниматься вместе в кинофильмах.

Он никогда не был дельцом, не искал легких путей в искусстве и был замечательным партнером на сцене, и по всей моей жизни...

Я рада, что есть возможность высказать ему все добрые слова за те долгие годы, что мы знакомы (а я его знаю со своего трехлетнего возраста, ему же тогда было уже пять!), мне все как-то не удавалось это сделать.

Я рада, Женечка, что ты жив, что пишешь книги и пытаешься воссоздать всю нашу нелегкую, а вместе с тем и счастливую жизнь...

Ольга Аросева,

народная артистка России

Начало

О себе

Правильно ударение в моей фамилии делать на втором слогe – Весник! Отец у меня был белорус, а мать – обрусевшая чешка. А «весник» в переводе с белорусского – «сморчок» или «строчок» (в пинской местности). В школе меня девчонки дразнили – «Женька-сморчок»...

В 1937 году, когда мне было четырнадцать, арестовали моих родителей, и я остался один-одинешенек. Как можно было репрессировать моего отца, армейского комиссара I ранга, почти маршала в двадцать шесть лет, честнейшего и порядочного человека, фанатика «построения социализма»?! Или мать, которая из оперной певицы переквалифицировалась в зоотехника, чтобы вместе с отцом, начальником «Криворожстроя», строить завод «Криворожсталь»! Удивительные люди были! Когда всей семьей мы входили в театр (у отца – два ордена Красного Знамени, орден Ленина, у матери – Трудового Красного Знамени), зрительный зал вставал! Я тогда чуть не умирал от гордости, что у меня такие родители. Но их арестовали, а я стал сыном «врагов народа».

В 48-м я окончил Щепкинское училище, и меня, круглого пятерочника, фронтовика, не взяли в Малый театр по анкете. Только после разоблачения культа личности и реабилитации родителей мне позвонил Царев: «Возвращайтесь!»

Как я был потрясен, узнав, что после революции у нас не было ни одного руководителя с высшим образованием!

Большинство из них не знали правильного русского языка. А ведь социологами доказано: человек, неправильно говорящий на родном языке, не может

логически мыслить. Это все равно, что, не имея слуха, не зная нот, попытаться создать гениальное музыкальное произведение.

О медицине

Мне уже конец скоро. Задыхаюсь! Лопаются сосуды. Я же на гормонах сижу, гормонозависимый. Если лекарств не будет, - все, п...ц! Но при этом я поклонник двух слов Василия Розанова: «Беги толпы!» Как увижу огромные очереди в наших поликлиниках - убегаю. Папуасы хотя бы знают: если заболел, надо кору съесть или хвост обезьяны. Так научите нас - мы тоже будем есть! Сами не можете решить проблемы, позовите «варягов», как это сделали русские князья (кстати, по моему, все к этому и идет!). Дошло до того, что иностранцы иной раз боятся сюда приезжать. Причем весь мир убедился, что все предсказания-обещания наших вождей - от Ленина до Горбачева - не сбылись. Ведь ничегошеньки не сбылось!

О телевидении

Восемьдесят пять процентов телеэфира - это беззастенчивое валяние дурака. Разве может нормальный человек день изо дня смотреть бесконечные сериалы?! По всем каналам режут, бьют. Дети подражают не романтическим героям, а киллерам. Раньше они не знали, как на магните крепить взрывчатку к днищу машины, - теперь знают. Этому что, специально учат?

Не могу понять, по какому поводу телевизионщики перегрызлись. Ну соберитесь где-нибудь в ресторане, обсудите, найдите компромиссный выход... Во время

войны у меня во взводе было семьдесят два «беломорканальника». Эти отпетые преступники воевали так, как никто не воевал. Первыми орудия под обстрелом тащат, строят НП быстрее всех. Воевали, как звери! А почему? Я с ними разговаривал по душам, представлял к наградам. По-человечески обращался, и у них прекратилась поножовщина, воровство. Они меня звали «пахан», «батя». На завтрак мне курицу трофейную жарят и... сразу в бой. Вот что делает нормальное человеческое слово.

Еще о войне

Только в последние годы, наконец, военные историки развеяли некоторые мифы, связанные с войной. Признали, что немцы были лучшие вояки, чем мы. Что О телевидении победили мы скорее числом, а не умением, за счет огромного количества пушечного мяса, помноженного на неистребимый патриотизм. Иначе было не победить... Мы почему-то быстро забыли, как нам помогали американцы. Вся наша артиллерия, начиная с 122-мм гаубиц, была на американских тягачах. Ездили на американских автомобилях, кормили нас тушенкой американской, одевали офицеров в шерсть английскую. Если бы не это, мы, может быть, до сих пор еще партизанили бы.

О театре

Знаете, сколько при царе было артистов в Малом театре? Тридцать три! А сколько сейчас? Сто сорок два! Из них играют от силы двенадцать – пятнадцать. Ведь это же геноцид творческий! Держать сто тридцать человек, получающих эпизодические роли от случая к

случаю! Издевательство, русская безалаберность! А сколько районов в Москве, сколько места в Подмосковье. Какие интересные театры можно сделать из этих ста тридцати! Как минимум, четыре! Разве актер не согласится при добротной оплате играть во Всероссийском выездном театре?! Пусть на периферии, по школам, заводским клубам, но играть, а не ждать всю жизнь своей «звездной» роли.

А что сегодня? Эти люди стоят в очереди за своей крошечной зарплатой, в театрах сплетни, склоки, интриги, заискивание перед начальством. Дайте театр какому-нибудь корейцу! Он скажет: «Что я – сумасшедший, такую огромную труппу держать, да еще и оплачивать?!» Оставит, сколько ему нужно, и в итоге только выиграет: билеты будут дешевле, спектакли качественнее, потому что у актеров ответственность больше.

В Театре Корша, который работал в бывшем филиале МХАТа, каждые две недели была премьера! А артистов было всего тридцать человек. Посмотрите, сколько великих актеров из Театра Корша вышло... А сейчас? Театр Станиславского, где я начинал, остался без руля и без ветрил сразу после смерти Станиславского и Кедрова. Они, основатели театра, были вершиной, которую как ни пытались штурмовать, – безрезультатно. Потенциальные великие актеры не состоялись из-за отсутствия великого режиссера! И это беда многих театров. Сейчас вроде появились талантливые режиссеры. Но нет денег.

И все молчат. Министерство культуры! (Слышит ли оно?) Найдите хорошего дельца, продюсера! Ведь смогли же Рудинштейн с Михалковым распахать, казалось бы, канувшую в Лету кинониву! И это при том, что у нас-то и картин нет на уровне высокого класса фестивалей – но Ван Даммы с Николсонами к нам приезжают. Приезжают же! А в театре что творится?

(Но перед Полуниным опускаюсь на колени и перед Львом Додиним!)

О Москве

Я объездил почти половину мира и нигде не видел, чтобы подражали языку какой-то великой державы. Только в Москве львиная доля текстов рекламы на английском. Только в Москве на стенах туалетов надписи на любом языке, кроме родного. В лучшем случае – мат, и то чаще какой-нибудь «фак». Я, народный артист, не могу пойти в ресторан, поесть или заказать себе водки, потому что сто граммов – 6 долларов, а второе блюдо – 50. Да что я, таких – большинство! Тогда для кого этот город? Поймите. Я его очень люблю. Но я люблю ту Москву – Казакова и Баженова, – которая олицетворяла собой русскую культуру, а не нынешнюю, где внутри Садового кольца чуть ли не равное число проституток и чиновников.

О России

Россия сегодня пожинает плоды геноцида. Революция, нэп, раскулачивание, «выдвиженцы», репрессии 37-го года, война... Если бы я снимал фильм о России, то снял бы несчастное коровье стадо, у которого отняли и пустили под нож быков-производителей – наши лучшие умы, интеллигенцию.

Процитирую кое-что из своей последней книги. «Россия будет расчленена на свои составные части. Каждой республике надо отдельно предоставить свободу. Тенденция такова: не допускать больше существования на Востоке гигантской империи. Большевизм остается в прошлом, тем самым мы

выполним нашу историческую задачу». Это из дневника Йозефа Геббельса. Я пишу: «Страшно! Предсказания из таких уст! Но и “смешно” – мы выполнили его заветы!» Откуда могут взяться деньги, если никто не хочет работать? Почему никто не хочет работать? Потому что никто не платит или платят мало. А ведь деньги лежат повсюду. Макулатуру, флаконы медицинские не принимают, мусор не перерабатывают. Это живые деньги! Автопокрышки валяются по всей стране. Я гастролировал с концертной бригадой по Дальнему Востоку – там сплошь железо. Затонувшие баржи, лодки... В Костромской области на территории дома-поместья Островского до сих пор гниет брошенный в 1921 году трактор. Спит, бедняга, уж поседел. Рядом яма, вонь, над ней летают птицы, заражают всю округу... Нет денег? Найдите богатого дядю, на худой конец попросите у братвы...

О политиках

Самая страшная наша беда – потеря чувства обязательности в обществе. У нас каждый чиновник говорит: «Я со всей ответственностью заявляю...», зная, что ни за что отвечать не будет. Ах, если бы у нас по телевизору показывали людей, стремящихся куда-то, чего-то делающих, радующихся, что они что-то сделали полезное! А то ведь на экране все чиновники, как саранча, сидят и... толстеют. Распухают на глазах. Народ порой недоедает и при этом видит толстеющих людей, ежедневно безответственно болтающих. Помню, в девяностом году в Токио на станции метро «Таканава» продавались фигуры Горбачева. Похож невероятно. А в том месте, где у него родимое пятно, – прорезь. Кидаешь туда денежку, и из-под губы выползает пластинка с надписью: «Ударь по губе!» Ударяешь.

«Горбачев» целую минуту скороговоркой: «Быля-быля-быля брррр-буль-буль-буль-бррр. Быля» и т. д. Уже тогда японцы кое-что раскусили.

И еще. На мой взгляд, самый большой грех наших политиков – говорить с миллионами людей на полунаучном, полуфилософском, непонятном для большинства языке. На первом съезде демократов мне дали слово. Я сказал делегатам: «Народ не понимает вашего витиеватого языка, больше похожего на словесный лабиринт. Я сам ни черта не понимаю. Если вы не пойдете в школы, в институты и не объясните толком, чего вы, демократы, добиваетесь, то вас скоро будут больно бить за то, что вы „непонятные“ люди». Так и случилось. Ведь то, что говорили тогда Гайдар, Бурбулис и их соратники, до сих пор никто еще не перевел на общедоступный язык. Мне и теперь кажется, что, если политик обещает что-либо на десять лет вперед, он сам с трудом в это верит. На рыбалке встретишь деревенского мужичка, часто пьяного – он все это понимает! Пьяницы – мудрые, потому что свободны духом. Их шпыняют, говорят: «Ты – говно! Молчи!» А он свободен, самостоятельно мыслит, не состоит ни в каких партиях и движениях, которые его долбят по голове. Поэтому и рубит правду-матку. За это я люблю пьяниц...

О будущем

Будущее есть у блохи, у змеи, даже у лобковой вши. У рек – они пересохнут или в них появятся крокодилы. У всех. Значит, есть и у России. Но вопрос: какое? Когда закончилась война, мне было 22 года, и все мы, фронтовики, были убеждены, что завоевали рай. Самое настоящее светлое будущее! Однако того рая, каким он

нам тогда грезился, мы не увидели! Но это же не значит, что будущее не состоялось.

В диалектике есть совершенно гениальное определение: «Количественное накопление приводит к качественному скачку». Рассуждаю, как обыватель: накопление отрицательных эмоций, которое мы сейчас наблюдаем, может привести куда угодно, только не туда, куда нам хочется. И это тоже будущее. Может, завтра вся прекрасная половина планеты будет ходить в чадре. Ведь это не зависит («полностью и бесповоротно») от того, что думают в Кремле. Будущее моего дома может зависеть от внезапно лопнувшей трубы. Или: молодые собираются в загс, а вдруг – бац! – землетрясение... Так что будущее есть всегда, но какое и когда? Я не знаю. Я – не пророк, но все-таки надеюсь на лучшее.

«Сам по себе...»

В книге моего приятеля есть такие слова: «Я использую рассказы народного артиста СССР Евгения Весника, и даже не потому, что они смешные, а потому, что на моей памяти Весник – единственный человек, всю свою жизнь полностью независимый ни от партии, ни от новых веяний, ни от кого бы то ни было...»

Ну что сказать? Спасибо. Вспоминаю один из своих «этюдов»: звонит какой-то начальник: «Евгений Яковлевич! Виктор Степанович Черномырдин приглашает к себе двенадцать народных артистов. Вы тоже в списке. Кстати, у нас шикарный банкетный зал...»

Отвечаю:

– Должен вас огорчить – я не люблю эти тусовки. Никуда не хожу.

- Как же я доложу? Что вы отказываетесь от встречи?

- Ни в коем случае. Запишите мой адрес... Записали? Хорошо. А теперь доложите В. С. Черномырдину о том, что у меня есть хорошая водка и рыбка. Я жду его в любое время дня...

О счастье

Не хочу, чтобы у читателя создалось впечатление, что все это вздохи старого ворчуна, ностальгия по старинному прошлому, которого он и сам не застал. Я часто бываю счастлив. Проснулся живой, и уже счастлив. Увидел улыбающегося человека или очередь в музей, или спешащих в библиотеку, или входящих в театр - и на душе хорошо...

О начале конца...

У меня такое чувство, что я всегда играю драматические эпизоды в некоем грандиозном спектакле.

Станислав Ежи Лец

(И у меня тоже! – Е. В.)

Только перед смертью человек узнает, что ему надо было делать.

Осетинская пословица

(Надеюсь! – Е. В.)

Крым. Санаторий «Форос». 1970 год.

Предлагают место за столиком на двоих в шикарнейшей столовой... Соглашаюсь. Знакомлюсь со вторым «пилотом» стола – главврачом ленинградского роддома... Лет ему на глазок этак около семидесяти... Улыбается. Ест, смотрит на меня – улыбается, здороваётся – улыбается, если раньше меня встает из-за стола, желает приятного аппетита и... улыбается.

Встретились на пляже... Лежим в тенечке, дышим, отдыхаем, музыка легонькая шелестит, умиротворяет, фигуры разные экзаменуют память и фантазию теребят. И... вдруг:

ДОКТОР. А я, уважаемый Евгений Яковлевич, на вашу жизнь как-то покушался... (*Улыбается.*)

Я. Не понял? Как, когда? Где? За что?

ДОКТОР. Чудом вы в живых остались... (*Улыбается.*)

Я. Не пугайте.

ДОКТОР. Если бы я не пошел мыть руки и не подарил вам тем самым несколько минуток, – не лежать бы вам на этом песочке... *(Улыбается.)*

Я *(которому немножко не по себе).* Не томите... Объясните...

ДОКТОР. Напомните мне дату, месяц и год вашего появления на свет Божий... *(Улыбается.)*

Я *(робко).* 15 января 1923 года...

ДОКТОР. Вот, вот, вот... А в каком часу изволили обрадовать человечество? *(Улыбается.)*

Я. Мама рассказывала, что в пять утра...

ДОКТОР. Вот, вот, вот... Матушка ваша трое суток мучилась, никак не могла вас подарить нам. Она рассказывала вам, каким тяжеленьким вы на свет явились? *(Улыбается.)*

Я. Да. Пятнадцатифунтовым, то есть шестикилограммовым. Кошмар! Изверг!

ДОКТОР. Вот, вот, вот... Тяжело вашей маме было... Состояние ее стало критическим... По коридору роддома метался ваш папа и грыз ноготь, чего никогда доселе не делал, как потом выяснилось... Я подошёл и задал короткий вопрос, поставленный самой объективной природой: «Или мать, или дитя?» Ваш папа еле слышно выдохнул: «Мать»... И я пошел мыть руки, надел хирургические перчатки, ассистентка повязала марлевую маску... Подойдя к двери палаты, в которой мучилась ваша матушка, мы вдруг услышали басовитый, энергичный крик и плач того, который теперь зовется Евгением Яковлевичем Весником. И было это, как вы совершенно справедливо заметили, в пять часов утра в роддоме на Выборгской стороне в городе Ленинграде, как вы опять же точно доложили мне, – 15 января 1923 года... Когда стукнула 120-я минута вашей драгоценной жизни, кончилось мое ночное дежурство... Мама с сыночком сладко спали, спал в коридоре на стуле и заметно побледневший и осунувшийся папа... на

правой его руке кровоточил наполовину съеденный ноготь большого пальца, что безошибочно свидетельствовало о большой любви вашего отца к вашей маме и теперь уже и к вам... *(Улыбается.)*

Спектакль «Чистка»

Занавес! Голубое загадочное небо. Звучит церковное пение. В луче солнца возникает Владыка. По небу летают ангелы и ракеты, боги и вертолеты...

ВЛАДЫКА. «Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря: «...Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся... Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное.

Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы...»

Звучит бодрый марш. Затем другой – еще бодрее. Дым. Костры. В их пепле тлеет Логика. Из тлеющей Логики вырастает Голгофа. На ней – мой Папа. Он в невзрачной спецовке, но с двумя орденами Красного Знамени и орденом Ленина на груди... Вокруг Папы летают разные люди с портфелями, и почему-то все – на одно лицо...

Молнии над Голгофой четко высвечивают: «Кривой Рог. 1935 год».

УВЕРЕННЫЙ ГОЛОС. Товарищи! Прошу тишины! Внимание! Начинаем чистку члена ВКП(б) с мая 1917 года, партбилет номер 241599, начальника Криворожстроя Весника Якова Ильича. Как известно, в ряды нашей партии проникли чуждые элементы, двурушники. Поэтому Центральный Комитет во главе с «отцом всех трудящихся» принял решение о проведении чистки всех членов и кандидатов. Прошу задавать вопросы товарищу Веснику.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Вы участвовали в первой русской революции?

ВЕСНИК. Да.

ВТОРОЙ ГОЛОС. Вам в 1905 году лет десять было? Не больше?

ВЕСНИК. Одиннадцать. В Минске, в моем родном городе, распространял листовки. В доме прятал печатный станок.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Кто ваши родители?

ВЕСНИК. Мать – домохозяйка, отец – купец.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. И он разделял пролетарские убеждения?

ВЕСНИК. Думаю, нет. Но однажды помог выкупить из тюрьмы приятеля-большевика. Отец богачом не был: он торговал бочками. Поэтому, наверное, и поступил так.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Вы Зимний штурмовали? Керенского видели?

ВЕСНИК. Увы, не довелось. Мой отряд Красной гвардии Выборгского района атаковал дворец со стороны Миллионной улицы.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Боевые ордена у вас – за Гражданскую?

ВЕСНИК. Да. Награжден двумя орденами Красного Знамени и золотыми именными часами, как член Реввоенсовета 8-й, 5-й, 15-й и 11-й армий. (Одобрительный гул летающих и жужжащих.)

По небу летят и ржут кони. Видны мигающие пулеметные очереди. Люди убивают друг друга словами и пулями. Слышен стон раненных в душу, поэтому много живых трупов... Гром. Молния пишет на облаке: «Баку. Март. 1921 год».

В «театральный бинокль времени» видно отдельную палату в военном госпитале. На койке лежит Яков Весник. Приподнимается. Смотрит на дверь. Достает из-под подушки маузер. Взводит курок. Появляется медсестра, бросается к больному, пытается вырвать из его рук оружие, тот сопротивляется, она ударяет его по забинтованной ноге. Маузер падает на пол...

МЕДСЕСТРА (*тяжело дыша*). Как вы могли? Стыдно! (*Она разряжает маузер, кладет патроны в карман халата.*) Как глупо! Сердце должно остановиться само, понимаете? Вам двадцать семь.

Медсестра продолжала, бледнея и краснея, со слезами на глазах что-то говорить. Но услышать ее было невозможно, так как ее заглушила мощно зазвучавшая в оркестре удивительно нежная мелодия... И лишь много лет спустя я узнал все-таки, о чем моя будущая мама говорила моему будущему папе... Она говорила, что вместо лечащего папу неопытного врача необходимо пригласить другого, потому что никакой гангрены ноги нет, что ампутация не нужна, что она готова посвятить папе жизнь, что влюблена в него... После таких слов громко зазвучавшая нежная музыка на минуточку чуть-чуть притихла, и последние слова моей мамы в этой сцене можно было расслышать.

МАМА. Да поверните вы к даме лицом, когда (*заплакала*)... когда она вам объясняется в любви... (*С сердцами будущих моих родителей творится черт-те что.*)

И сразу – уже знакомый Уверенный голос.

УВЕРЕННЫЙ ГОЛОС. Говорят, вы служили в царской армии? Не офицером ли?

ПАПА (*снова на Голгофе, где тлеют костры*). Нет! В звании ефрейтора был ранен в Восточной Пруссии. После лечения слесарил на заводе «Айваз» (ныне «Светлана»), где мастером цеха работал Михаил Иванович Калинин. Потом окончил Политехнический институт...

ВТОРОЙ ГОЛОС. А за границей как оказались?

ПАПА. Изучал по заданию правительства металлургическое дело в Соединенных Штатах, Германии... Пришлось заниматься проектированием и закупкой оборудования для Магнитки, Кузнецка...

ТРЕТИЙ ГОЛОС. А я вот слышал, что папаша вам из Америки «форд» прислал. И говорят, денег у него – куры не клюют. На весь наш завод хватит! *(Все летающие с портфелями жужжат, скалят пасти с запломбированными дуплами в зубах мудрости.)*

ВЕСНИК. От такого родственника не отказался бы; только, увы, отец давно умер в Минске. Мать-старушка с братом в Москве живут. Что касается «форда», так он не мой. Он служебный. Его выделил нам нарком. Придет новый директор – его возить будет. Да и не разъездишься по нашей стройке – колдобина на колдобине.

ГОЛОС. А вы своим аэропланом летайте!

ВЕСНИК. Самолет тоже служебный!

Интерлюдия-1

В 1932 году отец был назначен директором строительства огромного металлургического комбината – Криворожского. Он был человеком, не признававшим никаких льгот и привилегий, фанатически преданным работе, с обостренным чувством справедливости. Будучи директором крупнейшего завода, отец получал оклад в два раза меньше оклада матери, заведовавшей птицефермой. И назывался его оклад – партмаксимум. Он стеснялся надеть новый костюм, давал его поносить брату, а затем, уже поношенный, надевал на себя. Автомобиль, выделенный ему наркомом для служебного пользования, посылал для перевозок больных рабочих, женщин, детей. На работу часто ездил на трамвае вместе с рабочими. Праздновал новоселья в бараках вместе с ними, знал почти всех по имени и отчеству.

На Украине свирепствовал голод... Однажды мать приняла от хозяйственников подарок: маленький бочонок сельдей, килограммов на 5–6. Отец, узнав об

этом, замахнулся на мать. Не ударил, но замахнулся и сдержал себя. Я это видел. Потом заставил мать отнести бочонок хозяйственнику, жившему с нами в одном доме.

Молния высвечивает на небе: «Кривой Рог. 1933 год».

ЭНЕРГИЧНЫЙ ГОЛОС. Товарищ Весник! Как с домной-то? Ничего не понять! В который раз в городской газете объявляют: вот-вот пойдет первый чугун, а его все нет и нет.

ГОЛОСА. Авария в насосной! Враги! Саботаж! Работа троцкистов!

ПАПА. Самые заклятые враги - это наши расхлябанность и халатность. *(Непонятно что выражающее всеобщее жужжание.)* Тем не менее не волнуйтесь, первый чугун выдадим в срок. *(Жужжание усилилось, добавились хихиканье и аплодисменты.)*

УВЕРЕННЫЙ ГОЛОС. А все-таки, товарищ Весник, объясните, почему капиталистические порядочки заводим? Занавесочки, цветочки, салфеточки, как у буржуев, отрезвитель... Издеваетесь, да?

ПАПА. А разве плохо? Воров и пьянчужек из магазинов и столовых поубирали. В гостинице «Металлург» салфетки да вазы с цветами появились. Симпатично! Разве это плохо? Люди наши курятину едят. Детей на море в пионерлагерь возим. Ресторан раньше убытки приносил, теперь от дотации отказался! О наших женщинах газеты писать начали! За такие, как вы говорите, капиталистические порядки нашим женщинам-активисткам, да и моей жене, не постесняюсь сказать, мы, мужики, должны огромное спасибо сказать! *(Бурные аплодисменты. Но и жужжание.)*

Моя мама до Гражданской войны училась в консерватории. После войны пела в опере, и лишь переход отца на дипломатическую работу за рубежом прервал ее музыкальную карьеру. А узнав, что после работы в Германии отца ждет работа по восстановлению индустрии в России, она успела окончить у немецких специалистов курсы по птицеводству, чтобы быть полезной на новом месте работы. И надо сказать, оказалась очень полезной: стала заведовать небольшой птицефермой, помогала обеспечивать продуктами буквально голодавших в 1933–1934 годах рабочих и инженеров завода. Помимо этого, она стала инициатором всесоюзного движения жен инженерно-технических работников за улучшение быта трудящегося люда, за что была награждена в 1936 году орденом Трудового Красного Знамени.

Зазвучала удивительная по красоте музыка. Послышалась песня «Сегодня весело живем мы, а завтра будет веселее» в исполнении всех оркестров, хоров и певцов всего Союза сказочно свободных народов...

Огромный портрет любимого мудреца, знатока русского языка, самого плодовитого отца всех времен, отца всех и вся, во весь рост, в сапогах, с дымящейся сигарой в виде трубки во рту проявился в районах созвездий Гончих Псов и Скорпиона... Только маленькие чертенята с большими ушами и длинными хвостиками шуршат по небу, стряхивают пыль с «отца родного» и этой пылью выписывают надпись: «Кривой Рог. 1936 год».

Моя Мама, счастливая, красивая, разрумившаяся, говорит по телефону, установленному на седьмом небе, с Папой, очень печальным, сидящим где-то на втором с половиной небе...

МАМА. Да-да... У всех на глазах Сам орден Трудового Красного Знамени вручил, а потом букет

цветов... Я обомлела. Помахал мне рукой – той, которая у него (*мах получился укороченным*)... и сказал: «Ордэн за общественную работу, а цветы за лучшее выступление в Крэмле!» (*Эту последнюю фразу произнес Сам, оживший на портрете в небе владелец сапог и трубки...*) Яша, почему ты молчишь? Алло?

ПАПА (*в трубку*). Процесс в Москве начинается. Над Каменевым и Зиновьевым. Серго утром звонил. Среди обвиняемых есть кто-то из работавших у нас на заводе... Кто – не сказал. Пока ты отсутствовала, «гости» приезжали, интересовались, о чем говорим, думаем, с кем дружим...

МАМА. Мы?

ПАПА. Мы...

МАМА (*показывая на орден отца и свой*). После этого?

ПАПА. Тебе орден вручили не в НКВД!

МАМА. Сам! Сам! Сам вручил!

ПАПА. Несколько дней тому назад «гость» сказал моему заместителю: «Третью домну нужно ввести на полгода раньше». Тот ответил: «Зачем? Чтобы потом год доделывать? Сколько можно: косо, криво, лишь бы живо?» «Гость» обозвал его вредителем, и на следующее утро заместителя арестовали. За два часа до твоего приезда я получил вызов в Москву. По какому вопросу, не сказали. Вот такие, Генюша, оладушки...

МАМА. Яша, ты с ума сошел... Совсем недавно Серго тебя в газетах хвалил. Чуть ли не в наркомы прочил!

ПАПА. Я уезжаю.

В небе появился «гость» с телефонной трубкой в руках, с крылышками за спиной. Крылышки ему чистят чертенята.

«ГОСТЬ». Почему вы не присутствовали на партийном собрании?

ВЕСНИК. Во дворе меня ждет машина. Я уезжаю.

«ГОСТЬ». Кто разрешил? Куда?

ВЕСНИК. В Москву. В наркомат.

«ГОСТЬ». О подобном ставят в известность горком партии. Как же так, Яков Ильич? Я думал, вы выступите на собрании, объясните, как просмотрели вредителей...

ВЕСНИК. Я не могу против моего заместителя выступать. Он честный человек.

«ГОСТЬ». Вы что – НКВД не верите?

ВЕСНИК. В НКВД тоже люди. Они могут ошибаться. *(Папа еще что-то говорит, тяжело дыша, но его не слышно.)*

Загремели громы, засверкали молнии, и улыбнувшийся огромный «родной отец и учитель» опустил перед папиным носом заскрипевшую тяжелую ржавую решетку. Папа удаляется в глубь космоса, дальше, он уже неразличим. А на облаке, появившемся из глубины, через решетку видна надпись: «Москва, 1937 год. Квартира Весников». Из темноты под этой надписью высвечиваемся я и Мама.

Я. Мам, стучат! Ма-ма-а-а!

МАМА. Кто там?

ГОЛОС. Откройте.

Это слово тысячекратно множится вдали, вблизи, слева, справа, сзади: «Откройте. Откройте. Откройте...» На низких тонах, на высоких, большими и малыми хорами, отдельными голосами. На небе возникают названия очень многих городов, малых и больших. Слово «откройте» звучит с различными акцентами, на разных языках: «Откройте... Откройте... Откройте...»

МАМА. Кто вы?

ВТОРОЙ ГОЛОС. Телеграмма. Открывайте. *(Мама открывает дверь, вмонтированную в клетку... Входят два молодых человека в одинаковых бостоновых костюмах. Они похожи на летавших вокруг Папы, стоявшего на Голгофе.)*

ПЕРВЫЙ БОСТОНОВЫЙ. Кто еще в квартире?

МАМА. Никого. (*Мама делает шаг в сторону; меня знобит, и я сажусь на стул.*)

ВТОРОЙ БОСОНОВЫЙ. Стоять!!! (*Начинается обыск.*)

ПЕРВЫЙ БОСОНОВЫЙ. Оружие в доме есть?
(*Мама отрицательно качает головой.*)

ВТОРОЙ БОСОНОВЫЙ. Одевайся...

МАМА. Женя, запомни: твои родители ни в чем не виноваты. Все образуется!

ПЕРВЫЙ БОСОНОВЫЙ. Молчать! Вперед! (*Маму уводят.*)

«Отец всех живых и мертвых» улыбается из созвездия Гончих Псов. Особенно ярко освещены его сапоги. Голова освещена меньше...

Дрожа и обливаясь слезами, я закричал в пустоту: «Маа-а-а! Ма-а-а-а!»

Интерлюдия-3

В июне 1937 года отец уехал в Москву выручать своего арестованного заместителя. И не вернулся в Кривой Рог. Он был тоже арестован. Мама и я срочно выехали в Москву, где на Донской улице в доме № 42 у нас была 4-комнатная квартира. Искали отца, пытались обнаружить его следы. Тщетно.

Впоследствии на все вопросы мне отвечали: «Умер в Москве», «Умер в Норильске»... Теперь я знаю, что он расстрелян в 1937 году. По сохранившимся копиям допросов становится ясным, что он остался до конца жизни таким, каким я запомнил его: честным, неспособным на гадость, не предавшим никого из сослуживцев. Я не знаю, где могила отца! Он покоится в сердце моем до последнего его удара.

В ноябре, не помню, какого числа, в 5 утра пришли за мамой. Обыск. Вещи и бумаги летали по комнатам,

как испуганные птицы. Каким-то чудом мама сунула мне в трусы сберкнижку, как потом оказалось – на предъявителя, вклад всего 800 рублей. Слава Богу, меня во время обыска не заставили снять трусы! Опечатали три комнаты, мне оставили одну маленькую, в 12 квадратных метров, разрешив перенести в нее кое-что из других: книги, вещи отца, кровать, кресло, посуду. Помню, как меня бил озноб на нервной почве. Помню, как мама поцеловала меня и сказала: «Запомни, Женя, родители твои честные люди, и, что бы ни было, никому не удастся запятнать их имена!»

Ее увели, а по радио ровно в 6 часов запели: «Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля!» Мне было 14 лет.

Через два дня, и тоже рано утром, пришли за мной. Два человека: один в штатском, с выпирающим из-под пиджака пистолетом, другой – наш дворник-татарин, очевидно, в роли понятого. Велели взять с собой смену белья, запасную рубашку, кепку, кое-что из съестного, полотенце, мыло и, сказав, что сюда я больше не вернусь, увели на улицу.

У ворот нашего двора стояла какая-то грузовая машина, по-моему «АМО». В кузове сидели на корточках несколько мальчишек примерно моего возраста и один-два младше меня. Испуганные, безмолвные. Присел рядом, спросил, куда нас везут. Узнал – в лагерь для детей врагов народа. Мужчина с пистолетом сел рядом с водителем, дворник ушел к себе.

В кузове с нами находился охранник с винтовкой, он стоял к нам спиной, держась за кабину шофера. Мы проследовали по Донской улице мимо завода «Красный пролетарий», объехали справа Донской монастырь. Стало ясно, что грузовик выедет с правым поворотом на Калужское шоссе, теперешнее начало Ленинского проспекта, и продолжит путь или дальше за город, или снова направо, к центру Москвы. Быстро все сообразив,

увидев, что боковые ворота Донского монастыря открыты, я тихонечко приподнялся и, воспользовавшись небдительностью охранника и замедлившимся на повороте движением грузовика, сполз с невеликим своим багажом на дорогу и, как мышь, юркнул в открытые спасительные ворота...

Великое спасибо тем ребятам за то, что не испугались, не предали меня, не привлекли внимания охранника ни единым звуком и дали мне возможность избежать их, конечно, суровой судьбы! Если кто-то остался в живых из тех, кто сидел в кузове, и помнит описанный эпизод, примите коленопреклоненное спасибо! Спасибо вам, замечательные бывшие мальчишки!

Дальнейшие события развивались, как в детективном кино. Я выскочил на Шаболовскую улицу, быстро добрался на трамвае и автобусе до Курского вокзала, нашел – повезло – через несколько минут отходивший поезд на Харьков! Выбрал чуть полноватую проводницу (у меня с детства добрые люди ассоциируются с образом отца, который к последнему, 43-му году своей жизни стал немножко полнеть – раненые ноги не позволяли много двигаться), поведал ей все. Сказал, что хочу скрыться в Харькове на квартире помощника моего отца – юриста Ивони. Мне повезло – я не ошибся в доброте полноватой проводницы. Она спрятала меня на верхней полке за тюками постельного белья, дала погрызть яблочко, и мы двинулись в путь.

Месяц я прожил в темной комнате-чулане с приходившими в гости крысами и черными тараканами. За этот месяц Ивони (прошу прощения, не помню его имени и отчества) связался с Зинаидой Гавриловной Орджоникидзе (наша семья была очень дружна с семьей Орджоникидзе). Она связалась с Михаилом Ивановичем Калининым, под началом которого мой отец

еще до революции начинал слесарить на заводе «Айваз» в Петербурге. Они решили спасти меня от печальной лагерной жизни.

Дали знать, что надо срочно явиться в приемную Калинина. Быстрые сборы, прощание с Ивони – и я в Москве. Прямо с поезда на Моховую улицу, в приемную. Прошу доложить, что сын Якова Весника прибыл. Представляю, какво было удивление ожидавших приема, когда какого-то мальчишку, чуть ли не с котомкой в руках, секретарь председателя ВЦИК провел вне очереди в кабинет всесоюзного, как его называли, старосты.

Калинин знал меня совсем маленьким. Мы часто бывали у Орджоникидзе в их кремлевской квартире, где иногда бывал и Михаил Иванович. Первая фраза после «Здравствуй, Женя», была тихо произнесенная: «Маму тоже взяли?» Я сказал: «Да». Михаил Иванович спросил, есть ли у меня родственники в Москве. Узнав, что есть, пожелал мне успехов в учебе, дал какие-то деньги, сказал, что меня никто не тронет, пожал мне руку и приказал отвезти домой. Со мной поехал какой-то человек, привел меня в домоуправление, показал запись в домовой книге: «Несовершеннолетний Евгений Яковлевич Весник, учащийся средней школы, прописан постоянно на площади комнаты в 12 квадратных метров в доме № 42, в квартире 57 по распоряжению М. И. Калинина».

Сургучная печать на двери комнаты была сорвана, и я стал ее постоянным жителем. Остальные три комнаты были украшены сургучом с веревочками и следами грозных печатей. До сих пор я не могу спокойно смотреть на застывшие кружки из сургуча. Они пугают меня своей безжизненностью, мне всегда кажется, что холодный сургуч обязательно таит зло!

Итак, холодный сургуч был снят с моего будущего, и началась полная неизвестности и тревог

самостоятельная жизнь. 15 января 1938 года мне исполнилось 15 лет.

В небе парил «отец родной». Сквозь его китель просвечивало неровно бьющееся сердце. Знакомый голос зазвучал где-то над «отцом народов» высоко-высоко и далеко-далеко от него.

Я узнал голос Владыки. «Добрый человек из доброго сокровища (сердце «отца всех» не мигает) выносит доброе, а злой человек из злого сокровища (сердце под кителем замигало) выносит злое».

Почему-то где-то зазвучала лезгинка, слышалась пальба из пушек, и кто-то, тяжело вздохнув, прошептал: «Антракт».

Интерлюдия-4

Так в 1937 году я вдруг потерял отца и мать: отца навсегда, мать на 18 лет. И остался один в 14 лет. Несмотря на пережитую трагедию, я испытываю гордость за отца и мать, ушедших из жизни, победив тех, кто пытался уничтожить их не только физически. Я знаю, что отец победил расстрелявших его. Знаю, что мать победила тех, кто издевался над ней в тюрьмах и лагере, знаменитом лагере «Алжир» под Акмолинском для жен врагов народа, а потом еще в ссылке. Но помнящие мать и здравствующие доселе добрые люди уважительно говорят о ней и ставят в пример другим. Отец и мать реабилитированы. Именем отца названа улица в городе Кривом Роге, открыты мемориальные доски с именем Якова Весника, память о нем сохраняется в музеях завода «Айваз» (ныне объединение «Светлана»), Криворожстроя.

Я счастлив, что до сих пор, будучи уже пожилым человеком, приезжая в Кривой Рог, встречаю людей,

вспоминающих отца добрыми словами. А прошло ведь более полувека!

Моя мать после 18-летнего изгнания из общества вернулась в него, преподав многим, и мне в том числе, уроки мужества, стойкости, оставшись после ужасных лет унижений и травли такой же психологически здоровой, энергичной, красивой женщиной, какой была до 1937 года. Это ли не победа над мерзавцами!

Несмотря на крутые повороты в истории страны, из которых толковые, прогрессивные принимаю всей душой, я не могу ни осудительно, ни с иронией отнестись к революционному и партийному фанатизму моего отца. Потому что – я это знаю точно – ни в каких преступлениях и заговорах он не участвовал и был абсолютно честным человеколюбом! Поэтому и расстрелян.

Запели, загудели, завздохали колокола.

Антракт закончился. Небо снова рассценилось, затеатралилось... Бинокли направлены на созвездия Гончих Псов и Скорпиона. Там из-за «облаков-кулис» выглянули огромные – в размер целой эпохи – сапожища. Самого «отца сапог и всех народов» не видно.

Раздался душу лечащий голос Владыки: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их... Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые».

Веселая маршевая музыка заглушает колокольный звон. Летящие вокруг сапожищ сатанята укрепляют между голенищами транспарант, выписанный буквами из убитых горлиц: «Москва. 1937 год».

Из миража вырисовывается поясной портрет «вождя». Он висит точно над сапогами, и создается впечатление целостности личности, то есть гармония

сапог и всего того, что выше... Проявляется кабинет следователя на Лубянской площади. Два бостоновых джентльмена вводят в кабинет Маму.

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*привставая из-за стола*). Евгения Эммануиловна, входите, входите. Будем знакомиться. Капитан Икс.

МАМА. За что арестован муж?

СЛЕДОВАТЕЛЬ (*с сочувствием*). Садитесь. Ваш муж арестован как враг народа.

МАМА. Он не может быть врагом народа!

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Не торопитесь, уважаемая, не торопитесь. Вы хотите установить истину?

МАМА. Конечно.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Значит, помогайте следствию. (*Смотрит на лист бумаги.*) У вашего мужа, 1894 года рождения, есть старые грешки... Всего год назад, в августе 1936 года, ваш супруг Криворожским горкомом партии был исключен из ВКП(б) за пособничество троцкистам: он помогал некоему Дрейцеру, одному из тех, кто замышлял убить товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе и многих других. Дрейцер, бывший начальник личной охраны Троцкого, работал у вас на заводе в Кривом Роге. Это – факт?

МАМА. Да. Но разве неизвестно, что моего мужа восстановили и в партии и в должности буквально через десять дней после исключения? Специальным постановлением ЦК партии, опубликованным в центральной печати. За него поручился Серго Орджоникидзе. И Сталин был осведомлен об этой ошибке.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Знаю. Но согласитесь, довольно странно: подручный троцкистов летает на самолете вашего мужа в Москву, поддерживает связь с заграничными центрами, а никто, в том числе и ваш муж, ничего не замечает. Удивительно!

МАМА. Дрейцер работал в Кривом Роге меньше года. Коммерческим директором завода. И его частые разъезды были абсолютно естественны, по крайней мере для нас. Уверяю вас, Яков Ильич не мог замышлять чего-либо плохого. Особенно против Серго. Это невероятно. Они дружили с Серго с Гражданской...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Хорошо. Пойдем дальше. В длительных командировках за рубеж вы сопровождали своего мужа. Так?

МАМА. Так.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Припомните, пожалуйста, в Германии он никого из немцев не приглашал к себе? Или может быть, немцы вас приглашали?

МАМА. Приглашали. Как правило, коммунисты, наши товарищи.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы сказали, «как правило». Значит, были и иные встречи?

МАМА. Не помню. Пожалуй, все-таки с членами партии.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Пожалуй или точно? Не очень ясно.

МАМА. Просто я волнуюсь. Вы что, подозреваете, что Весник – шпион? Но это же, простите, полнейший абсурд. Ему поручали закупать современное металлургическое оборудование для Магнитки, Кузнецка. Это была его главная задача. А для этого приходилось общаться с разными людьми: деловыми, политиками, специалистами. Кстати, фирмы и заводы там возглавляют не коммунисты...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Да-да, разумеется.

МАМА. Мне обещали встречу с мужем.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Это от вас зависит в первую очередь, когда и где состоится такая встреча. (*Встает, ходит. Внезапно.*) А ведь вы нам врите! Все вы прекрасно знаете и помните. И встречи, и шикарные подарки, И зашифрованные письма! (*Пауза.*) На кого и для чего учили вас в Оберзее?!

МАМА. Как вы... Я...

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Молчать! Встать! В карцер захотелось? Хватит крутить вола! Рассказывай! Думаешь, нам не известно, что твой муженек в одной армии с Тухачевским служил? *(Кладет перед ней бумагу.)* У нас достаточно материала, чтобы вас обоих расстрелять и без официального признания. Но неужели не захотите выскоблить, вычистить себя перед народом? Пиши: виновата, помогала троцкистам, хотела с мужем завод взорвать. Признавайся во всем, тогда свободу увидишь. Вот ручка, давай пиши...

МАМА. Мой муж – честный человек! И честный коммунист!! Вы что же, донос на собственного мужа предлагаете мне сочинить?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Утром встретимся. *(Джентльмены уводят Маму.)*

На небе вдруг стало темно, как будто кто-то выключил электричество, но буквально на несколько мгновений, и снова стало светло... «Ночь» пролетела, как стрела... Театр!

Снова тот же кабинет.

МАМА. Я заявляю протест. Согласно Конституции, никто не может быть арестован без ордера прокурора...

СЛЕДОВАТЕЛЬ *(резко).* Вот ордер на ваш арест. *(Кладет перед ней.)* Скажите, только без дураков: неужели копать в курином помете такой красивой, пахнущей хорошими духами даме интереснее, чем выступать на сцене, ловить восхищенные взгляды? А? Вы ведь *(смотрит в записи)* пели в середине двадцатых годов в частном театре в столице. Да?

МАМА. Я настаиваю, требую свидания с мужем!

СЛЕДОВАТЕЛЬ *(помолчав).* Мне почему-то кажется, вам не совсем понятно, что в вашей жизни произошли большие перемены... Ну как бы вам сказать... Отцвел... отплодоносил – уступи место другому. Воздай, как

говорится, дань мудрости природы. Время от времени требуется убирать лишнее, вредное. Напрасно вы не желаете очиститься перед нами... ради оздоровления народа!

МАМА. Попахивает фашизмом...

СЛЕДОВАТЕЛЬ (бьет ее по лицу). Сука!

Следователя затрясло, согнуло... Он ищет по карманам, очевидно лекарство, но поздно – он падает на пол: начался эпилептический припадок... Вместе с джентльменами Мама помогает больному прийти в себя.

Непонятно, почему немножко повыли волки. Как только оркестр заиграл бодрый марш, на небе появился сам «вождь», поставил перед собой огромную толстенную книгу под названием «Акмолинский лагерь ГУЛАГа. 1942 год».

Книга открывается, и мы видим: барак, нары. Полумрак. Входят три женщины. На них грязные робы, в которых они похожи на бесполые существа, платки скрывают лица. Одна из женщин – Мама, снимающая с себя одежду.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА. Тш-ш... (Прислушивается.) Что это?

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Пойду гляну. (Уходит.)

Женщины в полумраке продолжают раздеваться.

Возвращается Вторая женщина. (Тоже снимает одежду.) Помните, Зинке охранник прикладом зубы повыбивал? А корни-то острые остались. Ворочать языком ей трудно. Раздобыла где-то напильник, несчастная, подравнивает... Слышите? (Все прислушиваются.) Ох Господи Боже ты мой, бедная...

Света стало больше. Видно, что женщины молоды, красивы. Их жесты легки и естественны. Они расчесывают волосы, прихорашиваются, словно дома, а не в бараке.

ГОЛОС (за облаком). Почта! Почта!

В барак падают две небольшие посылки (одна из них – мною посланная) и несколько писем. Пауза.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА *(глухо рыдает, держа в руке письмо-треугольник. Сквозь рыдания).* Как это в Библии сказано: «Всему и всем одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и злему, чистому и нечистому... Это-то и худо во всем, что делается под солнцем, что одна участь всем». За что? Зачем? Ему всего восемнадцать было... *(Плачет.)*

Прижавшись друг к другу, женщины молчат. Мама протягивает подружкам гостинчики из моей посылки... Тишина... Слышен лишь хруст сухарей на зубах. Вторая женщина потихонечку, опустив голову, затягивает какую-то печальную песню, слов не понять... Первая встает и заводит под песню странный и непонятный танец. Мама уставилась в одну точку – там ей улыбается Папа, а я кричу «ма-а-а, мма-а-а-а!!!» Первая, не прекращая танцевать, нервно, истерично хохочет, потом кричит во всю мочь: «За что??!» И падает в обморок. В наступившей тишине множество голосов кричат: «Тихо, суки!»

В небе творится черт-те что... Поют, стреляют, рассыпаются блески фейерверков, целуются ангелочки. «Вождь всех времен» поднимает большой бокал, что-то говорит (плохо слышно): «Во-пэрвых». Потом еле-еле слышно: «Во-вторых...» И где-то в конце: «За вэликий русский народ». Идут цирковые представления, женщины-матери плачут от горя и от счастья. Все ревет и стонет. Клоун хохочет, а из глаз почему-то брызжут вперед метра на два от него – слезы!

На седьмом небе Мама и я. Она – седая, я – худенький студентик с двумя медалями «За отвагу» и орденом Красной Звезды и значком «Гвардия» на груди. Мы устраиваемся поудобнее в уютной машине времени и говорим, говорим, говорим. Я – о том, как сложилась

моя судьба с 1937 по 1946 год и про войну. Она - про тюрьмы и лагеря.

Интерлюдия-5

Я наблюдаю за мамой тех лет... Несмотря на то, что после освобождения из лагеря ей не разрешали жить со мной в Москве (называлась эта «забота» о таких освобожденных заключенных, то есть осужденных без предъявления обвинения, «минус 100 городов»), она увлеченно преподавала музыку детям городов Савелово и Кимры, завоевала симпатии и уважение всех с ней общавшихся людей. Осталась такой же доброй и жизнелюбивой, какой и была до «упражнений» вождя с судьбами людскими. И никакого озлобления, никакой трусости - лишь гордое чувство своей невинности перед Родиной и своего достоинства гражданского, человеческого, политического и женского!

Спектакль приближается к финалу. Уже прозвучали слова Хрущева, разоблачившие кошмары, творившиеся при «сапогах и усах», прозвучал текст реабилитаций...

Финальная сцена небесно-земной истории-спектакля: облака превращаются в кремлевские стены... Зрители и я въезжаем (благодаря оптическому обману) через ворота в кремлевский дворик. Таким же образом нас «въезжают» в красивую гостиную, богато убранную и с большим портретом нового главного человека (без волос и без сапог, но со скрытой страстью снимать с себя обувь). Два человека: Большой-большой (небольшого роста) чиновник и красивая седая - моя Мама...

ЧИНОВНИК (в бостоновом костюме. Над ним загорается рубиновая звезда). Уважаемая Евгения Эммануиловна, разрешите мне по поручению советского правительства вручить вам орден Трудового Красного

Знамени, незаслуженно отнятый у вас двадцать лет тому назад. (Вручает, прикрепляет.)

Огромный оркестр из множества «музыкантов» по сигналу дирижера (в бостоновом костюме) движениями смычков, усилиями надутых щек духовиков, к которым присоединились сотни ударников, извлекает абсолютную тишину! «Много тишины из кажущегося шума» или «много кажущегося внешнего шума из внутренней тишины»...

ЧИНОВНИК. У меня для вас есть еще одна весть (вручает Маме документ за подписью заместителя председателя Военной коллегии Верховного Совета Союза ССР товарища Борисоглебского): дело по обвинению Якова Ильича Весника пересмотрено. Приговор Военной коллегии от 17 ноября 1937 года отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Ваш муж реабилитирован. Посмертно. Поздравляю.

Ожила рука дирижера с палочкой, надуты щеки, палочки бьют в барабаны, смычки «зачесали» по струнам, но по-прежнему звука нет...

ЧИНОВНИК (над ним горит рубиновая звезда). Не желаете ли что-нибудь сказать? (Над Мамой появляется размеренно бьющееся огромное сердце, может быть, чуточку взволнованнее, чем обычно.) Я спрашиваю вас, не хотите ли сказать несколько слов?

Мама (с прикрепленным на груди орденом) медленно отрицательно качает головой.

Я, наверное только я, заметил, как блеснули в ее глазах слезинки. Оркестр ожил, задвигался всеми своими руками, щеками, смычками, металлом и деревом... Но почему-то (о чудо!) звучит только рояль – любимый Мамой великий, добрый, мудрый, неистовый и ласковый, лиричный Рахманинов, тот, которого Мама пропагандировала детям в музыкальных школах Кимр и

Савелово, мелодии которого напевала в тюрьмах и лагерях...

Прилетевшая стая горлиц закрыла собой все прелести Кремля.

Зазвучал голос Владыки: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся... Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят... Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец наш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших».

Горлицы летали, летали и вдруг, замерев в полете, образовали своими тельцами надпись: «Спектакль под названием „Чистка“ закончился». Занавес!

Интерлюдия-6

В Долгинцеве (район Кривого Рога) есть улица имени Якова Весника. На доме № 1 – мемориальная доска, объясняющая, что «Я. Весник – первый директор Криворожского металлургического комбината». Хозяин дома – Николай Степанович Сименов, пенсионер, 40 лет проработавший шофером.

– Ну спасибо вам, шо вот на нашем доме прикрепылы цю доску!

Вы отца моего не знали?

Та не-е-е. Знать не знал. Но слыхать слышал много хорошего. Очень много. Простой, добрый человек, говорят, був. И за доску памятну – спасибо! Ведь нашу вулицю теперь першой заасхвальтировали. Уголь нам першим привозять, водопровод нам першим протянули. Спасибо вашему батьку. Я вроде вашим родственником себя ощущаю. Хороший ваш батько человек! Дуже гарный!

Расстреляли его в тридцать седьмом году.

Вот за то, що был дуже гарный (очень хороший), и убылы!

...Улицы Москвы вечером прелестны, хотя и небезопасны... Больше полувека прошло после окончания кровопролитной битвы с врагом, которого мы не боялись, а теперь вот боимся друг друга! Своих боимся! И кровь своих течет! Абсурд! Люди больны! Страна больна! И не потому, что нет колбасы или дешевого пойла, а потому, что стадо людей не знает, куда идти, где и как пастись... Точнее, не понимает стадо, куда и как идти за лучшим, - очень много пастухов. Во время войны знали, что «лучшее» - это Победа! Шли к ней все! Сейчас нет равнозначной замены слову Победа, а если и бывает победа, то для части людей, иной раз маленькой-маленькой части. Каждый ищет свою победу. Маленькую, но свою. А общая - для всех - чахнет, отдаляется от фанфарного торжества... Ах, если бы Всевышний прикончил ЗАВИСТЬ! Ах, если бы все начали работать в охотку - глядишь, все увидели бы на горизонте... цель!! А за ней - новую...

Под впечатлением от спектакля идем по улицам Москвы. Кто-то спросил: «А почему спектакль называется „Чистка“?» Кто-то ответил: «Люди „чистили“ ряды партии, помещения, головы, зубы...» После 1953 года люди попытались почистить свои ряды, то есть сами себя. Убиенные-расстрелянные помогли этой чистке: доброй памятью о себе они «победили» убивавших, расстреливавших, пытавших. Много дряни вычистили, но, к сожалению, не всех. «Чистка» нужна новая! Под флагами Иисуса, Диогена, Монтеня, Пушкина, Сахарова. И - не боюсь сказать - моих мамы и папы и им подобных. Бескровная, но Чистка!

Воспоминания снижают повышенную температуру возмущения и досады. Воспоминания о добре и добрых, о талантливых и честных, об умных и красивых...

Воспоминания, воспоминания. Настала и моя очередь...

Школа жизни

Девятый и десятый классы 15-й школы города Москвы стали завершением моего среднего образования и началом суровой жизни. Я знал уже, что Серго Орджоникидзе покончил с собой. Знал, что в стране творится беззаконие: арестовывали ночи напролет целыми домами. Около тюрем простаивали очереди родственников в надежде передать узникам хоть что-нибудь из еды или вещей. У некоторых передачи принимали, у некоторых – нет. Ответные записки от арестованных вручали наполовину зачеркнутыми – значит, нам на улице чего-то нельзя было знать о своих родных.

В свои 15 лет я понимал: что происходит что-то обратное тому, что проповедовали своей жизнью и своим трудом мои родители. Меня поражает фарисейство тех, кто утверждает, будто не понимали тогда, в годы великих репрессий, что гибнут миллионы ни в чем не повинных людей, что уничтожаются лучшие умы, что лезет в начальники серятина, погубившая в результате все то, что давало надежду на величие страны. До сих пор никто не покаялся перед Богом за варварство советской действительности. Мало того, есть масса слепцов и фанатиков, которые защищают ее и мечтают все восстановить.

...В нашу квартиру вселили новых жильцов: инженера с семьей в две комнаты, а в третью – выдвигенца из села. Выдвигенец вскоре стал владельцем всего нашего имущества в этой комнате, в которой он прекрасно себя чувствовал. Окружавшая нас вакханалия не помешала, а может быть, помогала ему стать большим начальником – сначала в сфере науки, а затем искусства и культуры. Новые соседи относились

ко мне внимательно, даже сочувственно. Выдвиженец, несмотря на то, что, конечно же, был связан с НКВД, помог устроиться на работу подсобным рабочим на завод «Ниогаз».

Зла на них ни на кого не держу, благодарен за все доброе, проявленное в мой адрес. Спасибо, Исидор Леонтьевич, спасибо, Валентина Павловна, спасибо, Иван Данилович!

Чтобы не голодать, понемногу продавал оставленные мне вещи. Немного помогали родственники, подкармливали матери товарищей, учителя. Спасибо им великое!

Моим ангелом-хранителем была учительница литературы Анна Дмитриевна Тютчева. Одинокая пожилая женщина, в отличие от тех, кто утверждал (от трусости), что не понимает происходящего в стране геноцида, прекрасно все видела и правильно трактовала. Будучи истинно русской интеллигенткой – она правнучка поэта Тютчева – и истинной христианкой, старалась помочь всем, чем могла, слабым, бедным, одиноким. Я стал предметом ее особого внимания: она помогала мне учиться, сдавать экзамены, даже рискуя потерять работу, подкидывала мне шпаргалки.

В 16 лет, учась в 10-м классе, я связался с компанией, не гнушавшейся выпивки, драк и однажды даже поножовщины. На каком-то школьном вечере Анна Дмитриевна подошла ко мне, сидевшему в мрачном настроении в одиночестве, погладила по голове и тихо, почти шепотом, сказала, что все знает про меня. Что нельзя позорить память о родителях, нужно взять себя в руки, хорошо кончить школу и, вместо того чтобы попусту тратить время на уличные похождения, заниматься в драмкружке, набор в который она объявит через несколько дней и будет сама им руководить. Она называла меня «Женечка», как мама, и погладила по голове. Как мама!

Все изменилось в моей жизни! Со шпаной расстался, стал успевать в учебе, записался в кружок и был в нем самым активным членом, наверное, потому, что никто из мальчишек так не мечтал стать артистом, как я. Во мне проснулись заглохшие было мечты. Сыграл замечательные роли: Тарталью в «Принцессе Турандот», Сатина в «На дне» и народного артиста в пьесе Гусева «Слава». И никак не подозревал, что сам через 30 лет стану «народным», да еще буду играть на сцене Малого театра, за билетами в который готов был стоять ночами в очереди.

Анна Дмитриевна учила нас понимать, что такое высокое искусство, – литература, живопись, музыка, театр, кино. Разбирала с нами то, что мы видели и читали. Возводила в высокие образы лишь то, что заставляло задуматься, переосмыслить многое в себе. Она была, повторяю, одинока, детей не имела. И поэтому все материнское, что было в ней от при роды, все нерастраченное, все доброе, заложенное в сердце и душу Богом и благородным воспитанием; все, что так выгодно отличало ее от кожаных тужурок, арестов, тюрем, от коммунистического угарного самообмана, от жестокости людской, от трусости, лжи, предательства, от всего того, на чем держалось и сгнивало общество строителей «светлого будущего»; все, что было чистого, святого в ней, она щедро отдавала нам, в общем чужой ей ребятне, и особенно щедро тем, чья судьба складывалась тяжело или трагично.

Память о ней, ушедшей от нас много лет тому назад, живет в сердце каждого, кто испил из ее душевного источника волшебной доброты.

Спасибо, Анна Дмитриевна! Спасибо за все светлое, радостное, что всегда исходило от Вас! Спасибо!

Ее поддержка моих артистических начинаний и ее совет попробовать поступить в театральное училище решили мою дальнейшую судьбу, счастливую судьбу, в

которой она продолжала принимать самое живое участие. Каждую мою работу в театре и кино, на радио и телевидении она рецензировала в подробных письмах. А письма на фронт начинала словами «Дорогой мой Голубок!», а кончала пожеланием; «Да хранит тебя Бог!»

Еще много, много раз – спасибо за все, дорогая, незабвенная Анна Дмитриевна Тютчева!

Мне бы молодость повторить.
Я на лестницах новых зданий,
Как мальчишка, хочу скользить
По перилам воспоминаний.

Эти строчки Михаила Светлова, по-моему, обречены на бессмертие. «Мне бы молодость повторить»! Ну кто из нас не мечтает об этом? Кто из нас не размышляет над тем, что не так было в жизни, что хотелось бы поправить, переосмыслить. Но к сожалению, это невозможно. «Хочу скользить по перилам воспоминаний». По поводу воспоминаний у Василия Ключевского есть такие слова: «Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что уходя не умело убрать своих последствий».

...Помню, как в 1935 году в Кривом Роге, где мы тогда жили, гастролировал Днепропетровский драматический театр. Отец имел постоянный пропуск в «Палац праці» («Дворец труда»), а следовательно, и на все мероприятия, происходившие там. Он держал этот пропуск на видном месте, и мне не составляло никакого труда им пользоваться. Занятость родителей допоздна, мои солидные 12 лет и «высокое» положение сына директора несколько приглушали грозную силу объявления «Дети до 16 лет не допускаются» и открывали мне новый, чарующий мир сцены, закулисной

жизни. Мир, так отличавшийся от жизни завода. Пропуск подарил мне знакомство с жизнью театра и открыл путь в профессию артиста.

Днепропетровцы играли «Отелло» Шекспира, «Аристократов» Н. Погодина, «Детей солнца» Горького. Что со мной делалось! Я мазал лицо сажей, надевал на руки черные чулки и пугал маму. Я рычал, спрашивал ее, молилась ли она на ночь, называл ее Дездемоной и пытался «задушить». Во сне я видел себя в образе Кости Капитана из «Аристократов», беседовал с бандитами, беспризорниками, наставлял их на путь истинный. И они становились полезными обществу людьми.

Все центральные роли в репертуаре Днепропетровского театра играл Владимир Владимирович Кенигсон, позже блиставший в Московском камерном театре, а затем и в Малом. Я подражал всему, что он делал на сцене. Для меня Кенигсон был артистом идеальным. И надо же так случиться, что через 40 с лишним лет я стал партнером Владимира Владимировича на сцене Малого театра, а позже и его режиссером! Он прекрасно играл Иудушку в моей постановке «Господа Головлевы», заменив в этой роли незабвенного Виталия Доронина.

Приобщали меня к искусству, развивали фантазию и образное мышление и домашние концерты, которые в свободные дни устраивала мама. В них принимали участие владевшие музыкальными инструментами и умевшие петь работники Криворожского завода. Я с упоением слушал классику, высокие образцы музыки: арии и дуэты из опер, слушал рояль, скрипку, виолончель. Но осталось загадкой: как мне удалось воспротивиться усилиям матери и педагогов обучить меня игре на фортепиано. Сомнений в том, что усилия эти были упорными, нет, потому что мама моя была женщиной волевой и если что «положила себе на

мысль, то уж поставит на своем, хоть там весь свет трещи!» (Чуть-чуть измененная реплика Лупа-Клешнина из «Царя Федора Иоанновича» А. К. Толстого.)

Причиной того, что я не стал музыкантом, было или мое феноменальное упорство, или, что вероятнее всего, очень большая отдаленность моих музыкальных способностей от способностей, скажем, Бетховена или Рахманинова. Единственное утешение – это то, что не давшие выдающихся результатов усилия по воспитанию из меня музыканта все же оказались не совсем напрасными: играя моих многочисленных героев в театре и кино, на телевидении и радио, я мог петь или плясать то, что было положено по роли.

Гастроли днепропетровцев закончились, начались представления в цирке. Еще в Германии я научился виртуозной езде на велосипеде. Что я только не вытворял! Ездил на одном заднем колесе, делал на руле стойку на голове, ездил спиной вперед, стоял на месте, держа баланс и не опуская ног с педалей! Случилось так, что в труппе эквилибристов на велосипедах, если не ошибаюсь, латышской, под названием «9-Инго-9» заболел мальчик моего возраста, участвовавший в парад-алле. Он выезжал первым на маленьком велосипеде, не притрагиваясь руками к рулю, держа в них два высоко поднятых флага. В конце номера он поднимался на вершину пирамиды из всех участников, держа в руках те же два флага. Кто-то из этой труппы случайно увидел меня то ли на улице, то ли на стадионе, выделявшего на велосипеде разного рода «кренделя», и предложил принять участие в их выступлениях. Мама разрешила, и в оставшихся выступлениях я вместе с артистами выходил на манеж!

О! Это были, пожалуй, одни из самых запомнившихся на всю жизнь мгновений! Аплодисменты! Впервые я ощутил их чарующую силу. Я впервые в жизни увидел горящие глаза счастливых

артистов, их раздувавшиеся ноздри и сильные грудные клетки, вздымавшиеся от огромного физического напряжения. Став артистом театра, я всегда вспоминал взволнованные лица цирковых артистов, которым обязан пониманием того, что настоящие, дорого стоящие аплодисменты только те, которые заслужены упорным трудом, творческими открытиями и еще раз трудом! Поэтому часто возмущаюсь аплодисментами зрителей в адрес артистов, ну никак их не заслуживающих. В немалой степени эта строгость – результат моих детских впечатлений от сложнейшего труда и искусства любимых и по сей день цирковых артистов.

С содроганием вспомнил жуткую историю. В двух словах. Мне 11 с гаком лет. Гуляем со школьным товарищем по центральной улице Ленина. Подходят к нам два молодых здоровых парня, демобилизованных из флота, и просят подержать их документы несколько минут. Соглашаемся. Гордимся, что нам доверяют такие молодцы! Ждем... Проходит более получаса. Товарищ уходит домой – боится взбучки от родителей. Я жду... Слышу какие-то крики на реке, не обращаю внимания... Через некоторое время ко мне подходит милиционер и забирает документы «молодцов», которые, как оказалось, изнасиловали на берегу реки в двухстах метрах от улицы Ленина женщину. Их задержали... Весь город наполнился слухами о том, что «сын директора принимал участие...» Отец был взбешен моим легкомысленным поведением, а так как он был человеком темпераментным, то дома эта идиотская история чуть не закончилась трагедией...

В 1995 году я ставил французскую комедию «Школа налогоплательщиков» в местном театре имени Тараса Шевченко и по телефону был предупрежден женским голосом о том, что «в связи с историей 1934 года меня ждут большие неприятности, так как я принимал в них

непосредственное участие». В ответ я попросил к телефону пострадавшую. В этом мне было отказано. Я понял, что имею дело с примитивным шантажом, и объяснил «женскому голосу», что пострадавшая меня в глаза не видела, так же как и я ее. И добавил: «Если вы решились на этот звонок, то, очевидно, только потому, что плохо информированы, и особенно о главной детали – о моем возрасте. Мне в 1934 году было одиннадцать лет!» Шантаж прекратился...

Воспоминания, воспоминания...

Театральное училище имени Щепкина при Малом театре, 1940 год.

Сдавать экзамены сюда я пришел уже с большим опытом в этом коварном деле. Я уже сдавал и был принят в ГИТИС. А в театре имени Вахтангова был забракован, как непригодный, из-за отсутствия темперамента (я очень был, как говорят, зажат). Спустя много лет я, к успокоению своему, узнал, что тем же экзаменатором был забракован в свое время и несравненный Николай Гриценко, которому было заявлено: «Вас ждут заводы!» В экзаменационной комиссии в училище имени Щепкина – Илья Яковлевич Судаков, Александр Алексеевич Остужев, Вера Николаевна Пашенная, Вениамин Иванович Цыганков, Варвара Николаевна Рыжова, Александра Александровна Яблочкина, Евдокия Дмитриевна Турчанинова и много других знаменитых актеров и режиссеров. Во рту все пересохло. Я стою перед теми, глянуть на которых удавалось, лишь простояв ночь в очереди за билетами на «Лес» Островского, «Отелло» Шекспира. Коленки подрагивают.

– Что будете читать? – слышу голос Судакова и вижу его, слегка пошлепывающего правой рукой по своей шее (у него была такая привычка).

– Я буду чита... играть... Нет... показывать сцену Сатина и Барона из «На дне» Горького.

- Не волнуйтесь, пожалуйста, начинайте, - ласково говорит Судаков.

Я начинаю, точь-в-точь - так мне казалось - воспроизводя интонации Качалова-Сатина и Гейрота-Барона. Пересаживаюсь, вернее, перескакиваю с одного стула на другой, в зависимости от того, за кого - Сатина или Барона - произношу текст. Разошелся, осмелел. Дойдя примерно до середины сцены, резко остановился, услышав хлопки в ладоши Судакова:

- Достаточно, что у вас еще?

«Провалился», - подумал я, но тут же немного успокоился, увидев слегка улыбавшиеся и доброжелательные лица членов комиссии.

- Стихи! - смело выпалил я и добавил: - Ничего хорошего у меня нет (я имел в виду классику). Есть только «Комсомольская песня» Иосифа Уткина.

В зале раздались приглушенные смешки. Мне почему-то это придало уверенности, и я бойко прочел стихотворение.

- Басня у вас есть в репертуаре? - услышал я из зала. Слово «репертуар», сказанное в мой адрес, меня почему-то преобразило. Я почувствовал себя уже наверняка принятым в училище, в котором преподавали все знаменитости, которые, конечно же, почувствовали во мне «что-то». И для меня этого «что-то» было достаточно, чтобы бойко объявить, что знаю басню испанского автора «Осел и Флейта», и прочесть ее так же бойко. Но до сих пор не понимаю, почему басом - за Флейту и фальцетом - за Осла!

Время прошло немалое, не знаю, остался ли кто-нибудь в живых из свидетелей, но даю вам слово - я имел шумный успех. На первой же реплике Осла, произнесенной на фистуле, в зале раздались отдельные громкие смешки, на второй - смеялись многие, после финальной третьей фистулы Осла зал разразился дружным смехом.

- Спасибо. А почему вы сдавали экзамен к нам? Вы ведь, кажется, пробовались еще в ГИТИС?

Оказывается, Илья Яковлевич Судаков преподавал еще и там. А будучи главным режиссером Малого театра, он набирал курс и в училище Малого театра, который затем сам и возглавил.

- Я и во МХАТ сдал, а вот в Вахтанговский театр не сдал, провалился.

- А что вы там читали?

- «Огоньки» Короленко. Провалился. Нет темперамента, сказали.

- Зря вы читали «Огоньки». Это материал не для вас. Темперамент у вас есть, не беспокойтесь.

После хохота членов комиссии по поводу моей оригинальной находки говорить за Осла фальцетом, а за Флейту басом я почему-то не очень беспокоился и, мало того, уже видел себя партнером сидевших в комиссии титанов сцены. Я объяснил, что после провала в театре имени Вахтангова сдал экзамены во МХАТ, но потом узнал, что в ГИТИСе учатся ребята из нашей школы, решил и туда сдавать. После удачных экзаменов случайно встретил знакомого и, узнав, что он студент третьего курса и председатель месткома училища имени Щепкина и что он всегда сможет мне помочь, особенно материально, окончательно решил поступать в Малый.

- И укрепить, так сказать, труппу прославленного театра? - серьезно спросил меня Михаил Францевич Ленин.

Я выпалил искреннее и короткое «Да!», чем снова вызвал одобрительный гул комиссии. Сам же я почувствовал себя уже заслуженным артистом! Такая реакция зала! Не шутки!

- Сначала вы хотели укреплять театр Вахтангова, затем МХАТ, теперь Малый! Не велик ли замах? - по-доброму спросил Илья Яковлевич Судаков.

- В Вахтанговский я пошел потому, что мама дружила с актрисой Вагриной, во МХАТ - потому, что мама была знакома с Андровской, в ГИТИС - из-за дружков, а в Малый - из-за месткома.

И снова упоительный успех - смех в зале.

- А какой театр вы больше всего любите?

- Я все театры люблю и актеров тоже всех люблю, но ночи, записываясь в очередь за билетами, простаивал только в Малый.

Так была решена судьба 17-летнего паренька, мечтавшего с детства стать лицедеем. Я стал студентом Театрального училища имени Щепкина при Государственном академическом Малом театре, студентом первого курса, которым руководили И. Я. Судаков и Б. И. Вершилов.

Как недавно все это было!

Просится на бумагу множество оживших сценок, ситуаций, словно лента кадров-воспоминаний. Теряюсь в выборе наиболее интересных, запавших в душу людей. В конце концов, извлекаю из памяти своей то, что имело отношение к доброму, к любви, к благодарности за учение, за уроки человечности, за помощь в овладении профессией.

И первым должен назвать Илью Яковлевича Судакова, который своей работоспособностью, образованностью и человечностью остудил пыл нашей самоуверенности и переоценки самих себя. Первые же беседы с ним открыли нам глаза на сложность выбранной профессии и, естественно, настроили на предельно серьезное отношение к ней. Я до сих пор вспоминаю, с каким упорством этот большой художник добивался от нас мало-мальски приемлемого качества работы, будь это этюд, сценка, отрывок из пьесы или просто небольшая реплика. Многократное повторение того или иного нашего действия давало нам ощущение некоторого овладения материалом, а следовательно -

маленькой радости, закладывало в сознание необходимость упорнейшей работы. Счастливое начало!

Мы почувствовали отеческое отношение к нам еще и потому, что на наши встречи несколько раз приходила жена Ильи Яковлевича, одна из самых ярких актрис, которых мне пришлось видеть за всю свою жизнь, артистка МХАТа Клавдия Еланская, народная артистка СССР. А кроме того, мы знали, что Илья Яковлевич тайком помогал деньгами нескольким студентам, не имевшим, кроме стипендии, никаких средств к существованию.

Из бесед со мной Илья Яковлевич узнал, что я сын репрессированных родителей, сказал мне, что слышал о моих отце и матери. Посоветовал поменьше распространяться об аресте родителей, спросил, как я материально устроен, и, узнав, что я подрабатываю на заводе «Ниогаз», пожелал мне успехов в учебе и здоровья. И – никогда не забуду об этом – погладил меня по-отцовски по голове... Мне стоило больших усилий не расплакаться: меня ведь некому было гладить по голове! Мои чувства уважения и преклонения перед первым театральным педагогом после этой нашей беседы очень напоминали благодарность бездомной собачонки за человеческую ласку и внимание!

Насколько радостными были мои встречи и отношения с Ильей Яковлевичем, настолько тяжело было узнавать, что творилось вокруг фигуры этого большого мастера. Его травили, обвиняли в разного рода художественных промахах, вместо того чтобы ценить за самобытный, свободный от политического лизоблюдства талант. Его выжили из Малого театра и довели, именно довели, до инсульта, до инвалидности. Но Бог не оставил его. Он подарил ему замечательную семью: талантливых дочерей Иру и Катю и преданную жену – грандиозную Еланскую, бывшую всегда с ним,

уже разбитым параличом, прикованным к постели. Но в памяти людской он остался душевно красивым, куда более значимым в искусстве, чем те здоровые, которые своей «преданностью» ужасающей идеологии нашего прошлого вырвали его из мира искусства.

Не могу не вспомнить добрыми словами режиссера МХАТа и Малого театра, нашего педагога Бориса Ильича Вершилова, помощника Ильи Яковлевича. Он преподавал нам уроки фанатичной влюбленности в театр, внимательного отношения к людям, в частности к нам – студентам. Он знал о каждом из нас все: каким мы видим свое будущее, современный театр, свое место в нем; знал, как каждый устроен или не устроен в жизни, что читает, чем увлекается. Он часто проводил с нами время вне стен училища – в театрах, в кинотеатрах, в музеях. Мы бывали у него дома и, естественно, испытывали к нему чувство огромного уважения. К человеку его эрудиции, интеллигентности и таланта нельзя было относиться безразлично. Он был одним из маяков, на который нужно было держать курс своих творческих и человеческих устремлений. Таких личностей, как Борис Ильич, их как не хватает в современных театральных учебных заведениях, где часто преподают люди, сами недостаточно образованные и недостаточно овладевшие театральным искусством, а то и просто малоодаренные.

Просят на бумагу воспоминания о преподавателе военного дела – пожилым кадровом офицере Гаврииле Козловском. До сих пор слышу его слова о преподаваемом в театральном училище предмете: «Я глубоко, категорически и бесповоротно убежден в том, что предмет „военное дело“ в театральном институте противопоказан, и преподаю его, лишь выполняя приказ!»

Помню, как досконально отвечавшему на вопросы он говорил, что ставит двойку, так как не может

«механическое восприятие военного дела оценивать более высокой оценкой». А мне за ответ на вопрос «Что такое граната и ее назначение?» – «Это такой аппарат, который берется в правую или левую руку, в зависимости от степени владения оной, затем после энергичного замаха бросается в сторону врага, бросивший кидается вслед этому аппарату с криками: „Вперед! Ура-а-а!“ Враг бежит! Победа близка! И не важно, разорвалась граната или нет – „Вперед! Ура-а-а! Победа!“ – сказал, что поставит пятерку, потому что такого рода ответ „являет собою чувственное и творческое восприятие военного дела“.

Вот по такому принципу он раздавал пятерки и двойки. Только пятерки и двойки! А по окончании опроса или зачета всякий раз громко захлопывал большой учительский журнал и, упиваясь собственным остроумием и хитринкой, словно большой ребенок, радостно и громко, по-военному четко докладывал: «Смирно! Всем отвечавшим сегодня в журнале проставлена отметка „четыре“. Поздравляю. Вольно. Разойдись. Ха-ха-ха!» Мы устраивали овацию любимому преподавателю категорически ненужного, как он говорил, в театральном училище предмета.

Как-то уже после начала Отечественной войны в учебном тире на занятиях по стрельбе мы, пятеро студентов с мелкокалиберными винтовками, должны были лежа выполнить следующую команду: «По презренной фашистской мишени одной мелкокалиберной пулей...» Но вот команду «огонь» наш милый Гавриил Козловский не смог подать, а мы не могли стрелять, так как сзади нас раздалась команда начальника всех московских институтских кафедр военного дела по фамилии Горячих.

– Отставить! Вы подаете неуставную команду, – обратился он к нашему любимому.

Мы замерли.

- Товарищ начальник, на линии огня команду я, прошу не мешать. Повторяю: по презренной фашистской мишени одной мелкокалиберной пулей...

- Отставить! - снова прозвучала команда начальника. - Вы подаете неуставную команду.

- Повторяю: на линии огня команду я, прошу не мешать. По презренной фашистской...

- Отставить!

- Послушайте, не пойти ли вам... вон отсюда! - волево предложил наш Козловский.

О ужас! Чтобы дать волю душившему нас смеху, мы начали беспорядочный огонь из винтовок.

Гавриил Козловский больше не появлялся на занятиях. Встретив его как-то на улице, мы спросили, почему он не на войне. На что он не без досады заметил: «Не могу достать билет на фронт!»

Мы, юнцы, не понимали, что он давно в отставке и от службы, тем более от войны, освобожден. Зато память знавших и учившихся у Гавриила Козловского никогда не отправит в отставку остроумного и смелого человека.

Учась в старших классах 15-й средней школы Москвы (на Донской улице), я часто посещал спектакли Малого театра, которые стали для меня образцами высочайшего театрального искусства вообще, а актерского особенно! Я помню гениальное мастерство истинно великих артистов: А. А. Остужева, П. М. Садовского, А. А. Яблочкиной, Е. Дм. Турганиновой, В. Н. Рыжовой, Н. И. Сашина-Никольского, И. В. Ильинского, К. А. Зубова, С. Межинского, Е. Н. Гоголевой и других.

Я помню декорации спектаклей по эскизам лучших художников того времени и всегда реалистические, дававшие зрителям возможность познакомиться с эстетикой того времени, к которому имело отношение драматургия разных авторов разных веков! И в то же

время каждый художник был неповторим в своей фантазии. Я прекрасно помню работы разных режиссеров – именитых и обязательно высокоталантливых! Их работы всегда были окрашены глубиной реалистического понимания и выражения сути каждой пьесы!

Малый театр стал для меня эталоном идеального театра!!

Я был счастлив, став в 1940 г. студентом театрального училища имени С. М. Щепкина при Малом театре!..

С 1943 по 1945 г. участвовал в боях на фронтах Отечественной войны... Демобилизовался и в 1948 году окончил училище Малого театра... после разного рода перипетий, после службы в театре им. Станиславского и в театре Сатиры, в 1963 году вернулся в Малый театр. Сыграл 35 ролей, в том числе 28 лет играл Городничего из «Ревизора» и в постановке И. В. Ильинского (1966) и в своей совместно с Ю. Соломиным (1982 г.) и поставил шесть спектаклей: 1 – «Мои друзья» Корнейчука, 2 – «Господа Головлевы» по своей инсценировке, 3 – «Проделки Скопена» Мольера, 4 – «Из новостей этого дня» Э. Шима (по Маркову), 5 – «Рембрандт» Д. М. Кедрина, 6 – «Ревизор» Гоголя.

За время работы в Малом театре мне присвоены звания – народный артист РСФСР и Народный артист СССР; был награжден орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов и За заслуги перед Отечеством.

...Стали уходить мои любимые старые артисты... С ними понемногу и незаметно стали уходить атмосфера старого, еще императорского театра, уважение друг другу, особенно молодежи к старшим, дисциплина и требовательность к себе.

...Ушли последние «островки» моей юношеской влюбленности в Малый театр: Ильинский, Царев,

Гоголева...

Мальчишкой я отчаянно завидовал своему отцу, который во время Гражданской войны был награжден двумя орденами Красного Знамени, а в 1935 году – орденом Ленина. Во время своих первых свиданий со школьной подругой, когда на двоих съедалась одна порция мороженого, но обсуждались архиглобальные проблемы человечества, я сетовал на то, что не смогу быть таким же героем, как отец, не смогу заслужить столько наград, сколько у него. В 16 лет я не мог предположить, что стану кавалером двух медалей «За отвагу», орденов Красной Звезды, Отечественной войны. Я переживал тогда, что не смогу завоевать в глазах подруги уважения к себе, так как больше не будет войны.

К великому сожалению, я ошибся – 22 июня 1941 года началась страшная война. В начале сентября 1941 года большинство студентов училища, получив телогрейки, сапоги и лопаты, отбыли в товарных вагонах на трудовой фронт под Смоленск. Роя противотанковые рвы, мы получали отметки не за глубину проникновения в суть и характер роли, а за глубину проникновения в землю. Пятерки получали те, кто выкидывал «на-гора» семь кубометров. Тревожная обстановка, опасность приближения врага, чувство ответственности за порученное нам дело быстро уравнивали наши способности и усилия, и все мы, «щепкинцы», стали круглыми отличниками. Как бы обрадовались наши педагоги – ведь в учебе наши успехи редко бывали столь блестящими!

В начале октября 1941 года пришло известие об эвакуации Малого театра, а вместе с ним и училища. Мы тронулись в изнурительный месячный путь в Челябинск и только в ноябре прибыли на место. Знакомые лица любимых актеров, участие в массовых сценах в спектаклях театра, начавшиеся занятия в училище – все

это скрашивало нашу полуголодную студенческую «балконную» жизнь. «Балконную» потому, что долгое время несколько студентов, в том числе и я, спали на балконе Челябинского драматического театра имени Цвиллинга.

На фронте

Война приняла меня в свои объятия в 19 лет и отпустила на волю 22-летним. Ушел на войну романтически настроенным юнцом, фантазером. Воевать даже нравилось... когда наступали, и не очень, когда отступали. Когда, например, разрушали своими орудиями вражеские коммуникации или часть сопротивлявшегося населенного пункта да еще получали награды за это, то, конечно, чувствовали себя «орлами», Чапаевыми и Петьками...

Но, вернувшись с войны, я осознал свое, хочешь не хочешь, причастие к человекоубийству, случайность того, что сам остался в живых; понял, сколь трагична и никчемна бывает суэта человеческая, но в то же время – насколько могуче человеческое единство во имя любой цели! Любой! Мы воевали за как бы неприменимый, уже осязаемый рай! Но рая нет! Есть что-то сатанински «разъединительное», нет ничего «объединяющего». Есть лабиринты самоуверенности! И нет – Примера! Высокого!

Когда вспоминаю войну – вспоминаю добрых, смелых, душевно красивых людей; вспоминаю все, что связано с юмором, дружбой, взаимовыручкой, добром, любовью... Как ни странно, самое смешное случалось и придумывалось в самые опасные для жизни мгновения. Итак, о дружбе, любви, преданности...

В день годовщины начала войны, 22 июня 1942 года, я был призван в армию и зачислен в ряды курсантов Смоленского артиллерийского училища, эвакуированного в уральский городок Ирбит.

Факт принадлежности к искусству усложнил мою военную жизнь. Занятия надо было совмещать с работой в художественной самодеятельности. И,

конечно, чего греха таить, на самодеятельность уходило времени значительно больше, чем на изучение артиллерии.

В январе 1943 года более семисот молодых людей, стоя в строю, слушали, затаив дыхание, приказ о присвоении им офицерских званий. Всем было присвоено звание «лейтенант», лишь мне одному – «младший лейтенант». Вот что сделала со мной художественная самодеятельность. Я установил второй за свою жизнь оригинальный рекорд. Первый – в школе на уроке украинского языка, когда в диктанте из 300 слов было 122 ошибки. Второй – в артиллерийском училище.

Самое распространенное, помимо пребывания на гауптвахте, наказание в армии – наряды вне очереди. Это означает: мыть пол, чистить картошку, стирать скатерти и занавески сверх тех дней, когда тебе это положено по расписанию. Рядового курсанта нарядами вне очереди могли «наградить» и твой сержант, и старшина батареи, и командиры-офицеры. Чем больше чин, тем большим количеством нарядов вне очереди мог он одаривать.

Как курсант, я должен был всех приветствовать словами: «Здравия желаю, товарищ...» – и далее произносить звание того, кого приветствовал. Я с трудом привыкал к жизни по уставу, к муштре, к военной службе: все-таки недоучившийся артист, да еще руководитель самодеятельности! Вместо уставного приветствия часто говорил: «Здорово!» Вместо того чтобы произносить звание, просто добавлял имя: «Здорово, Петя или Ваня». За это, как правило, – награждение двумя-тремя нарядами вне очереди. За то, что не успевал постирать воротничок и ходил в несвежем, – три-четыре наряда. За то, что задерживался на репетициях в клубе позже отбоя и являлся в казарму тогда, когда все спали, – тоже

минимум пять нарядов. За то, что смешил анекдотами на занятиях и не успевал приготовить уроки, – наряды, наряды, наряды... Одним словом, рекорд мой равнялся 52 нарядам вне очереди за месяц! За настоящую просьбу заменить нарядов десять на один день ареста и пребывания на гауптвахте мне вклеили еще два наряда вне очереди – «за разговорчики в служебное время».

«Семибратские кустики» – так называется место под городом Коломна, где во время войны формировались и готовились к отправке на фронт разного рода воинские части, в том числе и 1-я гвардейская артбригада Резерва Главного командования, с которой мне предстояло отправиться на фронт. Я младший лейтенант, командир огневого взвода, в моем подчинении 17 человек, в том числе заряжающий орудие рядовой Богаев. На очередной утренней перекличке на фамилию Богаев никто не откликнулся.

Меня вызвали в штаб бригады. Командир бригады полковник Сергей Петрович Гудзюк, выслушав мой доклад, говорит: «Позор на всю бригаду! Гвардейскую бригаду! Что хочешь делай – найди!» На следующее утро Богаева тоже нет. Оформляю документы, беру с собой ординарца, едем в родной город дезертира, недалеко от Москвы. У военного комиссара узнаем адрес матери Богаева, берем лошадь, телегу. Приехали к матери. Так, мол, и так, ваш сын дезертировал.

Мать в слезы:

– Боже мой, это я виновата! Мой сынок ухаживал за девчонкой, был влюблен. Потом его в армию забрали, а ее черт попутал! С местным попом стала жить. Недавно поп умер. Я сыну об этом написала. У нее он, наверное. Это я виновата. Не надо было ему писать!

До поповского дома несколько километров, добрались к шести часам утра. Дом около церкви, на

околице села. Света в окнах нет. Ушел Богаев из части с автоматом, так что шутки плохи!

- Давай из автомата очередь - выше дома! - приказываю ординарцу.

Свет не зажигается.

- Еще очередь!

Зажегся свет. Проходит минута, другая, затем, как в сказке: открывается дверь, и появляется ОНА! Красавица-а, диво дивное, распущенные светлые волосы ниже плеч, длинная полотняная рубаха. Падающий из горницы свет контражуром вычерчивает фигуру. Удивительное, волшебное зрелище.

Спрашивает:

- Что ему будет?

- Ничего не будет, - говорю довольно грубовато. - Пускай автомат отдаст, оденется и едет со мной. Даю честное офицерское слово, что ничего ему не будет. Мне бы было, если б не нашел его: сослали бы в штрафную роту. И его бы потом туда же. А сейчас пусть одевается. Автомат только сначала вынеси и патроны, которые у него есть.

- Сейчас.

Ушла. Через десять минут появляется и в руках, словно хлеб с солью, несет автомат с патронами. Спускается к нам с крыльца. Мой ординарец забирает автомат, патроны, я повторяю, что телега его ждет.

- Ладно, ждите.

Опять ушла в дом, закрыла дверь. Сидим на телеге, ждем. Погас свет. Ждали минут тридцать. Курили, не разговаривали. Наконец появился...

Дальше - как в немом фильме. Я не сказал ему ни слова. Ехали молча. Богаев сидел в конце телеги спиной к нам, свесив ноги. Приехали к матери. Мать вышла во двор, подошла к сыну да как вlepит ему пощечину, заплакала и тут же стала целовать. Никаких слов! Потом погладила его и, утирая слезы, ушла в дом.

Молча доехали до военкомата. Сдал я лошадь, потом на вокзал. К вечеру добрались до расположения части.

Утро следующего дня, переключка: Иванов! – Я! – Петров! – Я! – Богаев! – Я!

Воевал Богаев очень хорошо. В середине 50-х годов, когда я стал появляться на экране, очевидно, был узнан Богаевым в каком-то фильме. На «Мосфильм» на мое имя пришло письмо, в котором он сообщал мне, что женился на девчонке, которая «вам известная», стал папой, мать свою похоронил. До сих пор чувствует себя виноватым за доставленные неприятности, но в конце оправдался: «Не махнул бы тогда домой – счастья не нашел бы!»

Настал день отправки на фронт. Станция Голутвин под Коломной. Никто из нас не знал, куда мы едем. Знали день погрузки, знали, кто в каком вагоне едет, знали все, кроме направления. И командир бригады не знал, полная секретность.

Разместили нас по вагонам: офицеры в одних, солдаты в других, на платформах пушки, прикрытые брезентом. Едем. Подъезжая к Ленинграду, стали догадываться, что ждет нас Ленинградский фронт или Карело-Финский. Остановились на станции Шаткуса. Ясно, что мы на Карело-Финском будем форсировать реку Свирь. Добрались до города Олонец. Здесь в штабе отступивших финнов обнаружили документы. Среди них – донесения финской разведки, что такого-то числа 1-я гвардейская бригада под командованием полковника Гудзюка в составе такого-то количества офицеров, такого-то количества орудий, полков, дивизионов, батарей и т. д. отправляется со станции Голутвин. Далее следовали характеристики на всех офицеров бригады.

Я нашел характеристику и на себя. Там было написано, что я молод, курю, позволяю себе выпить,

темпераментный, впечатлительный, что у меня неоконченное театральное образование.

В донесениях был расписан не то что по дням, а по часам наш маршрут следования, где и как будет происходить разгрузка, указывались станция Шаткуса, поставленная перед бригадой боевая задача... Мы не знали ничего, а финны знали все! Кто предал?

По дороге на фронт несколько офицеров играли в «дурачка». Всякий раз перед отправкой на фронт или началом серьезной операции всеми овладевала особая внутренняя сосредоточенность. Исчезала привычная шумливость солдатской жизни. Команды подавались негромко. Песен не пели, никто не смеялся, радио не гремело, даже сапоги не так стучали об землю. И вот даже в карты играли молча, молча разливали и выпивали где-то добытое зелье. Звякали лишь стаканы, когда картежники чокались, да постукивали, вызывая тревогу или уныние (что впереди?), увозившие нас в неизвестном направлении колеса. Тук-тук-тук...

Капитан Мирошниченко – самый старший в офицерском вагоне по возрасту и по званию – вдруг резко бросил карты и, побледневший, с каким-то блуждающим взглядом, тихо произнес: «Хлопцы, а ведь меня первого убьют!»

Его успокоили, налили, и игра продолжалась в еще более гнетущей тишине и сконцентрированной до предела внутренней сосредоточенности.

На Карело-Финском фронте при первом артиллерийском налете первым был убит капитан Мирошниченко...

Первые фронтовые шаги, форсирование реки Свирь. Мы – на одном берегу, финны – на другом. Видим друг друга в бинокль, а иной раз и без него. Когда бой? Никто не знает.

Командование договаривается с противником, и мы на недельном курорте! Именно так мы называли неделю перед форсированием реки - «курортная неделя». С согласия противоположной стороны мы выходили на берег и с 6 до 7 утра мылись, проводили физзарядку под музыку, звучащую из репродукторов, играли в футбол и волейбол. Курорт!

То же самое делали финны с 7 до 8 утра.

Райская неделя кончилась, прошло несколько дней. И рано-рано утром - два часа непрерывного артиллерийского огня и авиационной бомбардировки. Раскалившиеся стволы орудий, гул сотен самолетов, непрерывные команды «огонь!», «огонь!». Смерчи разрывов на том берегу, языки пламени «катюш».

В этом давящем, принижающем тебя разгуле машинерии, как нигде в другой обстановке, чувствуешь себя козявочкой. Чуть побольше, когда идешь вперед на врага, и совсем маленькой козявочкой, когда драпаешь назад.

Наблюдая теперь наших ветеранов, я безошибочно определяю (не в обиду им будет сказано), где каждый из них находился во время войны. Те, которые кричат в очередях, на митингах, носят злобные транспаранты во время шумных уличных шествий по любому поводу, постоянно болтают о героизме, патриотизме, - на передовой не были, не прошли через настоящее пекло. Те, которые скромно, с грустью вспоминают погибших однополчан, вспоминают с восторгом своих самых дорогих командиров, друзей, как правило, нюхнули жару, но были чаще всего между фронтом и тылом. А вот тот, кто был в настоящих переделках, вспоминает героические поступки других, а о себе, стесняясь, рассказывает только что-нибудь смешное или, например, о том, как плакал над письмами любимой девушки, о том, как где-то испугался, даже трусливо дрожал, кто иногда с уважением говорит о

профессионализме врага, - вот тот действительно варился в страшном котле под названием ВОЙНА, которую называют кому как хочется - справедливой или нет... По одну сторону - справедливой, по другую - несправедливой или наоборот... Только нюхнувшие запах беспощадной войны говорят мало, они не хотят даже вспоминать войну или говорить о ее возникновении вновь. Поэтому, собравшись на встречу, настоящие фронтовики предпочитают вспоминать любимых, петь песни и плакать, поминая убитых друзей. Поэтому истинные фронтовики ищут возможностей быть полезными обществу и семье, заниматься делом, стараются быть примером детям и внукам. Они многое хотят делать и делают...

Я отвлекся. Итак, не встречая никакого сопротивления (на нашем участке), мы навели понтонный мост, переправили людей, пушки и обнаружили... только одного убитого солдата. И это после такой артиллерийской и авиационной подготовки! Почему финны ушли, куда ушли, как узнали о начале наступления? Неизвестно. Стоило нам углубиться на территорию противника, как мы тут же почувствовали коварность и мастерство врага. Финны меняли направление своих атак, появлялись то слева, то справа, то в нашем тылу, отличались сверхточностью в стрельбе из минометов, ничуть не уступали в дисциплинированности немцам. Каждая из воюющих сторон имеет своих героев!

В один из жарких боевых дней я помогал своими мощными тягачами вытаскивать грузовые машины пехотной части. Как же я был обрадован, когда узнал в командире этого подразделения своего друга, тоже воспитанника Щепкинского училища, артиста Якова Сергеевича Беленького. Ни опасная обстановка, ни надвигавшаяся ночь не помешали повару нашей батареи быстро приготовить «праздничный ужин» и

найти даже «кое-что». Читали вслух стихи, вспоминали театр, спектакли, любимых артистов, училище. Незаметно нас окружили солдаты и офицеры, и наша встреча вылилась в импровизированный концерт.

В нашей бригаде было хорошее правило: после занятия нашими войсками отвоеванной территории, по которой мы вели прицельный огонь во время артподготовки, проверять точность попадания и подсчитывать количество воронок от снарядов наших пушек-гаубиц. Для этого подсчета выделялись поочередно разные офицеры. Делалось это нечасто, но при благоприятных условиях и явной полезности делалось. Дошла очередь до меня и еще одного офицера. К тому времени я из командира взвода был переведен в адъютанты командира бригады. Это очень ответственная должность: адъютант должен уметь вести на карте корректировку огня бригады, четко передавать команды командира по полевому телефону и выполнять множество других функций.

Долго бродили мы по хвойным лесам и пескам, подсчитывая наши воронки. От нечего делать в ожидании куда-то удалившегося напарника я решил потренироваться в стрельбе. На бруствере окопа лежала пустая консервная банка. Вытаскиваю свой старенький наган, выпаливаю все патроны. Доволен – промазал только один раз. Хочу положить наган в кобуру, и вдруг из окопа рядом с простреленной банкой поднимается, держа руки вверх, финский солдат! Он замер, и я замер. Он – с поднятыми руками и испуганными глазами, я – с недотянувшейся до кобуры рукой с наганом, уже без патронов, и тоже наверняка с испуганными глазами.

Подошел мой напарник. За бруствером окопа он не мог видеть финна, но, увидев меня в окаменелой позе, спросил, что со мной. Я не мог ответить, потому что перехватило дыхание, словно нырнул в холодную воду.

Перепрыгнув окоп, он повернулся, глянул туда, куда я вперил свой взгляд, и все понял.

Финн очень пригодился начальству, так как рассказал много полезного, а мне впервые пришлось испытать чувство настоящего испуга. Не познав страха, не испытаешь и бесстрашия!

В январе 1945 года мы начали победное шествие по Восточной Пруссии. Я в составе 5-й гвардейской артиллерийской бригады на 3-м Белорусском фронте. Кстати, во время Первой мировой войны мой отец, рядовой царской армии, прошел тот же путь, что и я: от Кибартай до Пиллау, через Фишгаузен и Кенигсберг.

С большой осторожностью, под носом у противника мы строим наблюдательный пункт. Вызывают к полевому телефону: «Срочно явитесь в штаб бригады!» Снять меня с важной работы – я руководил строительством – командование могло только при особых обстоятельствах. Что же случилось?

Оставляю сержанта вместо себя, даю инструктаж, пробираюсь к своему замаскированному «виллису» и через несколько минут уже докладываю начальнику штаба: «Товарищ гвардии полковник, гвардии лейтенант (уже лейтенант!) Весник по вашему приказанию прибыл!» Полковник ничего не объясняет, лукаво улыбается и приказывает немедленно побриться, помыться, почистить сапоги и срочно отправиться к начальнику штаба армии. Молниеносно привожу себя в порядок и мчусь дальше. Приезжаю. Докладываю: «Товарищ генерал-майор, гвардии лейтенант...»

«Срочно идите вон в тот дом, – приказывает генерал. – Там вы все сами узнаете и поймете!» Вхожу в дом. Вместительный зал забит офицерами. Идет спектакль. Смотрю на сцену. Что такое? Не верю своим глазам. Неужели они? Да-да! Борис Кордунов, Галина

Сперантова, Метельцев играют спектакль. Наши «щепкинцы»! Спрашиваю рядом сидящих: «Что за театр, Малый?!» - «Нет, не малый. Фронтовой».

Ребята знали, что я на 3-м Белорусском фронте. Узнали в штабе, где я сейчас. Начальство разрешило вызвать. И вот сижу в душном зале и плачу. На меня смотрят как на идиота: пьеса смешная, а я реву. От счастья неожиданной встречи, от внимания, проявленного ко мне. Незабываемый вечер!

...Необходимо было узнать расположение немецкой танковой дивизии. Нужен был «язык».

Еду на «виллисе» к наблюдательному пункту командира дивизии и вдруг вижу, как с подбитого немецкого самолета на парашюте спускается летчик. Определить место его приземления было трудно, но вместе с водителем мы добрались через канавы, кустарники и развалины до немца. При нем был только пистолет. Вести прицельный огонь ему было нелегко - расстояние, нервы, ветер, неотцепленный парашют. Несколько пуль прошло мимо меня. Остальное, как говорят, было делом техники. Через несколько минут рыжеватый молодой летчик сидел рядом со мной в машине. Я владею немецким языком в достаточной степени, чтобы объяснить человеку, что при хорошем поведении ему будет сохранена жизнь.

Привез его на наблюдательный пункт и при генерале начал допрос. Показываю на карту, спрашиваю, где находится пятая танковая дивизия. Летчик молчит.

- Ну-ка напугай его пистолетом, - говорит генерал.

Я вытащил наган, наставил ему в лицо. Взвел курок, но немец, вместо того чтобы испугаться, улыбаясь, засвистел. Да так, что я и сейчас могу воспроизвести эту мелодию. На меня это произвело колоссальное впечатление! Он долго мне снился. Ас!

Но при летчике была оперативная карта, и разобраться, где находится пятая танковая, специалистам оказалось несложно. Через час огонь наших орудий уже сокрушал расположение немецких танков.

За этого летчика-«языка» я получил свою первую награду - медаль «За отвагу». А ведь мог проехать и мимо.

Второй «язык» и вторая медаль «За отвагу».

Однажды командир бригады полковник А. Ф. Синицын и я, пользуясь нашими неточными картами местности, забрались чуть ли не в расположение немцев. Случилось так, что у меня было небольшое отравление и мне понадобилось... выйти из машины. Укрылся в кустах под балкой, и вдруг на дне балки появляется немец с автоматом. За ним несколько солдат без оружия, без ремней. Я понял, что ведут немецких «гауптвахтников». Проходят по дну балки и скрываются за поворотом. Идущий последним решил задержаться. Приспичило человеку. Я, не застегнув как следует штанов, тихонько свистнул. Немец повернулся на свист, и я ему показал пистолетом, чтобы он шел ко мне. Немец поднял руки, подошел. Я его довел до машины, привезли в штаб, и он оказался очень полезным «языком»!

Меня назначили временно исполняющим обязанности командира батареи управления дивизии. Должность ответственная, капитанская, а не лейтенантская. В батарею управления входили и переводчики, и разведчики, взвод тяги, взвод строителей наблюдательных пунктов, хозяйственный взвод.

Прошло несколько дней. Вызывает начальник политотдела подполковник Якимюк.

- Вот шо, Евгений. Приихалы до менэ гарни хлопчики - два генерала и тры полковника. Узналы, шо мы на отдыхе. (Отдых - это два-три свободных от боевых действий дня для приведения в порядок материальной части.) Трэба трошки посидеть, побалакать с друзьями. Так вот просьба у мэнэ до тэбэ - возьми в хоззводе жбанчик водки и принэси. (Жбанчик - это двадцатилитровая канистра.)

Парень я был независимый, молодой:

- Товарищ подполковник, я не могу этого сделать. У меня все распределено: по сто граммов на разведчика, по сто граммов строителям. Что вы! Это же скандал будет!

- Ну добрэ. Я тэбэ у другой раз говорю, шо до мэнэ приихалы гости. Розумиешь? Дуже гарни хлопцы. Трэба трошки посидеть. Принэси жбанчик водки.

Я не сдаюсь.

- У третий раз прошу - принэси жбанчик водки!

- Не могу! Это воровство, товарищ подполковник!

- Правильно, Евгений, воровство! Молодец, - улыбается Якимюк. - Но в каких условиях воровство? В трудных условиях Великой Отечественной войны! Так шо принэси. А отвечать перед солдатами буду я!

Я принес. Через два дня жбанчик водки он мне вернул. Зря я волновался, так как по неопытности не знал, что у командира его ранга был законный неприкосновенный запас продуктов, которым он мог распоряжаться как хотел. Просто у него в тот день не было этого запаса, и он одолжил его у меня. И вернул. Должен признаться, что упрямство мое ему явно понравилось и его доброе ко мне отношение вскоре проявилось в очень неприятной для меня истории.

Каюсь! Был грех - ударил человека за невыполнение приказа. Я был временно назначен командиром огневой батареи в один из полков нашей 5-й бригады. Полк был

придан стрелковой части, находившейся в некотором отдалении от командира бригады полковника А. Ф. Сеницына. Командиром огневой батареи я пребывал по совместительству с должностью его адъютанта. В разгар нижеследующей истории связь с ним была затруднена, а с дивизионным начальством связаться было легко, тем более что после моего пребывания на должности командира батареи управления все секретные телефонные позывные я знал наизусть.

Итак, грех! Я, офицер, ударил солдата. По моему приказу он должен был взвалить на себя «катушку» с телефонным проводом и под обстрелом, стоя на подножке едущей автомашины «додж», стравливать нитку до тех пор, пока машина может продвигаться по бездорожью. Затем ползком или бегом дотянуть «нитку связи» до окопов и, подключив ее к аппаратуре, обеспечить тем самым мою связь с командиром стрелковой части. Мы должны были помочь пехоте своими орудиями, четырьмя мощными 152-миллиметровыми пушками-гаубицами.

Времени для выполнения приказа давалось 20 минут. Они проходят – связи нет. Проходит 25 минут. Отсутствие связи могло выглядеть как моя нерасторопность, что влекло за собой весьма неприятные последствия. Состояние взвинченное, кругом разрывы снарядов. Одним словом, «жарко». Вскокиваю в свой «виллис», еду по «нитке» и наталкиваюсь на сидящего под деревом, трясущегося от страха моего связиста.

– Ты что же делаешь, такой-сякой? Хочешь, чтобы меня расстреляли? Батарея не знает, куда стрелять! Почему сидишь здесь?

– Живот заболел, схватило. Не могу идти, – отвечает. Взбешенный, выхватил пистолет, но сдержал себя, только ударил.

Сам дотянул провод. Все наладилось. Но замполит полка, который невзлюбил меня за умение дружить с солдатами, решил за рукоприкладство предать меня офицерскому суду. Такие суды в случае доказанности вины для офицера кончались разжалованием в рядовые и отправкой в штрафную роту. А штрафная рота – это минимум шансов остаться в живых!

Что делать? Дозвониться до комбрига по своей связи никак не могу. Решаюсь и звоню подполковнику Якимюку. Все коротко рассказываю. Приказывает: ночью прибыть к нему вместе с замполитом полка.

– Шо вин зробыв?

– Ударил солдата. Рукоприкладство, товарищ гвардии подполковник. Недопустимо.

– Так. А шо зробыв солдат?

– Он не выполнил приказ командира. Но все-таки это рукоприкладство.

– Добрэ. Значит, лейтенант Весник ударил солдата. И вы его, значит, решили судить. Так, товарищ капитан? А шо написано в уставе по поводу нэвыполнения приказа командира в боевой обстановке?

– Расстрел на месте.

– Так. А шо зробыв лейтенант Весник?

– Ударил солдата.

– Давайте еще разок. Значит, шо зробыв лейтенант?

– Он ударил солдата.

– А шо вин должен был зробить по уставу? За нэвыполнение боевого приказа?

– Расстрелять на месте.

– Так. Давайте, значит, у третий раз: шо зробыв Весник?

– Ударил...

– А шо должен был зробить?

– Расстрелять.

– Значит, так. Вам, товарищ капитан, объявляю выговор за неправильную трактовку устава воинской

службы, а гвардии лейтенанту Веснику объявляю благодарность за сохранение жизни боевой единице в лице солдата Красной Армии. Вы свободны, товарищ капитан!

Гвардии подполковник позвонил моему командиру бригады и порекомендовал освободить меня от временного командования батареей и вернуть к исполнению обязанностей адъютанта.

Кенигсберг. Передовая. Из каждого окопа – выход в сторону противника. Выход из окопа, о котором речь, простреливался немецким снайпером. И лежало там два трупа, которые из-за этого снайпера не могли убрать. Мне срочно понадобилось пройти мимо выхода. Миновать его и не получить пулю – почти невозможно. Что делать? Я знал, что снайперская винтовка укреплена на подставке и упирается в плечо снайпера. После выстрела она, хочешь не хочешь, немного смещается, и ее приходится каждый раз возвращать в исходную позицию. Знаю, что у снайпера на поправку прицела уходит пять-шесть, максимум десять секунд. Снимаю с головы фуражку и бросаю в простреливаемый выход из окопа. Снайпер спустил курок. И когда я увидел, что пулька ударилась в тыловую часть окопа, кинулся бегом через опасную зону. Проскочил! Да еще успел послать снайперу воздушный поцелуй!

Для подобных выходов надо быть молодым. Очень молодым! Мне было 22 года. После этого «циркового» номера самоуверенно написал матери: «Меня не убьют!»

Пригород города Гольдапа. Сидим с ординарцем в двухэтажном доме, налаживаем связь. Толком не осознавая, почему я это делаю, забираю рацию и говорю:

- Пойдем отсюда. Здесь будет что-то нехорошее. Я почувствовал. Пойдем...

Вышли из дома, отошли метров на сто, закурили.

Через 30 минут дом взлетает на воздух.

И после этого случая писал матери: «Мама, меня не убьют». Не убили!

Единственный раз в жизни я видел настоящего профессионального разведчика.

Когда 9 апреля 1945 года мы взяли часть Кенигсберга, за высоким забором во дворе какого-то учреждения был выброшен белый флаг. Сошлись парламентарии с нашей и с немецкой стороны, открыли ворота, и сдалось огромное количество офицеров и солдат. Первым сдался в плен человек в немецкой офицерской форме. Он подошел к командиру нашей части, обнял его, расцеловался с ним и сказал по-русски:

- Черт, устал как собака.

Мы были чуть ли не в шоке. С него сняли немецкий китель, накинули полушубок - было еще прохладно. Подкатил «виллис», человек сел в машину и уехал.

Потом нам рассказали, что он-то и «сколотил» эту группу сдавшихся без боя немецких солдат и офицеров. А сдавшихся было более двух тысяч!

Сто метров войны

Весна 1945-го... Восточная Пруссия. Взятые города Кенигсберг, Пиллау (теперешние Калининград и Балтийск)... Части нашей армии вышли на берег Куршского залива. Вот, казалось бы, радость, победная гордость... Нет! Наступил самый грешный для меня, самый неприятный день за все мое пребывание на фронтах Отечественной войны, а может быть и в жизни.

На берег высадились многочисленные отряды немецкой морской пехоты со стоявших вдалеке кораблей. Наша «братва» засела в подвалах рядом с морем, затаилась на крышах домов.

Апрель... Не холодно... Немецкие морские пехотинцы – в тельняшках, идут на нас, держа автоматы с упором в живот. Пальба... Ор... Какие-то песни... Сигареты в зубах. Ясно, что все в подпитии. Спотыкаются, падают. Какова была их задача, цель, надежды – так и осталось загадкой. По-моему, ими руководило отчаяние! Обреченность! Что касается нас, то никто не мог предположить, что наткнется на психическую атаку. По логике, чужие корабли, опасаясь нашей авиации, давно должны были уйти. Не ушли почему-то.

В подвале, где я оказался со своим вестовым Дергуновым, находился пехотный генерал, к частям которого были приданы наши артиллерийские дивизионы, батареи и взводы. Мы безоговорочно подчинялись его командам. Офицеры вооружены пистолетами, солдаты – автоматами и гранатами.

Генерал по рации:

– Не стрелять! Подпустить на двадцать пять метров. Артиллеристам не работать!.. Всем, всем, всем! Стрелять только по моей команде!

Немецкая орава идет, идет, идет, не зная, что мы в подвалах. До нас остается метров сто.

Я понимаю, что придется изрядно пострелять... И если мы этого не будем делать, то с удовольствием это сделают пьяные немцы – они перебьют всех нас.

90 метров...

Вспомнил рассказы очевидцев о том, как сдавался в «плен» подходившим к Москве фашистам народный

артист РСФСР Всеволод Александрович Блюменталь-Тамарин, сын знаменитой артистки Малого театра Марии Михайловны Блюменталь-Тамариной. Происходило это в 1941 году под Москвой, в Новом Иерусалиме. Немцы все ближе и ближе подходят к даче, где укрывается невменяемый от алкоголя артист, - вот так же, как сейчас пьяные немецкие моряки к нам. И тут на крыше дачи появляется его собутыльник - батюшка местной церкви, с белым флагом в руках и с большой порцией спиртного в утробе. Он машет, машет флагом...

Однажды, находясь на наблюдательном пункте командира 5-й гвардейской артиллерийской бригады гвардии полковника Александра Федоровича Синицына, я своими ушами слышал обращение диктора немецкого радиовещания к русским солдатам на чистейшем русском языке с уговором сдаваться в плен и с обещаниями красивой, благополучной, сытой жизни под крылышком великого фюрера. Позже я узнал, что не то партизанами, не то солдатами воинской части этот диктор был пойман и повешен. А фамилия его Блюменталь-Тамарин, и звали его Всеволод Александрович!..

70 метров...

Стреляют наобум, в надежде напугать возможного противника и расчистить себе путь! Неизвестно, непонятно, куда идут, зачем... Истерика? Общее помешательство? Ведь вся Восточная Пруссия в наших руках!..

Вдруг ожили не то в голове, не то в глазах, не то в сердце или одновременно и там и там кадрики-картинки детства. В городе Кривой Рог я часто ходил в гости к школьному товарищу Анатолию Зельдину, и

каждый раз его мама угощала меня моим любимым молочным киселем. Нам было с Толей по 10 лет. Однажды его мама сказала, что, если она еще раз увидит у нас в карманах рогатки, из которых мы стреляли в чужих садах по воробьям, по яблокам, орехам и абрикосам (однажды за это мы испытали «прелести» соли, попавшей в мягкое место чуть ниже спины после того, как хозяин сада выстрелил из ружья), – она, мама Толи, больше не будет угощать киселем!

50 метров...

Через несколько минут мы начнем... убивать тех, кто охотно убил бы нас. Идиотизм!.. Перед призывом в армию мне, студенту театрального училища имени Щепкина, довелось играть роль священнослужителя, поэтому помню наизусть немало текстов из Ветхого и Нового Заветов, произносившихся моим героем.

Из Ветхого: «Не убий».

Из Нового: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими». «А я говорю Вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую».

Вспомнил эти строки и представил себе, что генерал наш вместо команды «Огонь!» прочел бы их по рации! И стало на душе легче, потому что улыбнулся этим мыслям. А немецкая морская пехота тем временем продвинулась еще...

35 метров...

Воспоминания пролетают значительно быстрее, чем пехота движется на нас: каждый шаг врага – это

молниями памяти освещенные годы жизни. Недаром говорят, что перед смертью кладовая памяти буквально в течение нескольких секунд выбрасывает из себя и прокручивает «киноленту» всей твоей жизни, даже при закрытых глазах. Где же экран? На закрытых веках? В голове? Где «киноаппарат» памяти? Какие силы его запускают? Люди безнадежно беспомощны: они не знают тайны происхождения не только собственного, но даже, скажем, червя или пчелы. Люди не знают, как вылечить бронхиальную астму и религиозную разобщенность; они не знают, к чему приведет бесконечное, беспардонное ковыряние в теле Земли. А вот как эффективнее стрелять друг в друга – люди научились. Мало того – тех, кто придумывает оружие все более и более массового уничтожения, холят, берегут. Научились обманывать друг друга и убивать, убивать, убивать...

30 метров...

Сегодня 22 апреля, а Кенигсберг был взят 9 апреля. Перед штурмом города были часовая авиационная и артиллерийская подготовки. Одна из целей нашей артбригады – форт № 13. Весь город опоясан оборонительными бетонными фортами. Стволы наших орудий от большой огневой нагрузки стали красные...

Пехота пошла вперед, мы подтягиваем орудия, а командиры батарей, дивизионов и полков входят с пехотой в город для визуальной корректировки огня тяжелых орудий, стоящих в 3–5 километрах. Осматриваем разрушенный форт № 13. В нем оказался... склад людских и конских (!) противогазов. Смешно и горько! Зря стреляли по нему, по форту!

Вошли в город... Пожары, пожары... Особенно жарко в центральной части разрушенного красивого

Кенигсберга. Для того чтобы проскочить отрезок дороги в какие-нибудь 50-100 метров или от дома к дому, приходилось обливаться водой и быстро-быстро пробегать это пространство. А если попадался брошенный велосипед – мчаться на нем между очагами огня.

Кто на какой улице – наши или враги, в этой кошмарной катавасии понять или предугадать было невозможно. Вдали улицы появилась большая группа немцев. Прекрасно помню название улицы: «Генерал Лицманштрассе»... Я и мой ординарец с рацией могли спастись, только спрятавшись в продырявленном осколками высоченном металлическом резервуаре с лестницей, к нему приставленной. Черт знает для чего предназначенном. Забрались в него. В дырки видны приближающиеся немцы. «Мизансцена» – ха-ха-ха! – зеркально похожа на наше теперешнее положение в подвалах на берегу Куршского залива. Разница была лишь в том, чтобы не выдать своего местонахождения. Не стрелять! Не дай Бог!..

27 метров...

Вот-вот прозвучит команда: «Огонь!»

Вспоминаю, как немцы пробежали мимо резервуара. Мы видели выражение их растерянных, испуганных лиц. Слышали – ругаются между собой, жестикулируют, очевидно, не знали, кто и что ждет на следующей улице или за углом дома – свои или наши. Слава «мадам Удаче» – никому из пробежавших мимо нас не пришло в голову заглянуть в резервуар – ни в его дырочки, ни сверху. Пронесло!!!

Команда: «Внимание! Огонь!»

Из подвалов и с крыш домов заработали пулеметы, гранаты... «Орда» падала замертво,

косяками. Стреляли все. Стрелял и я. Стрелял из пистолета... Прицельно!

Я не знаю, не помню, сколько времени прошло до падения последнего немецкого пехотинца. Позже говорили, что по всему побережью полегли несколько тысяч фашистов. Не хоронили. Был сильный шторм. Их унесло.

В течение полугода я плохо спал, просил у Бога отпустить мне грех.

Ответа нет!

Сейчас на меня наступают годы: 74... 75... 80...

Когда они сразят меня?

Ответа нет...

Слово о друге

Клянусь, все рассказанное ниже – быль! 1945 год. Восточная Пруссия. Гольдап (мы взяли город не с первой попытки: наступали – отступали... Наступая, называли город своим именем, отступая – Гольдрапом)...

Неделя отдыха. Для артиллеристов на войне такая неделя – чистка стволов, ремонт орудий, постирушки, обучение пополнения, смена обмундирования... Хлопоты.

Во дворе аккуратненького, брошенного хозяевами двухэтажного домика (в котором разместились несколько офицеров, в том числе и я) – курятник, битком набитый настороженно кудахтающей и кукарекающей (ку-ка-ре-ку – чужие!) живностью; чистенький коровник (этакая гостиница на 8 коров, уведенных хозяевами), еще пахнувший молоком. Да-да! Не навозом, а молоком и сеном! Гараж с четырьмя боксами. В двух – пусто, в третьем – «опель-капитан», в четвертом – новенький восьмицилиндровый,

семиместный, с открытым верхом и спицеобразными колесами «хорх»! Мечта!

Все это - одушевленные и неодушевленные свидетельства весьма завидно-добротного немецкого житья-бытья, через несколько лет превращенного в светло-серую среднесоветскую житуху, позволившую переселенцам из Украины, Белоруссии, России, Литвы выращивать на прусской земле по 16-18 центнеров зерна с гектара и «приколоть» за это орден на «грудь» Калининградской (что делал в этой Пруссии Калинин???) области, напрочь забыв о том, что поверженный враг получал на этой же земле по 50-60 центнеров...

Так вот все это житье-бытье глядело на нас с каким-то, я бы сказал, осудительным любопытством и всем своим видом словно задавало вопросы: «А дальше что? А с нами что?», на которые ответить мы, конечно же, были не в состоянии. Лишь предчувствие подсказывало ответ: «Не жить вам так, как жили...» Ну а как именно? - предчувствие молчало.

В середине двора - собачья будка, и на длинной цепи - ее квартирант. Красавец пес! Немецкая овчарка! Цепь позволяла красавцу дотянуться до ворот в коровник, в птичник, до дверей гаража, жилого дома и до озерца-прудика. Пес был единственным «предметом» двора, не задававшим своим видом никаких вопросов. Он действовал! Он прогонял нас! Он пугал! Он был принципиален и без устали рычал и гавкал на незваных гостей. Во избежание физических схваток мы были вынуждены забаррикадировать от него вход в наше жилище.

Озерца-прудики, а их было многое множество по всей Пруссии - до «обработки» их нашими «тружениками», теми, кто «был ничем, а стал всем», - выглядели явно «враждебно»: они кишели рыбой, раками, да и вода была в них до «безобразия» чистой,

без цветущей зелени – ковра родных водорослей... Одним словом, непорядок! Правда, надо сказать, что через несколько лет все встало на свое место: все озерца-прудики приняли наш облик: красивый ковер ряски покрыл все водоемы; раки, которых не успели сожрать, спокойно скончались, рыбу всю выловили в связи с необходимостью поднимать благосостояние народа... И успокоились! Каждый имеет право на отдых! Уж больно отвлекали эти озерца советского труженика от строительства нашего, не виданного доселе будущего...

Однако вернемся к вражескому псу. Очень он мне понравился. Морденция и глаза изумительно выразительные, кокетливо подвижные и часто изменявшие свой рисунок брови: то они обе дугой приподняты, то смыкаются очень сурово, то одна приподнята, а другая нет, и наоборот. Постоянно менялось положение головы: когда он лаял, она приподнималась носом вверх и направлялась, как пушка, прямо на тебя или неожиданно склонялась то влево, то вправо. Уши его – слов но два флажка в руках матроса, передающего сигналы по системе Морзе. Описать этот танец ушей просто невозможно! И никакого движения хвостом...

Очень мне хотелось подружиться с псом. Но как? Да еще за неделю! И все же я додумался! Я попросил всех разместившихся в доме не давать псу никакой еды, не обращать на него никакого внимания и даже иногда бросать в него камушками... Таким образом, на фоне этих неприветливых людей появлялся я – дядя-ангел, который (стоя сначала на безопасном расстоянии) подкидывал ему то суповые косточки из солдатского котла, то кусочки колбаски, то сладенького чего-либо: сахарку, конфетку или печеньеце...

В конце второго дня пес стал лишь взглядом реагировать на кличку Рекс, почему-то присвоенную

ему с первого взгляда.

На третий день расстояние между ангелом и псом сократилось вдвое, и при желании пес мог закусить слегка и мной. Братание развивалось благоприятно... На мое «Рекс!» пес движением ушей уже стал как бы отвечать: «Ну я Рекс! Что дальше?»

Утро четвертого ознаменовалось тем, что, приблизившись к моему новому знакомому с каким-то лакомством, я заметил легкое помахивание хвостом, робкое, неритмичное – хвост то замирал, то оживал, то нервно подергивался, то пару раз резко смахивал пыль с дорожки, на которой лежал. (Кто-то когда-то рассказывал мне, что после такого поведения хвоста собака, как правило, агрессивно себя не поведет.) Я решился на самопожертвование, подошел и предложил ему какую-то вкуснятину из рук. Пес посмотрел мне в глаза, лениво поднялся, приблизился к руке, понюхал гостинчик и осторожно-осторожно, прямо таки максимально интеллигентно, как бы стесняясь, принял его огромными клыками.

Ну что ж, первое «лапопожатие» состоялось!.. В конце пятого дня Рекс позволил мне положить ладонь на свою голову, да еще так, что глаза оказались прикрытыми ею. Специалисты-собаководы знают, что это означает, – полная, безоговорочная доверительность!

Рекс оказался талантливым приятелем. Все семь дней я подавал команды, дублируя немецкие слова русскими, да еще иллюстрируя их жестами. Например, «лиген» – «ложись», «зитцен» – «садись», «фу» – «нельзя», «ком» – «ко мне»... Если употреблял только русские слова, то обязательно наглядно показывал, что нужно делать соответственно команде. Если говорил «бегом!», то бежал вместе с Рексом, если «голос!» – сам лаял. Очень немного времени прошло после первого «гав-гав» и до дня, когда Рекс стал понимать мои

команды уже без немецких слов. Он стал «говорить» со мной на русском языке.

Мы – человеки – тратим значительно больше сил и времени на овладение иностранным языком, нежели их израсходовал мой дружок. Ах, если бы люди могли точно расшифровать, что означают рык, лай, вой, скулеж собак, они, собаки, попадали бы в институт иностранных языков легче, чем человеки! Люди утратили Божий дар – дар предчувствия. А собаки, не говорящие, но мыслящие существа, дара этого не потеряли. Наша собака – немецкая овчарка Джолли – перед арестом заместителя моего отца, жившего с нами в одном доме, всю ночь выла. Всю ночь! Второй раз она выла, увидев плачущую маму, которой сообщили, что в Москве во время командировки арестован отец. Ах, если бы люди, предчувствуя беду, были способны выть, как Джолли! Я думаю, что вой миллионов уберегал бы нас, людей, от многих и многих бед. Это дьявол отнял или приглушил этот дар в человеке!

...Продолжились боевые действия нашей артиллерийской бригады. Мы шли по Восточной Пруссии к Кенигсбергу. Рекс был всегда со мной, спал, как и я, в кузове крытого, мощного «студебеккера» – американского грузовика. Как правило, ночью военные действия прекращались, все замирало. И тогда педагогические занятия с Рексом проходили именно в это время – «ночной лицей».

Результаты были потрясающими. Восемь – десять раз ровно в 5.30 срабатывал будильник, и каждый раз при этом я подавал синхронно со звонком команду «голос!» и сам вместе с псом лаял. Пример – лучшее учение! И вот... будильник я не завел. Хотите верьте, хотите нет: ровно в 5.30 дружок залаял! Да как!

Вид у него был ну просто получившего «пятерку» счастливого ребенка! Он понимал, что совершил что-то очень правильное и выдающееся: как плетью,

размахивал хвостом, счастливый, радостно возбужденный лаял, громко попискивая. Проявленная мною всеми доступными мне средствами выражения благодарность за демонстрацию высокого интеллекта и таланта только поддерживала его неистовую радость, и унять его было непросто.

Но, стоило мне как-то утром не выказать своего восхищения в его адрес (а он все последующие дни продолжал меня будить ровно в 5 ч. 30 м.), а, наоборот, очень сухо сказать: «Фу! Тихо! Фу! Нельзя лаять! Фу!», как он моментально сник, чихнул почему-то, облизнулся, высунул язык и, часто дыша, уставился на меня в ожидании последующих указаний. И... опять хотите верьте, хотите нет – на следующее утро не разбудил меня, спокойно ждал, когда я проснусь.

Я проводил опыты: заводил будильник и на 6 часов, и на 7, и снова на 5.30. Достаточно было два утра подряд, просыпаясь по звонку, скомандовать «голос!» и самому немножко полаять, как на третий день он будил меня в соответствующее время без звонка! Чудо!

Музыку по радиоаппаратуре мы на фронте слушали часто и в любых условиях – на отдыхе, на передовой, в окопах, в автомобилях. Когда звучала синкопированная джазовая музыка, я усиливал команду, показывая на приемник: «Гитлер! Голос! Гитлер!» – Рекс, заражаясь громко звучащим оркестром и резко подаваемой мною командой, громко и зло лаял на источник звука. А поймав лирическую мелодию, я убирал громкость и очень тихо говорил: «Сталин, Сталин», – и, как правило, давал при этом чего-нибудь вкусенького, поглаживая дружка. Он вилял хвостом, высовывал язык, повисавший вниз сантиметров на пятнадцать, и часто дышал. Затем, после нескольких уроков, в первом случае я отбрасывал команду «голос» и только на «Гитлер» Рекс зло лаял, а во втором – после «Сталин» вилял хвостом и от удовольствия высовывал язык. Расскажу моим об этих

экспериментах никто не верил – приходилось проводить множество показательных сеансов, и ни в одном из них мой новый друг не подвел меня! Партнер верный!

Накануне штурма Кенигсберга я был легко контужен и девять дней лежал в полевом госпитале, разместившемся в больших палатках. Из-за сильных головокружений в первые пять дней вставать с койки было невозможно. И говорить громко было тяжело... Рекс ждал меня, бродя вокруг палатки. Два дня отказывался от пищи. Не подпускал к себе никого, рычал. Врач посоветовал мне сделать большой мякиш из каши, хлеба, масла и кусочков мяса – обязательно своими руками, и, так как палатка пропахла медикаментами, подержать его (извините!) под мышкой, чтобы он впитал в себя запах моего тела. Я все потихоньку проделал и отдал мякиш врачу. Тот вышел из палатки, назвал моего дружка по имени, в отдалении от палатки положил на камушек мякиш, сказал: «На!» – и отошел. Рекс подошел к камушку, понюхал круглый гостинчик, слегка вильнул хвостом и осторожно, не спеша, интеллигентно слопал его... Проблема кормежки была решена, а на шестой день я сам вышел к другу...

Описать нашу встречу не под силу человеку – нужно обязательно влезть в шкуру преданной животинки... Но как? Рекс часто-часто замахал хвостом, заскулил, не позволил себе резко кинуться лапами мне на грудь... Лизнул несколько раз мою руку и все время поскуливал. Он говорил мне что-то, явно успокаивал... Ей-ей, он понимал, что я болен, он сочувствовал мне, он жалел меня, он все время смотрел мне в глаза, он изучал меня – больше я ничего не могу сказать. Помню только, что еле-еле сдержал слезы.

Заметил я еще одно феноменальное качество пса. Ему передавалась степень человеческой напряженности и сосредоточенности. Ему было понятно – это совершенно ясно читалось любым, не только

мною, – что людям не до него, что они заняты чем-то очень важным, что нельзя им мешать, что обращать их внимание на свою персону нескромно. Рекс никогда в такие минуты не лаял, не приставал с ласками, а если, случилось, наши взгляды скрещивались, то хвостом, только хвостом, посылал немую телеграмму: дескать, понимаю все, желаю удачи, любящий тебя и послушный Рекс!!

Окончились тяжелые бои за город Кенигсберг. Мы вышли к Куршскому заливу и практически к 1 мая 1945 года закончили военные действия. Мы – воины прославленной 5-й гвардейской артбригады Резерва Главного командования – получили право на отдых... Расположились в живописном месте под Кенигсбергом, разбили палатки, в том числе военторговскую, прилавок которой предлагал довольно приличный ассортимент всякой всячины. Продавщицу – младшего сержанта – звали Маша. Несколько раз наведывался я в эту манящую к себе палатку и, конечно, в компании с Рексом.

Один из моих солдат – я к тому времени носил звание гвардии лейтенанта, – опытный собачник, посоветовал мне натаскивать Рекса на команду «ищи!», далеко бросив палку от себя или дав ему понюхать, спрятать ее где-нибудь и, дождавшись, когда он ее найдет, требовать принести ее: «Палку ко мне!» По дороге к Маше я постоянно произносил ее имя: «Идем к Маше. К Маше! Маша хорошая!» К шее Рекса я подвешивал сшитый той же Машей из портянки мешочек, а когда приходил с ним в палатку, просил передние лапы положить на краешек прилавка, с тем чтобы Маша могла достать руками сумку. Когда Рекс это исполнял, он делался на голову выше продавщицы. Маша доставала из сумки заранее положенную туда записку с перечнем нужных мне покупок и деньги на их приобретение. Товары и сдачу укладывала в сумку и

при мне несколько раз подавала команду «Домой!». И так несколько раз.

Наконец настал день великого испытания. Я причесал пса, аккуратно бантиком завязал на шее веревочки от сумки, положил туда деньги, список покупок: папиросы, спички, печенье, колбаса, хлеб – и скомандовал: «Ищи Машу! Машу! Ищи!» Словно стрела, пес ринулся в сторону военторговской палатки... Ровно через пятнадцать минут запыхавшийся, со светящимися от счастья глазами, гав-гавкая уже на расстоянии 150 м от меня, Рекс примчался, положил свои лапищи мне на грудь, пытаюсь меня лизнуть, дождался, когда я освободил его от сумочки, и... стал демонстрировать какой-то немыслимый танец, кружась вокруг самого себя, подпрыгивая и почему-то рыча, очевидно от удовольствия. На протяжении всего этого буйства он не переставал следить за выражением моих глаз и вообще за моим поведением, требуя разделить с ним праздник победы в сложном деле высшего образования, в сфере диалога с человеком, в котором собака мало чем уступала собеседнику в сообразительности, в логике и дисциплине!! Рекс окончил вуз!

9 мая 1945 года вся страна праздновала День Великой Победы, а наша бригада в составе большой группы войск шла на войну, так как Курляндская группировка войск противника не капитулировала. Шли и ехали мы все, естественно довольно понурые... Надо было видеть Рекса! Складывалось впечатление, что он осознавал сложности военной обстановки и отлично всех нас понимал. Он был подавлен, нем, очень походил на нас всех и даже выражение мордочки было адекватным нашим тревожно-настороженным лицам. На марше, если не ошибаюсь, с 11-го на 12 мая нам объявили, что Курляндская группировка прекратила сопротивление. Началось радостное буйство людей по поводу окончания войны, по поводу того, что теперь

гарантирована жизнь! По поводу того, что впереди мир, семья, дом – рай, одним словом!! (Тогда, в сорок пятом году, никто из нас не мог предположить, что страна наша так распорядится своей судьбой, что скатится в болото бездарных и преступных распрей людских.) Так вот буйство это выразалось в том, что люди кричали, пели, некоторые почему-то стреляли в покрышки автомобилей, очевидно, чтобы не двигаться дальше, некоторые яростно боролись друг с другом, падали на землю. Я выпил кружку водки и (почему – не знаю) лег в канаву и рычал! Генерал наш, интеллигент дореволюционной военной закваски, не позволявший себе ни одного грубого слова, называвший нас «господа офицеры», объезжал наши порядки, стоя без кителя в «виллисе», стрелял в воздух из ракетницы, кричал: «Ура! Победа!» – и добавлял самые что ни на есть крепкие русские слова, приводя нас в восторг и изумление!

Мой старшина Калоев не смог совладать со своим кавказским темпераментом и от счастья, обнимаясь с другом и целуясь с ним, надкусил ему мочку уха... Апогей вакханалии счастья – хохочущий солдат с чуть-чуть кровоточащим надкусанным ухом и плачущий, кричащий старшина! Оба держат, как дети на уроках по танцу, друг друга за руки. И на этом фоне – мой Рекс, задравший свою «физиономию» в небо, бьющий хвостом по земле и по воздуху – вверх-вниз, вверх-вниз, влево-вправо, влево-вправо и почему-то воющий, подобно мне, рычащему в кювете! Ноты воя были не минорные: он пел. Мой друг пел! Не выл, а пел! Он пел радость, он пел свободу, он пел человеческий праздник! Рекс оказался еще и композитором: он пел свою песню! Свою красивую, полную добрых собачьих чувств песню!

Годовщину нашей крепкой фронтовой дружбы с Рексом мы праздновали в военном городке Пери в полусотне километров от Ленинграда. В начале апреля

1946 года я отпросился в Москву, разжалобил там начальство тем, что, если не демобилизуюсь из армии до конца месяца, потеряю целый учебный год в училище имени Щепкина при Малом театре, два курса которого закончил до мобилизации в армию в 1942 году. Через несколько дней я вернулся в Пери, имея в кармане все документы для освобождения в срочном порядке от военной службы.

Никто из встретившихся мне по возвращении в воинскую часть не мог знать об этих документах, и, естественно, никаких изменений в общении со мной не было... Все как всегда: «Здравствуй! До свидания!» И лишь одно существо, не умеющее говорить и писать, мой любимец... Однако все по порядку...

Я вернулся. Подошел к двери квартиры, в которой жил. Квартира была коммунальная. Рекса я оставил на попечение добрых соседей, которых он слушался в мое отсутствие. Поднимаясь на третий этаж, слышал приветственный, особо восторженный, с попискиванием лай явно в мой адрес. Я открыл дверь... Пес в неистовом порыве радости бросился мне лапами на грудь, успел меня облобызать и, глянув мне в глаза, вдруг задержал дыхание. Снова часто задышал, снова попридержал очередной вздох, сник, вяло сбросил лапы с моей груди и понуро залез под диван... Я все понял: он почувствовал предстоящую разлуку! Хотите верьте, хотите нет, но это так!

Вечером за письменным столом я готовил отчетные документы. Мой милый Рекс, потихонечку подобрал (так казалось) свои когти, выполз из-под дивана, подошел ко мне, положил бочком голову на колени и в упор смотрел на меня... Долго смотрел... Не двигался. От пищи отказался и на ночь снова залез под диван, чего раньше никогда не делал. Я всю ночь не спал... Меня встревожило и озадачило необъяснимое собачье предчувствие! Что это? Кто наделил их этой

удивительной способностью? Я вспомнил свое детство... Нашу собаку Джолли...

Дальше писать печально, горько, страшно... Я уехал. Соседи дали слово ухаживать, кормить Рекса. Я оставил друга... Объясню, почему я решился на разлуку. Я возвращался в Москву в никуда. Скромная комната в 12 квадратных метров во время войны была занята. Родственники, жившие чрезвычайно скромно, принять меня с собакой, естественно, не могли. Чем кормить собаку в карточной Москве? Проблема сложнейшая! Рекс оставался в условиях лучших, чем те, которые ждали меня - студента. Лишь эти соображения оправдывали тяжелую разлуку с животинкой...

Эпилог. Соседи, которым я оставил Рекса в Пери, рассказывали, что несколько раз Рекс бегал на железнодорожную станцию - ждал электрички, высматривал меня. Его приводили на поводке домой, но на следующий день он снова сбегал на станцию. Худел, почти ничего не ел... Кто-то посоветовал сдать его в школу сторожевых собак при МВД. Учился он плохо. Завах и вскоре ушел из жизни...

Я до сих пор чувствую себя виноватым в том, что не взял его в Москву, несмотря на то что легче ему не было бы, - так я считал. Только теперь с уверенностью могу сказать, что, конечно, было бы легче, потому что дружба и преданность выше всяких благ - и для Собаки, и для Человека!

Прости меня, Всевышний, прости меня, любимый пес, если я поступил не так!

Рекс! Я уверен - ты слышишь меня! Прости...

Война окончена. Я молодой лейтенантик, еду в троллейбусе по Москве. На одной из остановок в салон вошла симпатичная девушка. Влюбился моментально.

Настолько влюбился, что пропустил свою остановку. Решил непременно познакомиться.

Она между тем внимательно посмотрела на меня и многообещающе улыбнулась. У Камерного театра, теперешнего имени Пушкина, вышла, я за ней.

- Можно с вами познакомиться?

- Конечно, - ответила девушка, по-прежнему улыбаясь.

Протянула мне руку и назвала имя.

- Я провожу вас!

- Ладно, - и улыбка ее стала просто неземной. Мы подошли к дому, который я очень хорошо знал.

Поднялись на четвертый этаж, остановились у двери. Девушка позвонила, дверь открылась, в дверях - мой двоюродный брат художник Борис Немечек.

- Куда ты запропастилась? Я уже беспокоиться начал, - выговорил он девушке.

- Не сердись, Боря. Зато я встретила и привела к нам Женю.

Угораздило же меня влюбиться в жену брата! Мы никогда с ней прежде не встречались. Я не знал, что Борис женился. А она меня еще в троллейбусе узнала по семейным фотографиям.

В троллейбусах с тех пор с женщинами никогда не знакомился: каждая из них могла оказаться родственницей! Чем черт не шутит!

Умолив штабных офицеров выдать на руки (что не положено) демобилизационные документы, чтобы ускорить их оформление, в апреле 1946 года я распрощался с армией, очень многому меня научившей, и явился в столицу, чтобы продолжать овладевать профессией артиста. Я не хотел лишиться возможности быть зачисленным на окончание второго курса училища имени Щепкина, чтобы тем самым не терять целый год учебы.

Я окончил училище круглым отличником по мастерству актера, уже играл маленькие рольки в Малом театре. Дважды заполнял анкету для зачисления в штат этого театра и дважды не был зачислен. Как выяснилось потом – по причинам неблагонадежности: сын врага народа. А то, что я воевал, имел награды, не было принято во внимание.

Деталь для нашей советской действительности очень типичная!

Обидно, но, как говорится, все к лучшему. Поступил в труппу Театра имени Станиславского, затем Театра сатиры. Там я получил возможность сыграть большое число ролей. Обижаться на судьбу никак не могу еще и потому, что, в конце концов, я был приглашен в коллектив Малого театра уже сложившимся артистом с именем. Я прожил в нем интересную творческую жизнь, заслужил высокое звание «народный артист СССР». К боевым наградам прибавились ордена Трудового Красного Знамени и Дружбы народов.

О своих первых годах работы на сцене я расскажу чуть позже. Сейчас же должен написать о том, кто вывел меня в профессиональную жизнь, кто стал моим учителем.

Сцена

1948 год. Работаю в Театре имени Станиславского. Начинать актерствовать с ролей стариков, очень, очень стареньких. И благодарю судьбу за это, так как играть такие роли в 25–26 лет – это настоящий подарок! Хочешь не хочешь, а уходить от своих данных необходимо, надо учиться «ремеслу» перевоплощения. Я убежден в том, что сыгранные роли стариков в начале моей карьеры во многом определили характер и стиль дальнейшего ее развития, когда наблюдательность и фиксация впечатлений стали играть решающую роль. Константин Сергеевич Станиславский сказал: «Пятьдесят процентов таланта – сценическое обаяние». А я, извините, беру на себя смелость добавить: «Остальные пятьдесят процентов – наблюдательность!» Писатели свои наблюдения чаще всего фиксируют в записных книжках. Актеры же, как правило, подсмотренные особенности человеческого характера, внешности, манеру говорить, подсказки для грима, заложенные в физиономиях людей, фиксируют в своей памяти. В своей, если можно так сказать, устной записной книжке. Из нее они извлекают для создания образа запомнившиеся, необходимые детали. Чем солиднее такая устная книжица, тем легче создавать в каждой роли новый образ, новый человеческий лик.

В пьесе «С любовью не шутят» получил роль старика Дона Педро. Репетировать было трудно: никак не мог найти, за что «ухватиться». Мучился, мучился, но как-то зашел в Центральный Дом работников искусств (ЦДРИ). Заглянул в малый зал: там шло какое-то собрание или конференция. Объявляют очередного выступающего – скульптора из Ленинграда. Вижу, как к

трибуне идет человек с грозным взглядом и львиной гривой волос. Потрясающая внешность: густые брови, невероятной величины скулы, подчеркнута волевой подбородок. Энергично поднимается на трибуну! Власть! Сила! Человечище! Небольшая пауза. Оратор набирает полную грудь воздуха и вдруг – тоненьким голосочком, почти на фальцете, с трибуны жалобно спорхнуло:

– Материала нету. Инструмента нету. Что делать? Не знаю!

Моя роль Дона Педро была для меня решена!

Гоголевский Городничий и роменролландовский Кола Брюньон, дядюшка Рабурдэн из пьесы Э. Золя «Наследники Рабурдэна» и матрос Алексей из «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского, шекспировский молодой Родриго из «Отелло» и опытный Басов из «Дачников» Горького, Луп Клешнин из «Царя Фёдора Иоанновича» А. К. Толстого и мольеровский главный герой из «Проделок Скалена» – это далеко не полный список моих творческих соприкосновений с ролями классического репертуара. Такие они, ну никак не похожие друг на друга, верно ведь? И эпохи и национальности – разные. Ну что, казалось бы, может быть общего у них? А ведь при ближайшем рассмотрении у всех перечисленных героев есть общее! Есть!

Если матрос Алексей, присматриваясь ко всем и всему и как бы слушая революцию, ищет в ней истину, правду, кажущуюся ему правильной трактовкой всего вокруг происходящего – и находит все это в поведении и словах женщины-комиссара, – то, например, Кола Брюньон, несмотря на свою общительность, открытость, несмотря на то, что жил в другом веке, в другой стране, занимается ведь тем же самым, что и Алексей. Он слушает и смотрит жизнь, страдает от несостоявшейся

любви к Ласочке. Не находит истинно правдивых людей и отдает свое сердце и душу и доброту своей семилетней внучке: «Моя единственная подруга в жизни – моя внучка Глади», – говорит он сам себе. Внучка для него то же, что комиссар для Алексея – Правда! Олицетворенная правда. Истина! Оба по-своему нашли гармонию человеческих взаимоотношений, своих мыслей и чувств. Мольеровский Скапен ведь не просто дурака валяет и всех разыгрывает. О нет! Он по-своему выводит на чистую воду, на общее обозрение человеческие пороки и добивается справедливости и чистоты человеческих взаимоотношений. Скапен – не шут и не просто ловкий плут, Скапен – философ и правдоискатель. Если Алексей и Брюньон приходят к пониманию правды, то Скапен приводит людей к правде, к необходимости проявлять лучшие, Богом данные людям качества – справедливость, честность, доброту...

Сколько веков волнует, восхищает Шекспир! И сколько до него волновали и восхищали умы людские древние саги, сюжет которых он заимствовал! Всё в сагах и в творениях Великого драматурга – проблемно и современно, даже в наше сумасшедшее время... Поэтому-то и саги, и драматург, и их проблемы – бессмертны! Вот вам, Ира, лучшее доказательство правомерности рассуждений о том, что человечество меняется значительно меньше, чем полагает, и того, что классика помогает нам приподняться над всемирной суетой и почувствовать себя ЧЕЛОВЕКОМ!

Читающий классику сам себе создает «спектакль» по любой книге! Сам! Сам ставит в своем воображении пьесы гениев...

Смотрящий классику чаще всего соглашается с видениями и трактовками режиссера спектаклей. Или, не согласившись с ним, перечитывает книгу или пьесу дома и сам ее «переставляет»!

Недопустимо ни композиционное изменение классического произведения, ни тем более хирургическое вмешательство в его логику. «Современная трактовка» – это акцентирование тех мест и тем произведения, которые заставят думать, осмысливать происходящее сегодня, сопоставлять, искать метину и т. д. Она никак не скальпель для «художнических», философских и моральных косметических операций произведения...

«...Никто не приставляет заплата к ветхой одежде, отодрав от новой одежды; а иначе и новую раздерёт, и к старой не подойдёт заплата от новой» (от Луки, глава 5, стих 36).

Форму подачи классического содержания на сцене необходимо выстрадать, а типические образы в типических исторических обстоятельствах нельзя отнимать у зрителей, они сами разберутся что к чему, они, зрители, и есть современный взгляд на классику, они сами поймут, что им помогает и что мешает жить, что доставляет наслаждение и что отвращает... Не надо «силовыми» средствами навязывать чего-либо зрителю, надо приглашать его к размышлению.

Один из секретов бессмертия Высокой классики, всех моральных и этических элементов, ее составляющих, – полное соответствие с заповедями Всевышнего и Нагорной проповеди Христа, что опять же есть лучшее подтверждение правоты Моруа, что «человечество меняется значительно меньше, чем полагает».

Классика дает возможность хоть капельку приподняться над суетой человеческой, поразмышлять о жизни вообще и своей в том числе, скорректировать самого себя по тем маякам совести, человеческих обязанностей и ответственности, которые заложены в непревзойденной «конституции» – Библии и в классике – по существу, проповеднице этой Великой Книги!

В театре классика приходит к тебе, актеру, в зависимости от множества разных и объективных и субъективных причин. Этот «приход» – лотерея! И если ты награжден судьбою «явлением» тебе классики, то жажда новых с ней встреч томит тебя постоянно, ибо классика – это благостный, совершеннейший «аккорд», в котором гармонично соединены воедино все слагающие его «ноты»: мораль, этика, нравственность, психология, философия и т. д. во имя высокоинтеллектуальной и художественной сверхсверхзадачи!

Этот «аккорд», лишенный фальши и мелких суетных сию секундных и быстро меняющихся проблем, мобилизует весь твой творческий потенциал и не позволяет создавать ни актерского, ни режиссерского суррогата... К слову сказать, своеобразным «аккордом» является и талант актера! Предположим, артист состоит из десяти «нот»: непосредственность, обаяние, дикция, темперамент, пластичность, музыкальность, интеллект, фантазия, чувство меры, вкус... Выпадение одной-двух «нот» не позволит актеру сыграть свою роль ВЕРНО, а следовательно, и создать правильный художественно-полноценный ОБРАЗ. Что есть суть и высшее назначение профессии артиста драматического искусства? Что есть «идеальный артист»? Это артист, не повторяющийся в создаваемых им сценических образах! Артистический путь – путь, проложенный самим артистом, средствами его личных человеческих и художественных особенностей, только ему лично присущим характером разнообразных везде и во всём творческих проявлений...

Роль старика Рабурдэна в пьесе «Наследники Рабурдена» получилась, и я играл с большим удовольствием. Был уже, по-моему, пятидесятый спектакль, когда мои товарищи решили надо мной подшутить. По ходу спектакля я на сцене ел, меня

кормили. Мне приходилось съесть чуть ли не целую тарелку манной каши и еще чего-то. Перед этим спектаклем я целый день постился, нагуливая аппетит, чтобы «с удовольствием» поесть на сцене. Мне прислуживали, подкладывали в тарелку, наливали «вино». Родственники, близкие, слуги заискивали перед богатым дядюшкой, улыбались, угодничали. Итак, актеры решили меня разыграть. Но в антракте их «предали», и я оказался подготовленным. Заключительная сцена: мне подвязывают салфетку, кормят, наливают в фужер «вина» – обычно это чай. А тут вместо чая наливают коньяк! Почти двести граммов коньяка! Аппетитно уминая свою еду, я должен жадно выпить весь фужер «вина», а потом мне еще должны подлить, и я опять должен выпить. Все следят за мной, все готовы к забаве. Прекрасно зная, что у меня в фужере, весело веду сцену, балагурю, ем, запиваю с удовольствием «вином». Коньяк выпил спокойно, не дав никакого повода даже подумать, что пью не чай. Вижу, как партнеры перестали обращать на меня внимание, как «выбились» из игры, растерялись: смотрят друг другу в глаза, пытаюсь понять, что произошло. Стоят, пожимают плечами. Еще налили, и опять коньяк! Я преспокойненько выпил. Кто-то понюхал пустой фужер – никакого подвоха: пахнет коньяком! Еще налили, я опять выпил.

Наконец спектакль кончился. Аплодисменты. Занавес. А уже за закрытым занавесом начался хохот! Они смеялись над собой, а я над ними. Я получил большое удовольствие от столь щедрого угощения!

Пэнкс в «Крошке Доррит» Диккенса. Нервный, стаккатированный и синкопированный человек, очень темпераментный. Успокаивавший сам себя (что приходилось ему делать часто – раз, два, три... до десяти) и добившийся хороших результатов в этом сложном психотерапевтическом приеме самовнушения,

что вызывало громкую реакцию зрительного зала. Прототипом моего Пэнкса была (прошу не удивляться) Цецилия Львовна Мансурова – ведущая актриса театра имени Вахтангова. Да-да! Я играл Цецилию Львовну, но в мужской интерпретации. Она была очень эмоциональна, нервна, очень легко воспламенялась и столь же стремительно сникала, могла мгновенно перейти от хохота к истерике и снова вернуться к смеху сквозь слезы. Одним словом, была натурой сложной, неожиданной и очень талантливой! Лучшего Пэнкса представить себе невозможно – Цецилий Львович Пэнкс!!!

С годами в моей памяти накопилось немало таких наблюдений за людьми, за особенностями их характера, поведения, внешнего облика. Об этой «коллекции» стало известно моим друзьям-артистам...

Телефонный звонок.

– Слушаю...

– Привет. Это – Гриценко... Николай... Вот какое дело... Начнутся съемки фильма «Анна Каренина»... Еще не совсем «заземлился» в роли... Вспомнил про твою удивительную коллекцию человеческих походов... Сколько их у тебя в копилке?

– Да штук пятьдесят – шестьдесят...

– Дорогой мой, подари одну для роли Каренина... Аскет, рогоносец, страдалец, умный, любящий, большой чиновник...

– Бутылка коньяка за это...

– Две...

Я подарил артисту, гениально сыгравшему Каренина, походку, которую когда-то подсмотрел в «исполнении» трех человек: композитора С. С. Прокофьева, администратора ЦДРИ (1950 г.) Гриши, одного из артистов цирковой группы «9-Инго-9» (1934 г., Кривой Рог). И всех лошадей-иноходцев!!! «Иноходцы» – люди – это те, которые ходят

посредством одновременного посылы вперед левых ноги и руки, а затем правых так же синхронно!

Телефонный звонок. (Через год.)

- Алло...

- Гриценко... Олимпыч...

- Здорово...

- Здорово...

- Ну, старик, спасибо тебе за походку... Фильм отсняли. Приходил на съемочную площадку... Настроение ужасное: или чувствую себя плохо, или просто не выспался, устал. Одним словом, ну никакого желанья работать... Но стоило пройтись немножко «иноходью», как моментально «вскакивал» в образ замкнутого, тихо говорящего страдальца-рогоносца и требовал побыстрее начинать съемки, чтобы «не расплескаться». Ведь Каренин – весь в себе, в своем, так сказать, «малом круге»... Так что еще раз спасибо. Дай Бог тебе здоровья и новых походов на благо общего актерского благополучия. До следующей походки!

В процессе создания спектакля по роману М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» (это было уже в Малом театре) мы долго не могли найти специфическую атмосферу дома, семьи, в которой под вуалью благополучия, лживого семейного внимания, любви к маменьке и папеньке господствовали подозрительность, неприязнь друг к другу... Подчеркнутые фарисейство или благополучие не давали должного результата: в первом случае все делались удивительно противными, во втором – нагло врущими и просто примитивными... Как-то репетицию посетил мой знакомый священнослужитель из города Судиславля (в Костромской области) и, сильно окая (как все волжане), обронил: «Все хорошо, все по книжке салтыковской, все натурально, только вот, говоря о Боге, о любви к нему, молясь, крестясь, все лицедеи

твои, артисты значит, пребывают в состоянии безбожников, которым что колбаса, что Бог... Нельзя обращаться к Господу Богу поспешно, походя, невзначай, словно спешишь ручей вброд, штаны задравши, перебежать, чтобы в магазин поспеть до закрытия... Вера во Всевышнего требует покоя душевного, неторопливости, уединения. А уж если обращаешься к Богу, не забудь поднять глаза ввысь – там он, там, на небе, Бог-то! И не многословь... – И, помолчав, батюшка сказал: – К Богу, задравши штаны, не забегают. К Нему надо постепенно приближаться по золотому безгрешному мосту через текущую „речку“ безбожников и позорящих род человеческий. А мост этот – ты сам и есть, если веруешь в Него!»

Атмосфера спектакля была найдена: обращения героев к Богу стали неторопливыми, превратились в своего рода многие маленькие «спектакли», прикрывавшие своей «серьезностью» и «искренностью» все очаги распрей, стяжательства и лжи, разлагавшие семью. И играла в этом «домашнем спектакле» вся семья Головлевых... И вся семья за свое фарисейство была автором и Богом уничтожена...

Спасибо батюшке. Вроде бы подсказана небольшая деталь, но именно эта деталь во многом оказалась решающей в успехе спектакля!

Великая вещь – «маленькая деталь»! Если в «Горячем сердце» А. Н. Островского предположить неспособность одного из главных действующих лиц – Курослепова соответствовать своим обязанностям мужа по причине алкоголизма, то трактовка роли его жены Матрены в корне меняется. Это не гулящая, распутная баба, а несчастная, неудовлетворенная, ревнивая женщина, доведенная до поведения крайне эмансипированного, а порою и резкого, но не хамского! В этом изложении роли Матрена должна вызвать

понимание и даже сочувствие сидящих в зрительном зале, особенно женщин. На роль ее любовника Наркиса при такой трактовке вовсе не обязательно назначать артиста с данными деревенского героя-любовника или явного сердцееда-вымогателя. Наоборот, в оправдание поведения Матрены ее любовник может выглядеть не очень броско и эффектно. Он может быть даже хлюпиком, недотепой – первой попавшейся «жертвой» ядреной бабы; хлюпиком, ошалевшим от свалившегося на него лакомого «кусочка», обнаглевшим в своих претензиях к этому «кусочку» – трясущейся от страха перед возможными изобличениями во всех грехах несчастной женщине.

«Маленькая деталь» – немощь мужа-алкоголика позволяет переосмыслить все режиссерское решение спектакля, всю взаимосвязь и взаимозависимость действующих лиц.

Еще один пример. Образ Кола Брюньона привлекал внимание и драматических, и оперных театров, и даже театров оперетты. Всемирно известный роман читали по радио, приспособляли к телевизионным передачам, отрывки из него игрались на концертных площадках... И, как свидетельствуют сами французы, герой романа трактовался всегда как балагур, весельчак, выпивоха...

Приступая к работе над образом Кола, я постоянно думал о том, что навряд ли такой крупный писатель, как Ромен Роллан, мог бы ограничить характер своего Кола только вышеприведенными качествами. Я чувствовал, что где-то таится причина парадоксальности фигуры героя романа. И нашел ее! Это печальное одиночество! Вся бравада Кола – приспособление к жизни среди людей, которых мало интересуют его проблемы; это ширма, отделяющая его душу от окружающей суеты.

Это было в 60-х годах... Состоялись лишь первые, «разведывательные» репетиции будущего телефильма «Кола Брюньон» и... я оказался в больнице. Операция... Время идет, работа остановлена. Репетиции без исполнителя главной роли бессмысленны. Понимаю, что мое отсутствие срывает план работы, и готов к тому, что буду заменен... После операции необходимо несколько реабилитационных дней, а о том, что сейчас кому-либо из родных или друзей разрешат навестить меня, и речи быть не может. Но наконец, табу на свидания снимается, долгожданный момент наступает, открывается дверь и... На пороге палаты оказываются Андрей Александрович Гончаров, с ним художник фильма, заведующая костюмерным цехом и Ольга Александровна Аросева – моя главная партнерша в кинофильме, исполнительница роли Ласочки.

С роли меня не сняли – почти двадцать дней ждали; репетировали у меня в палате целую неделю, утвердили эскизы костюмов...

Было приятно прочесть в одной из французских газет о том, что «советский артист Евгений Весник сумел найти новое решение образа Кола Брюньона» (наш телефильм показывали на французских экранах)...

Спасибо Андрею Александровичу Гончарову, который поддержал мою трактовку и помог ее реализовать. Поддержка эта особенно ценна и принципиальна потому, что Гончаров – из тех режиссеров, которые свято относятся к классике, не позволяют использовать ее потребительски во имя собственного самовыражения, перекраивать ее на свой лад, напичкивать всякого рода «новациями». Он из тех, кто заботится о глубинном ее анализе, кто ищет определенные акценты в сценическом воплощении той или иной пьесы. Ведь всякое время само подсказывает наиболее актуальные из них, а в классических пьесах всегда присутствуют темы и коллизии, типичные для

любого времени. В этом и заключается бессмертие классики... Тема одиночества – не надуманная, а изначально заложенная в романе. Она углубляет образ Кола в сравнении с заштампованными его интерпретациями. Думаю, поэтому режиссер поддержал «моего» Кола...

1954 год. Моя первая роль в Театре сатиры – судья в спектакле по пьесе Филдинга «Судья в ловушке». В связи с болезнью исполнителя меня срочно за две репетиции ввели в спектакль. Сдаем работу главному режиссеру Петру Павловичу Васильеву.

– Прошу Весника в зрительный зал... Остальные свободны, – объявляет он.

«Ну все, провалился», – думаю я. Волнуюсь страшно. Внутренне готовлюсь к суровому большому критическому монологу мастера.

– Есть одно очень важное и принципиальное замечание. Ты в какой руке держишь молитвенник?

– В правой... – робко отвечаю я.

– Неверно, дорогой мой, неграмотно, грубо: сразу видно, что ты – безбожник! Возьми молитвенник в левую руку и... с Богом! Остальное все замечательно! В левую, в левую... правой крестятся, милый!

Было бы несправедливо не назвать еще несколько ролей, сыгранных мною почти за семь сезонов на сцене театра имени Станиславского:

– Молодой студент – в пьесе «Две судьбы» Н. Хигеровича и Р. Зелеранского;

– роль конферансье Флюгера, поющего и танцующего, – «Жизнь начинается снова» В. Собко;

– Евгений Ситников – «Отцы и дети» И. Тургенева;

– Колхозник Семен – «В тиши лесов» П. Нилина;

– Атаман Кропильников – «Семья Бугровых» А. Максимова;

- Фон Шратт - «Дни Турбиных» М. Булгакова...

Театр имени Станиславского подарил мне общение с М. М. Яншиным, М. А. Светловым, И. О. Дунаевским, Самедом Вургуном; подарил мне творческие контакты с талантливыми Лилией Гриценко, Семеном Лунгиным, Николаем Дупаком, Борисом Левинсоном, Борисом Лифановым, Тинной Гурко, Евгением Леоновым, Алексеем Головиным, Евгением Шутовым, Иосифом Падарьяном, Галиксом Колчицким, Марией Стуловой, Александром Роговиным, Лялей Черной, братьями Борисом и Николаем Эрдманами, Борисом Эриным и многими-многими другими.

Экран

Помню мое первое прикосновение к миру кино. В нашу спецшколу с ранним преподаванием немецкого языка приехала киногруппа отбирать ребят для фильма «Рваные башмаки». Они должны были изображать немецких детей голодающих сапожников. Ребят загримировали, собрались ехать на съемку... но без меня. Сказали, что я не подхожу и могу идти домой. Я – в слезы: «Как это так? Все едут сниматься в кино, а я нет! Приду домой, что скажу маме?» – «А ты скажи ей, что не годишься на роль голодающего ребенка. Ты очень толстый».

Начало 70-х годов. Только что приступили к съемкам фильма по роману Валентина Катаева «Белеет парус одинокий». Второй фильм по этому популярному произведению. Наш фильм, в котором я играл роль Усатого, назывался, в отличие от первого, сохранившего название книги, «Волны Черного моря».

Иду по Арбату, старому Арбату. Встречаю замечательного артиста Театра имени Вахтангова Николая Сергеевича Плотникова.

– Весник, слышал, что ты, сукин сын, мою роль играешь в кино. Ведь в первом фильме я Усатого играл. А теперь, говорят, ты эту роль играешь! Отвечай!

– Да, Николай Сергеевич, я.

– Скажи мне честно, сукин ты сын, – ты знаешь, как я к тебе отношусь, – ты лучше меня играешь Усатого или хуже? Честно!

– Хуже.

– Молодец! Снимайся спокойно. Желаю тебе успехов. Пойдем в кафе – отметим твою творческую артистическую, человеческую победу.

- Я только начал сниматься... О какой победе вы говорите...

- Я не об этом. Признаться честно в том, что играешь хуже другого артиста, - это большая творческая победа! В кафе! Вперед!

Снимался фильм «Самый сильный». Я играл в нем две роли: царя и его брата. Царь был рыжий-рыжий добряк и безвольный, а брат был черный-черный и злой, к тому же одноглазый. И костюмы у братьев тоже были очень разные.

Снимали в Карачаево-Черкессии, в г. Учкеекене. На съемках постоянно крутились местные ребяташки. Они не понимали, что царя и брата играет один актер, потому что нас привозили на площадку уже загримированных, одетых в костюмы персонажей. Я появлялся то в облики царя, то в облики врага-брата, на базу уезжал не разгримировываясь. Узнать во мне одного и того же актера было для ребят невозможно. В один из съемочных дней ко мне подошла компания малышей:

- Король! Почему ты не дружишь со своим братом?

- Он очень плохо ведет себя, - сказал я.

- Передать ему это?

- Передайте.

- Когда?

Сниматься в роли нехорошего брата я должен был на следующий день.

- Завтра он будет здесь.

Назавтра они опять подошли ко мне:

- Король может простить тебя, если ты будешь себя хорошо вести.

Моя игра с ребятами продолжалась весь съемочный период.

Прошло много-много лет, и я вновь оказался в тех местах со своими сольными концертами. Зрители

принимали меня замечательно. Однажды после концерта ко мне подошла группа мужчин с женами и детьми.

- Скажите нам спасибо, что на ваши выступления все билеты проданы. Мы всему поселку рассказали, как вы нас маленьких разыграли на съемках. В нашем поселке вы самый популярный артист.

После выхода на экран кинофильма «Приключения Электроника» я получил более тысячи писем от ребят разного возраста. Самое дорогое моему сердцу письмо было от Лены из Липецка. Тринадцатилетняя девочка довольно толково анализировала картину и в конце письма написала: «Дядя. Вы такой добрый, приезжайте к нам преподавать математику (в фильме я играл роль учителя математики). У нас такая злая учительница». Для меня это была высокая похвала. Видимо, получился образ человека, который запал в душу, полюбился этой девочке.

По поводу этого моего учителя математики. Роль острохарактерная. Манеру говорить я взял у Маршака: немного в нос. А у своего районного хирурга позаимствовал смешную походку, которая ребятам очень нравилась: обе мои руки болтались за спиной, как плети. Дети всегда смеялись в зрительном зале.

В Ялте в коридоре гостиницы ко мне подошел очень расстроенный мальчик.

- Дядя, можно задать вам вопрос? Я вас узнал, вы играли преподавателя математики в «Приключениях Электроника».

- Да. Задавай свой вопрос.

- Скажите, пожалуйста, а почему вы в жизни не так ходите, как на экране?

Я его разочаровал, расстроил, так как не соответствовал тому образу, который ему был мил. А

для меня его вопрос – большой комплимент. Для актера всегда радость – убедительное перевоплощение.

Как-то вечером раздался междугородный звонок: «Вас приветствует „Ленфильм“. Приглашаем сниматься. Без проб! Очень хорошая роль. Начальник цеха, неудавшаяся личная жизнь. Словом, есть что играть. Пожалуйста, приезжайте. Ждем вас».

До утра, конечно, не заснул: мечтал, не зная толком, кого предстоит играть, придумывал гримы, костюмы, характерности. На следующий день был в Ленинграде.

Встретили меня очень тепло, устроили в гостинице, а утром привезли на киностудию.

Режиссеру очень хотелось, чтобы мой герой был рыжим. Меня познакомили с мастером по гриму, и тот, обработав мою черную шевелюру и брови перекисью водорода, сделал меня ярко-рыжим. Рыжее не бывает! Мое преображение произошло в 12 часов. В 13 часов пришел директор картины, очень милый человек. Мы подписали с ним трудовое соглашение. Сумма в соглашении была настолько приличной, что решительно подняла мое настроение. Я растрогался и пригласил к себе в номер и директора, и режиссера, и гримера. Из Москвы я захватил с собой денег на костюм, который решил купить в Ленинграде. Потратить их на угощение друзей мне было совсем не жалко. К тому же соглашение подписано, голова накрашена, роль через полгода будет сыграна, и я получу такие деньги, на которые можно будет купить не только костюм.

Угощать я люблю, и стол оказался на славу, икорка на льду, замечательный коньяк, потрясающие закуски. Все было прелестно. И компания была великолепной. Я горячился больше всех: поднимал тост за тостом, желал удачи и режиссеру, и директору, и гримеру, и всей студии. Друзья говорили обо мне: хвалили, желали

успеха в роли. Мы хохотали, целовались, пели! Нам принесли вкуснейший кофе, чудесное мороженое...

В 18.00 позвонили со студии и сообщили, что наша картина законсервирована! Полгода ходил рыжим!

Выучил я рассказ о Диогене из «Голубой книги» Зощенко. И никак не мог представить себе, какой он, найти его речевую характеристику. Общеизвестных легенд о нем мало, чтобы увидеть человека во плоти. Читать рассказ в концертах не решался.

И вдруг я напал на своего будущего Диогена. Приехал как-то в Монино в гости к своему товарищу, кинооператору. Он снимал фильм из времен Гражданской войны. По сценарию махновец, бандит – в то время махновцев так себе представляли – должен ударить сельчанина в лицо. И чтобы у зрителя пробудить большую ненависть к махновцам, на рольку сельчанина нашли дедуся из местных. Звали его Иван Игнатьевич. Маленький, ушки лопушками, ножка правая запала, прихрамывал. Славный, худенький, легонький дедуся: румянчик склеротический, очечки, на голове три волосика. Взгляд ребенка.

– Дедушка, мы тебя в кино хотим снять!

– Валяй давай. С удовольствием, – соглашается он.

– Два дня будешь сниматься: сегодня и завтра. Выроем тебе окоп, дадим обрез времен Гражданской войны. И ты вот этого мерзавца (показали на актера, игравшего махновца) завтра убьешь наповал.

Лет старичку было уже под восемьдесят. То ли он воевал с махновцами, то ли историю хорошо знал, то ли в детство впал – не знаю. Посмотрел он на «махновца» и очень серьезно сказал:

– А что? Убью!

– Подожди, дедушка! А сегодня он тебя будет бить!

– Нет, это не надо, – возразил старичок.

– Дедушка, так нужно по сценарию, – уговаривают его. – Мы тебе деньги заплатим. Семь с полтиной.

- Ну ладно, пускай бьет. - Семь с полтиной его убедили.

Подготовили поосновательней съемку, чтобы снять без лишних дублей, - дедушку не щадят. Кино не терпит условности, поэтому драки, удары на экране должны выглядеть правдоподобно. А тому, кого бьют, приходится немного пострадать. Ничего не поделаешь! Иначе трудно будет поверить зрителю в реальность происходящего. Словом, надо «тюкнуть» и дедушку немножко, чтобы зрители настроились против махновцев.

Команда: «Мотор!» Дедушку «тюкнули». Он зашатался, начал, заваливаясь на спину, отступать от «махновца» и вышел за границу кадра: был дедушка на экране и не стало его. Брак - переснимать.

- Дедушка, у нас не вышло, надо повторить.

Дедушка показывает фигу:

- Вот вам ишо раз.

- Дедушка! Мы тебе еще семь с полтиной дадим.

- Ну ишо раз - ладно, а больше не дам.

Со второго раза все получилось.

Метрах в тридцати от съемочной площадки стояла девочка лет двенадцати и вдруг как закричит:

- Дедушку бьют! Безобразие! Кино называется!

После того, что ей ответил дедуся, я от хохота валялся в траве, режиссер накрыл голову сценарием и кричал «караул», оператор, тоже смеясь, заявил:

- Я больше его снимать не буду - он сойдет с ума.

А ответил он внучке вот что:

- Ничего, Клава. Я его завтра убью наповал!

Дед, действительно, чуть не рехнулся. На следующий день прибежал на съемку в семь утра, залез в окоп и потребовал обрез...

Конечно, я влюбился в этого дедусю, забавного ребенка, чистейшей души человека. Он и стал прототипом моего Диогена. Рассказ стал читать смело и

с большим азартом. Если бы вдруг мне предложили сыграть на сцене или на экране великого философа Диогена, отказаться от того моего прототипа не смог бы!

Ялта. Кончился последний съемочный день. Решили его отметить. Как всегда, «кое-чего» не хватило. Надо пойти за этим в ресторан. Спросил у швейцара, к кому обратиться.

- Идите в банкетный зал, там немецкая делегация. Обратитесь к официанту - он вам поможет.

В комнате перед банкетным залом увидел двух очень эффектных молодых дам, прекрасно одетых, куривших дорогие закордонные сигареты.

В банкетном зале громко сказал: «Гутен абенд», быстро, как приветствие, пропел куплетик из немецкой песенки, расположил к себе и немцев, и официанта. Тот сразу мне помог с «кое-чем». В комнате перед банкетным залом задержался около дам, не мог не задержаться. Пропел им тоже свой куплетик и сказал: «Ауфвидерзеен».

Одна из этих красивых женщин, сидя в кресле нога на ногу, спокойно, отчетливо выговаривая каждое слово, произнесла:

- Весник, поскромнее! Посажу!

Это же русские! Я быстро ретировался...

Прошло время. Как-то я был на большом спортивном празднике в Лужниках. Пробыл так долго, что не оставалось времени до вечернего спектакля. Вышел на дорогу, «голосую». Останавливается машина, за рулем женщина.

- Умоляю вас, довезите меня до Малого театра, я опаздываю на спектакль.

И вдруг слышу:

- Тогда в Ялте я вас не посадила, а сейчас посажу. - Распахнула дверцу. - Садитесь!

Довезла меня до театра. Кто эта женщина, любящая каламбурить, до сих пор не знаю.

Кинорежиссер А. В. Золотницкий на студии имени Горького всех обыгрывал в шахматы. Никто и никогда не мог у него выиграть ни одной партии.

Как-то я оказался с ним в Одессе в составе киногруппы. Надо сказать, что Золотницкий был человек чудесный. Умный, интеллигентный. Он много знал, беседовать с ним – одно удовольствие. Относились мы к нему как к мудрому старшему товарищу. Часто собирались у него в номере, пили чай с печеньем – никаких крепких напитков. Рассказывали смешные истории. Заканчивались посиделки, конечно же, игрой в шахматы. И как всегда, Золотницкий выигрывал. Перед очередными посиделками я встретил на улице Ефима Геллера. Говорю ему:

– Я вас умоляю, пойдите со мной. У вас вечер свободен?

– Свободен.

– У нас есть режиссер Золотницкий. Я не скажу ему, что вы гроссмейстер Геллер. Умоляю, обыграйте его! Хоть посмотреть, как он выглядит, когда проигрывает! Вся студия пыталась у него... Ну никак, ни разу.

– Ладно, пойдём.

Прихожу с Ефимом Петровичем на посиделки.

– Знакомьтесь, это мой друг. Мой школьный товарищ.

Через некоторое время, как и следовало ожидать:

– Ну кто в шахматы? – Рано или поздно Золотницкий должен был это сказать.

– Мой товарищ, кстати, очень хорошо играет в шахматы. Попробуйте с ним. А что с нами-то. Мы никак выиграть у вас не можем. Может быть, он выигрывает, – предлагаю я.

– С удовольствием, – говорит Золотницкий.

Примерно через десять минут позиция у Золотницкого – бесперспективная. Таким растерянным я его никогда не видел.

– Что за дьявол? Я даже не понимаю, в чем дело. Мне здесь, – показал на доску, – делать нечего. Знаете, я, пожалуй, сдамся.

Тогда Ефим Петрович говорит:

– У меня к вам просьба, если вы не против. У меня есть за ваши фигуры идея по линии «С». Вы не позволите повернуть доску? Я продолжу за вас игру.

Золотницкий развел руками и, посмеиваясь, согласился.

– Я тут не вижу никаких продолжений. Но давайте попробуем.

И снова через десять ходов он оказывается в проигрышном положении.

– Это какие-то чудеса... Что-то я... Я не понимаю, что со мной происходит. Не могу никак проанализировать. Я сдаюсь...

Геллер опять с предложением:

– Давайте еще раз повернем доску!

– Здесь уж совсем делать нечего, дорогой мой друг! Я проиграл... Чего тут поворачивать?

И все же развернули доску. Через восемь ходов Геллер выигрывает партию!

Золотницкий торжественно встает, поправляет на себе одежду:

– Блестяще! Давайте познакомимся поближе. Мне было очень... давно я не получал такого наслаждения. Даже не могу отдать себе отчет в том, что произошло. Давайте знакомиться: режиссер Золотницкий.

– Гроссмейстер Геллер.

Золотницкий замахнулся на меня и прорычал:

– Негодяй!

Они сыграли еще пять партий, и все выиграл Геллер. Золотницкий первый раз на моих глазах выпил

глоток коньяку и утверждал, что Геллер – гений!

Только что прошел с успехом фильм «Трембита», в котором я играл центральную роль Сусика.

В Москве в Марьинском универмаге решил купить плащ. Моего размера не оказалось, выхожу из магазина и обнаруживаю, что сторублевая купюра, сложенная фантиком, из кармана исчезла. Украли. Напротив магазина замечаю кучкующуюся шпану. Переговариваются, что-то передают друг другу, убегают в магазин, возвращаются. Компания подозрительная. Чутье подсказало, что они имеют непосредственное отношение к моей пропаже. Подошел к ним и говорю:

– Ну что? Дошли уже до ручки? Шарамыги! Актеров уже стали обворовывать?

– О-о! Су-усик!

Узнали, очень довольны, что к ним подошел.

– А что случилось? – спрашивают.

– Что случилось, что случилось... – обиженно ворчу я. – Пришел плащ купить, не успел оглянуться, а ста рублей нет. Что же это такое? Нашли богача.

– А какие они? Как были сложены?

– Фантиком. Одна купюра. Вот в правом кармане пиджака.

– Стой здесь, Сусик!

Через минут двадцать мне принесли именно мою сотню, сложенную фантиком. Пришлось половину потратить на угощение...

Портреты

Из журнала «Пчела» (начало XX века):

а) «Делай сказанное и не говори о сделанном».

б) «Безмолвное дело лучше бесполезного слова». (Из древнерусского сборника афоризмов.)

Цицерон Марк Туллий (106–43 до н. э.), римский политический деятель, оратор и писатель:

с) «Где дело само за себя говорит, к чему слова».

Так рождаются псевдонимы

И великие актеры, сыграв свою роль, сходят со сцены. В театре.

Станислав Ежи Лец

Осенью 1896 года молодой актер Василий Иванович Шверубович получил рекомендательное письмо к А. С. Суворину – издателю «Нового времени» и владельцу театра.

– Да-да, я возьму вас! Для начала могу предложить рублей пятьдесят, только вот что, господин Шверубович, непременно перемените фамилию, можете отправиться к заведующему труппой подписать контракт. А фамилию обязательно перемените на более легкую! – еще раз напомнил Суворин.

Что делать? Взгляд Шверубовича случайно упал на конторский стол, на котором валялся номер «Нового времени». На первой странице газеты чернела рамка траурного извещения: «В бозе почил Василий Иванович Качалов».

Шверубович взял ручку, обмакнул в чернила и решительно подписался под контрактом: «Василий Качалов».

Играя Лепорелло в «Дон Жуане», Выходцев после похищения Дон Жуана завершал пьесу нравоучением: «Так будет со всеми, кто на чужих жен заглядывается!..»

Но когда он играл Лепорелло в собственной труппе, антрепренерские интересы брали верх, и финал получал другое толкование: «Всем так будет, кто не хочет к нам в театр ходить!».

В пьесе «Торквато Тассо» суфлер подает из будки: – «А вот и сам Торквато Тассо!».

Выходцев, не разобрав слов, с ходу импровизирует: «А вот и сам квартальный Тарасов (и после некоторого раздумия добавляет)... – С квасом».

В драме «Поздний расцвет» вместо фразы «И этот мальчик с кудрявой головой рыдает у меня на плече»... Выходцев произнес: «И этот мальчик с дырявой головой, кидает в меня кирпичи»...

В театре освистали пьесу. Аплодировал только один человек.

- Чему вы аплодируете? – спросили его соседи.
  - Тем, кто свистит!
  - Что продают?
  - Вальс Грибоедова.
  - Того самого?.. Выходит, и ему невозможно было прожить одной литературой!
- (Р. С. Как, кстати, часто и в наши – 21 века – дни!!).

Что для вас театр?

Баянист в сельском клубе в 30 км от Ростова Великого (ему 66 лет. Верующий. 1988 год):

– Знаете, что я вам скажу, товарищ Евгений Вестников... Как бы это сказать... Завидую я вам! Вы пишете, играете в театре в кино, звучите по радио! Вы на виду! На людях. Видел по телевидению вашу библиотеку. Завидую вам. Я правнук раскулаченного. Чудом сохранилась его библиотека! Всю ее прочитал – 800 книг. А толку никакого! Окончил музучилище. И все! Шабаш! Подрабатываю вот на баяне, ремонтом разным занимаюсь. А мечтаю о настоящем театре. Хотел

баянистом устроиться. Не берут! Говорят, что играю хорошо, – нужен такой, как я, а взять не могут ни в Ногинск, ни в Москву.

В театр Сатиры просился, говорят, денег нет, общежития нет. Как это так – нищий театр! Нехорошо получается.

В Ростове Великом живет духовник одной известной ярославской артистки. Она сказывала, что нищенствует. Как это так получается? Но что бы ни было, театр – моя мечта! Пусть театр нищий, как мы тут, все, но – она мечта моя! А у мечты цены нет!

Елена Николаевна Гоголева

(на репетиции моей инсценировки романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» в Филиале Малого театра на ул. Ордынке):

– Знаете, когда я больше, чем во время всех других периодов работы в Малом театре, дорожила им? В те девять лет, когда мне не давали ролей. Это чувство «забытой» актрисы очень похоже на чувство иссушающей тебя ревности или печали, испытываемой, когда теряешь любимого. Больше ничего я вам не скажу!

Шестилетняя девочка, живущая в нашем доме (записано на диктофон):

– Какой театр ты любишь больше других?

– Театр «Зверюшек» в уголке дедушки Дурова... Я там слоника кормила! Он такой хороший и совсем не страшный, и смотрел на меня, как будто говорил: «Здравствуй, Катя!».

– А кукольный театр любишь?

– Люблю, но не так, как театр про зверюшек, с куклами нельзя разговаривать, они ведь неживые, они понарошку. Их кормить нельзя.

– А кинофильмы любишь смотреть?

- Не-а! Там все страшно! Стреляют! Все кричат! Убивают! Не люблю!

- А «Спокойной ночи, малыши» смотришь?

- Не-а! Это же для малышей! А мне скоро 7 лет!

Ветеринар в городе Галиче (Костромская область):

- Ходил. Любил... Теперь в театр не хожу и не люблю его... Я на пензенской артисточке женился - она к нам в город к своим родителям приезжала. Балерина она - на эстраде! Из тех, которые во время выступления главных артистов за их спиной выкрутасы разные выделывают... Ногами и телами... Поехал в Пензу - четыре месяца пожил с ней. Походил на концерты... Уговаривал бросить дрыгание за спинами - отказалась, говорила, что я мужик и ничего в искусстве не понимаю. Стала домой поздно приходиться. Водкой попахивало от нее. Я денег много давал, потому как зарабатывал много - животных стриг, мыл, лечил, на дома ходил. Одним словом, сосед наш глаза мне открыл: - проститутка она... Все! С театром покончил. В театр не хожу! Не могу! Я книжки стал читать!.. Забавно! Ох как забавно! Жениться - ни-ни.

- Все забудется... Опять в театр будете ходить...

- Возможно, возможно... Надеюсь! Но жениться... Никогда!!!

Официантка (теплоход «Астра», круиз «Одесса - Хайфа»):

- Я театр не уважаю! У меня мой Мишка - муж мой - в драмкружок ходит! В Дом моряка. Спектакли играет, со всяким, кто с ним роли играет, целуется!

Я ему сказала: «Если хоть раз в помаде придешь или до утра загуляешь - тогда я сама в драмкружок и в артистки запишусь! Посмотрим, кто из нас лучший артист! Я уж тогда всех помадой перемажу! Тебе назло!

А так у меня к театру интереса нет! Я Мишку своего люблю! Вот и весь театр!»

Сантехник нашего дома:

- А ты-то сам как считаешь, что он для тебя, театр-то, а? Что?

(Честно скажу, уж больно неожиданно был задан ему вопрос... Но отвечать нужно... Включил диктофон, и вот что я наговорил):

- Я так тебе скажу, Вася: театр - он как наркотик! Он в тебе, ты в нем! Я отравлен театром! Но тем, в который влюбился в юности! И вот в 1990 году ушел из театра по разным причинам, а в основном по состоянию здоровья - стали беспокоить дремавшие долгие годы последствия ранения и контузии.

Снятся мне сцена, гримы, как по ходу спектакля текст забываю и потом в холодном поту просыпаюсь...

Не часто, но хожу в театр. Если верно играют актеры - завораживают, если неверно, фальшиво, плохо - не выдерживаю и ухожу домой; возмущаюсь, когда публика аплодирует тому, что аплодисментов не заслуживает... Теперь сам посуди, что для меня театр. Точно я не могу определить...

Помешательство какое-то, любовь, наркотик, ненависть, любовь. Высокого класса спектакль - это как расчудесное вино: оно пьянит и радует! Ну а ты, Вася, что для тебя театр?

- Ты, Яколич, говоришь, что хороший спектакль пьянит и веселит, тогда, считай, что я из хорошего театра не выхожу вот уж много лет!!

(Хитро улыбнулся)... Если нальешь за сделанную работу стопочку - считай, что билеты в хороший театр приобрели!

Знаменитый гость

Это рассказала мне народная артистка РСФСР Лилия Олимпиаевна Гриценко. Сразу после войны она поехала навестить родственников на Украине. В это же время в их городок приехал известный тогда главный правительственный фотограф Наппельбаум. В честь такого знаменитого гостя районное начальство устроило банкет с истинно национальным украинским столом, столь богатым по форме и содержанию (несмотря на разруху), что он был достоин быть запечатленным на фото – для доказательства того, что «сегодня весело живется, а завтра будет веселей».

Лилия Олимпиаевна была среди приглашенных на «высокую встречу» и посажена рядом с героями рассказа – глуховатеньким и подслеповатеньким дедулей и краснощеким, шустрым его семилетним внуком. Все тосты, вопросы и взоры были, естественно, обращены к знаменитому маэстро, который в своих рассказах постоянно упоминал фамилии: Сталин, Каганович, Микоян, Орджоникидзе, Молотов, Жуков, Рокоссовский... часто вспоминал свои посещения Кремля и правительственных дач и прочее...

Внучек, замороженный рассказами сказочного знаменитого дяди, не мог оторвать от него свои любопытные глазенки. Дед плохо улавливал слова гостя и почти его не видел, а потому постоянно тихонько спрашивал у мальчика: «Кто это? Ну скажи, кто это?» В ответ получал короткие: «Погоди!», «Не мешай!», «Да ну тебя!» и даже грубое: «Отстань!» Наконец, дед рассердился на родственничка и, толкнув его в бок, чуть ли не во весь голос сказал:

«Тебя дед спрашивает, кто это?!» Внучек таинственным шепотом ответил: «Ну неужели сам не

догадываешься? Это Ленин! Вот кто!». (Наппельбаум был лысоват, слегка картавил и любил засовывать пальцы то одной руки, то другой в вырез жилетки).

1950 год. Театр им. Станиславского.

Пэнкс в «Крошке Доррит» Диккенса. Нервный, стаккатированный и синкопированный человек, очень темпераментный, успокаивавший сам себя (что приходилось делать часто) – раз, два, три... до десяти, и добившийся хороших результатов в этом сложном психотерапевтическом приеме самовнушения, что вызывало громкую реакцию зрительного зала, прототипом моего Пэнкса была (прошу не удивляться) Цецилия Львовна Мансурова – ведущая актриса театра имени Вахтангова. Да-да! Я играл Цецилию Львовну, но в мужской интерпретации. Она была очень эмоциональна, нервна, очень легко воспламенялась и столь же стремительно сникала, могла мгновенно перейти от хохота к истерике и снова вернуться к смеху сквозь слезы, одним словом, была натурой сложной, неожиданной и очень талантливой! Лучшего Пэнкса представить себе невозможно – Цецилий Львович Пэнкс!!!

Елена Николаевна Гоголева

Часто от мамы слышал: «Ах Гоголева!», «Красавица Гоголева!»

Девятилетний, я спросил: «Мам, Гоголева - жена Гоголя?»

Получив отрицательный ответ, я тем не менее узнал о Гоголевой очень много: и то, что она артистка Малого театра, и то, что она удивительно талантлива, и то, что у нее необыкновенно красивые огромные глаза, и что у нее очень сильный грудной голос редкого тембра. Узнал, что такое тембр и что театр, в котором она служит, называется Малым не потому, что он маленький (и вовсе не детский и ни в коей мере не кукольный), а потому что в сравнении с рядом стоящим Большим театром он - Малый театр - меньше.

Семнадцатилетним молодым человеком я в 1940 году смотрел спектакль «Варвары» Максима Горького, в котором Елена Николаевна Гоголева играла роль Монаховой, и... влюбился в нее. Мне часто являлась во снах моя любовь, а в одном из этих очаровательных сновидений я играл роль Отелло, а Дездемоны - Елена Гоголева... Помню, как я на протяжении всего спектакля носил ее на руках и не решался опустить даже на секунду на пол, потому что она вся была из шоколада! (Я очень любил шоколад, но, так как у меня было очень трудное отрочество, редко лакомился им. Очевидно, поэтому она приснилась мне в таком сладком качестве.)

В соответствии с указаниями господина Шекспира я должен был - о ужас! - задушить мою любимую женщину! Я аккуратно уложил на широкую кровать шоколадную Елену Николаевну... по моим щекам текли огромные слезы. Я прикоснулся к ее шее и... прошептал

тихо, тихо, чтобы не услышал великий автор пьесы «Отелло»: «Лена, живи, живи долго, долго!..»

Надо же такому случиться: через 35 лет я – режиссер – предложил Елене Николаевне роль весьма легкомысленной женщины в телевизионном спектакле «Пропавший чиновник» по одноименному роману датского сатирика Ганса Шервига. Через 45 лет я вводил ее в спектакль Малого театра по роману Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы», поставленный мною по моей же инсценировке, на роль Арины Петровны Головлевой. Через почти полвека со дня «шоколадного» сна я стал партнером Елены Николаевны в нашумевшем спектакле Малого театра «Мамурэ» по пьесе французского драматурга Сармана, поставленном Б. А. Львовым-Анохиным...

Во всех творческих общениях с Еленой Николаевной меня ни на секунду не оставляло чувство затаенной влюбленности в мою шоколадную Дездемону, которой я во сне подарил долгую жизнь, вопреки трагической развязке, придуманной Шекспиром.

В середине 80-х годов Елена Николаевна была очень больна и поправляла свое здоровье в подмосковном санатории. Я посетил ее и... рассказал о моем юношеском «шоколадном» сне. На меня смотрели огромные красивые глаза, из которых еле заметной струйкой текли слезинки...

Я поцеловал ей руку и, наконец, вслух произнес слова, которые хранил в своей душе всю жизнь: «Елена Николаевна, я люблю вас!»

Николай Константинович Симонов

1968 год. Москва. Перрон Ленинградского вокзала. Слева – «Красная стрела» № 2, справа – «Красная стрела» № 4. Отправление в 23.55 и 23.59 соответственно. Сажусь в вагон поезда № 2. Устраиваюсь в купе и, как всегда, к окну – разглядываю идущих по перрону пассажиров в надежде увидеть знакомых.

Буквально за полсекунды до отправления промелькнула среди уезжающих и провожающих знакомая – мне так показалось – мощная фигура высокого мужчины, чуть ли не на ходу вскочившего в наш вагон. Освещение на перроне весьма скудное, поэтому уверенности в том, что мужчина действительно знаком мне, не было. Да и неважно, сказал я себе, едем в одном вагоне – увидимся.

Поезд набрал скорость. Я прошелся по вагону, заглядывая в купе... Нет знакомых. Я к проводнице:

– Дорогая моя, вы не обратили внимания на человека в светлом плаще, впрыгнувшего в наш вагон почти что на ходу?

– Да как же его не заметить! Не знаю, что с ним делать. Ему ведь на четвертый нужно, а он по ошибке к нам пожаловал. Я его, конечно же, впустила, потому как не знала, что он ошибся, да и знала бы – все одно – впустила бы. Сам-то он не кто иной, как Николай Константинович Симонов!

Сердце мое застучало часто-часто: Симонов! Боже мой! Мой кумир! Матиас Клаузен в «Перед заходом солнца» Гауптмана; Протасов в «Живом труп» Л. Толстого; Петр I в одноименной кинокартине... Достаточно увидеть эти три работы из сотен других, чтобы стать покоренным его талантом на всю жизнь!

- Где же он, милая, где?

- В тамбуре стоит. Ждет начальника поезда. Мест нет. Не знаю, чего делать.

Иду в тамбур. Волнуюсь страшно.

Стоит Титан. Смотрит в окошко, что-то пальцем на грязном стекле рисует. (Кстати, немногие знают, что Н. К. Симонов был прекрасным живописцем, но почему-то держал все свои многочисленные работы взаперти и никому их не показывал. Говорят - стеснялся. Титан - и стеснялся!)

- Николай Константинович!

Он нервно, резко повернулся ко мне. На меня глянули большие грустные и усталые глаза.

- Да... Я... Что?... Есть? А?..

Я понял, что речь идет о месте в купе, понял, что принял он меня за начальника поезда.

- Все устроится, не волнуйтесь. Что за беда? Ерунда какая-то!

- Спасибо... Спасибо... Надеюсь... Ерунда, конечно. А вы, простите, не...

- Я артист Малого театра Евгений Весник.

- Вот-вот... Вижу, знакомое лицо. Батенька! Я ведь вас в «Ревизоре» видел. Вы в Питере были на гастролях. Сколько вам лет, дорогой мой?

- Сорок шесть.

- А когда премьера состоялась?

- В шестьдесят шестом году.

- Ну, батенька, вы рекордсмен. Я ведь всех Городничих видел - и у нас в Александринке, и в Малом. Честно скажу вам, как на духу, - больше всех в этой роли мне понравился ваш артист - Григорьев. Замечательно! Такая органика! Такая глубина и простота при этом. Удивительно! Я его хорошо знаю еще с тех времен, когда он блистал на сцене Казанского театра имени Качалова. Вы по артистической манере очень, очень похожи на

Григорьева, поэтому-то и понравились... А потом, должен вам сказать, поверьте уж мне, старику, – скоро семьдесят! – что в вашем возрасте никто эту труднейшую роль в императорских театрах не играл. Хлестакова – и того почти что все с брюшком уж играли... Ильинский, например, в тридцатых годах даже в корсете играл. А Городничие обязательно были и в возрасте, и носатые, хрипатые, басистые, солдафонистые, глуповатые, громкие. Почему обязательно такие – не знаю. Вы молодец, ваш Городничий со вторым планом, человечный, порой мягкий. Молодец!

Появился начальник поезда. Предложил нам на двоих четырехместное купе, но в другом вагоне. Благодарственно согласились. Доплата за Титана-безбилетника (начальник наличие билета в поезд № 4 учесть никак не захотел, да и по закону не мог) – потребовалась небольшая, и, так как у Николая Константиновича денег с собой не оказалось, я охотно потратился на моего кумира.

– Евгений... как вас по батюшке?

– Яковлевич, но не надо по батюшке. Просто по имени.

– Дорогой мой Женечка, у меня никогда нет денег. Мне их не дают ни на работе, ни дома. И правильно делают – соблазны разного рода. А когда купюры хрустят в карманах... Человек я не очень организованный в некоторых исконно русских проявлениях... Но безденежье иногда гнетет. Вот сейчас, например, как хорошо было бы отпраздновать наше новоселье...

– Момент! – Я стрелой метнулся из купе в другой вагон, в сторону буфета, работавшего, как и во всех поездах «Красная стрела», всю ночь. И это была, действительно, неповторимая, не поддающаяся описанию железнодорожно-купейная ночь! Тихонько

шелестели стихи, завораживали пластичные руки и потрясающие выразительнейшие глаза. Рассказы о театрах, актерах, режиссерах, о ролях в кино и в театре... Время бежало незаметно. Вздремнули под утро часика на полтора – не более.

Четырехминутная разница во времени прибытия поездов «Красная стрела» № 2 и № 4 настолько незначительна, что встречающие их собираются в одно и то же время. Встречавшие Николая Константиновича были на месте.

Я направился в гостиницу «Октябрьская», расположенную, как известно, в ста метрах от вокзала, поэтому распрощались мы с великим артистом прямо на перроне.

...Съемки кончились поздно. В свой номер в гостинице вошел часа в два ночи. Что такое? Кто-то был здесь в мое отсутствие. На столе бутылка расчудесного коньяка, в большой вазе – яблоки, виноград, рядом два конверта. Вскрываю один:

«Глубокоуважаемый Евгений Яковлевич!

Благодарю Вас за чудесное, увы! краткое путешествие. Возвращаю Вам должок за желдор. билет.

Коленопреклоненный Николай Симонов».

Вскрываю второй конверт. В нем декадный пропуск в ложу дирекции Академического драматического театра им. Пушкина на любой спектакль.

Благодарю судьбу за подаренную мне ночь с гениальным артистом и за то, что он сел не в свой поезд!

Клавдия Николаевна Еланская

Когда пишешь литературный портрет любого человека, вспоминаешь самые яркие его проявления в жизни, и, если их находишь, портрет получается, если не находишь, не получается!

Если пишешь портрет очень одаренного человека, артиста, описываешь наиболее яркие художнические проявления, восторженно тобой воспринятые и высоко оцененные; стараешься понять секреты их выразительности и заразительности и сопоставить их с собственными творческими опытами и достижениями.

Если пытаешься написать портрет гениального артиста, то лучше всего воспользоваться фотоаппаратом, так как проникнуть в суть его творческих колдовской силы проявлений (как говорят критики: «попытаемся разобрать особенности творчества») средствами карандаша или пишущей машинки дело безнадежное! Можно «разобрать» талант и «не собрать» затем его в логическое или нелогическое целое!

Приступая к попытке написать короткий (на большой у меня нет права) творческий портрет великой народной артистки СССР Клавдии Николаевны Еланской, я ограничусь моими впечатлениями о ней как о личности – гениальной актрисе и женщине! На 1-й курс театрального училища им. Щепкина, которым руководил муж Клавдии Николаевны, главный режиссер Малого театра Илья Яковлевич Судаков (студентом которого я имел честь быть), всего два раза приходила для беседы с нами, юнцами, Клавдия Николаевна и покорила нас своей простотой и обаянием! Это было в 1940 году, мне было 17 лет, и я, признаюсь, влюбился в неё!

Во МХАТе я видел спектакль «Воскресение» Толстого с Еланской в главной роли Катюши Масловой! О! Как она играла... Нет!.. Не играла, а проживала и протрадала судьбу литературной героини! Свои впечатления я могу сравнить с навеки остающейся резьбой на камне. За всю свою жизнь более сильных потрясений я не испытывал! Я могу сравнить талант Клавдии Николаевны с талантами таких крупнейших актрис, как Вера Николаевна Пашенная и Симона Синьоре, Варвара Николаевна Рыжова и Софи Лорен, но первенство в этом «сравнении» отдаю Клавдии Николаевне!

Еланская не «жгучая» красавица, но она красивее всех!! Еланская была на сцене самой глубокой, самой скромной, не показной, – а тонкой, естественной и выразительной, но ее сценическая художественная акция выглядела как бы не для зрительного зала, что потрясло этот зрительный зал!!! Тембр ее неповторимого голоса завлакивал тебя и как бы уносил куда-то в незнакомый, загадочный мир!

Клавдия Николаевна была преданно-внимательной женой: она многие годы ухаживала за тяжелобольным мужем Ильей Яковлевичем Судаковым; она воспитала чудесных дочерей Иру и Катю, очень их любила и была ими горячо любима! Старшей дочери уже с нами нет. Младшая Катя работает над книгой, посвященной своей гениальной матери, что является лучшим выражением любви и преданности ей!!

Так как многословие, царствующее в обществе, является признаком отсутствия чувств, я завершаю свои короткие воспоминания, но, признаюсь, до сих пор при упоминании имени Клавдии Николаевны я каждый раз улыбаюсь и на душе становится тепло и уютно! Это значит, что чувство моей давнишней влюбленности в нее живо!!

Александр Алексеевич Остужев

Силу могучего таланта этого артиста можно представить себе хотя бы по такому факту: ему пришлось сменить свою настоящую фамилию Пожаров на Остужев. Часто возбужденные зрители разных театров России, в которых приходилось выступать Александру Алексеевичу, по окончании спектакля выражали свое восхищение игрой артиста не только аплодисментами, но и криками «Браво!». А чтобы никто из других актеров не принял ажиотаж зрителей в свой адрес, акцентировано выкрикивали фамилию любимого артиста: «По-жа-ров!» Это порой приводило к панике в зале и даже срочному вызову пожарной охраны.

Я часто наблюдал Александра Алексеевича Остужева и даже общался с ним в дни эвакуации Малого театра и его училища. Как-то над Челябинском пролетал самолет. Я стоял перед входом в театр рядом с Александром Алексеевичем. Он взял меня легонько за локоток и громко, глядя в небо, спросил: «Какая высота?» Я на глазок определил и тоже громко ответил: «Наверное, километр». Он крепче сжал мой локоть и совсем уж громко сказал с досадой: «Не верно. Не меньше трех километров!» И, сжав еще крепче локоть, ласково посмотрев мне в глаза, уже с грустинкой, но тоже очень громко и в только ему присущей манере говорить добавил: «Эх! Мне бы частицу твоей молодости!»

Остужев говорил громко сам, и ему отвечали очень громко потому, что он плохо слышал. Мало кто знал, что Остужев, общаясь с партнером, произносил свои реплики не по звуку голоса, а по смыканию его губ, а если он был на подмостках один и текст его зависел от

разного рода машинерии, то – по сигналу загорающейся лампочки суфлера или взмаху его руки.

Я не могу утверждать, но мне казалось, что его слабый слух был причиной больших психологических переживаний и даже страданий. Он был замкнутым, очень скупко говорил, редко появлялся на людях и производил впечатление человека одинокого. Женат он в конце жизни не был, жил один, в свободное время увлекался токарной и слесарной работой; у него дома стояли станки, и он ими очень гордился и любил показывать. В Малом театре Остужев сыграл ролей немного, были даже неудачи. Зато в последних двух работах – в ролях Отелло и Уриеля Акосты потряс театральный мир и заслуженно занял в нем одно из самых престижных мест.

Я могу с гордостью говорить, что играл с Остужевым, и это не будет противоречить действительности. Мне, студенту, доверили бессловесную роль молящегося в спектакле «Уриель Акоста». Действие происходило в синагоге, и суть его в том, что священнослужители заставляли ученого Акосту отречься от своих прогрессивных научных открытий, противоречащих религиозным законам о положении нашей планеты в Галактике. Поддавшись натиску неучей, он отрекался от своих новаций, уходил из синагоги. За кулисами его ждала команда студентов из четырех-пяти человек, которая, по заранее срепетированному сценарию, обхватывала его крепкую фигуру, не давая вырваться из объятий. За кулисами раздавался хорошо слышимый в зрительном зале крик-воплъ, напоминавший то ли рев раненого зверя, то ли стоны страдающего от мучительной боли человека, зовущего на помощь: «А-а-а-а!» Затем Остужев изо всех сил пытался вырваться из объятий молодых парней и с еще большей энергией как бы взывал о помощи: «А-а-а-а!» И тут наконец-то наступало освобождение.

Вспотевший, он влетал на сцену, пугая бешеным темпераментом уже торжествовавших было победу над ним священнослужителей, а вместе с ними и зрителей, и на весь театр, еще сильнее прежнего гремел: «А-а-а!»; и чуть обмякший, счастливый, добавлял: «А все-таки она вертится!» – и изможденный падал на колени, а затем всем телом на пол...

У нас, артистов, мурашки бегали по спине; некоторые, в том числе и я, не могли скрыть слез, зал взрывался долгой-долгой овацией... Незабываемые минуты!

Рассказывают, что на гастролях Малого театра в Ленинграде, после спектакля «Отелло», игравшегося на сцене Александринки (теперешнего Театра имени Пушкина), занавес давали 42 раза! Остужев стоял в центре сцены со скрещенными на груди руками и плакал. Занавес открывался, он слегка склонял голову и шептал сам себе: «Спасибо, спасибо». Занавес закрывался, он поднимал голову, смотрел как бы в небо, глубоко вздыхал и чуть громче говорил как бы Господу Богу: «Спасибо». Затем снова склонял голову и снова со слезами на глазах: «Спасибо, спасибо».

После такого фурора зрители с трудом узнавали в выходявшем из театра, ничем не выделявшемся из толпы, грустном и тихом человеке невысокого роста титанически одаренного, гениального Александра Остужева.

Если Акакий Хорава в роли Отелло был обманутым полководцем; если Ваграм Папазян – безумно ревнующим мужчиной; если в Отелло Михаила Ленина больше всего ощущалось раненое тщеславие не очень тонкого мужа, а прежде всего военачальника; если в Отелло Владимира Тхапсаева господствовал необузданный зверь; если в Отелло Сергея Бондарчука трудно было ощутить какое-то решение образа, что выводило на первый план какое-то безволие

бесхребетного мужа, – то Отелло Остужева был самообманутым любовником-лириком с романтическим, необузданным характером и темпераментом, мучившимся черным цветом своей кожи. Последнее решалось артистом эффектейшим образом: две черные кисти опущенных рук Отелло – на фоне белой фактуры декорации. Произнося «черен я-я-я», Остужев с невероятной силой и злостью долго бил одной рукой другую. Грандиозно!

В 1942 году, будучи студентом 2-го курса училища, я был призван из Челябинска в армию. Освобождали от службы только студентов 3-го и 4-го курсов, остальные должны были воевать. Не помню, при каких обстоятельствах моя повестка из военкомата попала в руки Остужева. Он внимательно прочел ее. В ней указывался перечень предметов, с которыми я должен явиться на сборный пункт. Последним в этом списке был котелок. Остужев вернул мне повестку и задумчиво сказал: «И с котелком. Иди, юноша, иди, воюй! Если бы мне твою молодость, я, клянусь тебе, непременно пошел бы воевать! Стар я. Иди и обязательно хорошо служи. Армия – школа жизни, я это знаю, она поможет тебе стать артистом. Я ведь тоже по-своему воюю. Я отдал все, что у меня есть, в Фонд обороны, все. Пусть хоть полкрыла самолета будет моим! Я отдал государству огромный золотой канделябр. Пусть воюет. Воюй и ты. Я буду рад видеть тебя живым и здоровым! С Богом!

Через несколько дней во всех газетах была опубликована телеграмма Главнокомандующего Иосифа Сталина народному артисту СССР Александру Алексеевичу Остужеву: «Благодарю за заботу о Красной Армии».

Мало кто знает и помнит, что Александр Алексеевич Остужев был исполнителем роли «От автора» в спектакле «1812 год» – инсценировке романа Толстого «Война и мир». Эпизод, о котором хочу рассказать, стал мне казаться, самым благозвучным аккордом жизненной коды великого мастера. Разгром фашистских войск под Москвой; огромный, гипнотической силы талант Остужева и его популярность; патриотический потенциал народа – вот предпосылки, способствовавшие рождению того торжества. Иметь право на такое не многим дано.

1942 год. Челябинск. Спектакль Малого театра «1812 год». Зрительный зал полон – аншлаг. На спектаклях с участием Александра Остужева не могло не быть аншлага, нигде и никогда. В роли есть текст о том, что Москва освобождена от врагов и снова русская! И хотя речь шла о войне 1812 года, Остужев произносил его с таким вдохновением, вкладывая в него свое гражданское отношение к тогдашней военной ситуации, с такой физической и голосовой отдачей, что нам, стоявшим за кулисами, было страшно за него, пожилого человека. А зрители в едином порыве вскочили со своих мест и устроили длительную овацию, сломавшую и ход, и темп, и ритм спектакля...

Я в этом спектакле исполнял безмолвную роль камер-лакея Наполеона и оказался счастливым свидетелем происходившего. Помню раненого молодого солдата-фронтовика с костылем, пытавшегося влезть на сцену. Помню крики «ура» из зрительного зала, скандированное «Ос-ту-жев». Вспомнил тогда рассказы о том, что бывало, когда скандировали в свое время его настоящую фамилию Пожаров.

Александр Алексеевич должен был по ходу спектакля продолжать текст, однако сделать это никак не мог. Он уходил со сцены, снова выходил и снова

уходил: овация не стихала. Тогда опытный и находчивый помощник режиссера, ведущий спектакль, решился на сокращение оставшегося текста Остужева и закрыл занавес. Артисты после паузы продолжили спектакль, но под непрекращающиеся аплодисменты, которые только минуты через две наконец-то смолкли. Люди расселись по своим местам, и спектакль благополучно завершился. Но! Когда артисты разгримировались и вышли через служебный ход на улицу, ожидавшая их толпа окружила Остужева, подняла на руки и понесла! Понесла в гостиницу, где он жил. Я понял, что только в эту минуту закончился этот поистине уникальный спектакль, в котором финальную точку поставили не артисты, не режиссер, а зрители!

Уникальный спектакль! Уникальный зритель!
Уникальнейший артист - Александр Алексеевич
Пожаров-Остужев!

Михаил Францевич Ленин

Народный артист РСФСР Михаил Францевич Ленин (настоящая его фамилия Игнатюк) в свое время поместил в газете объявление с просьбой не путать его фамилию с фамилией Владимира Ильича Ленина, назвав его, если не ошибаюсь, политическим интриганом. Если ошибаюсь, то только в слове «интриган». Но то, что им было употреблено тогда слово негативное, знаю точно. Сейчас он был бы пророком! Сценическую фамилию «Ленин» Михаил Францевич взял в честь своей жены – Елены Александровны: Миша Ленин, Ленин Миша, муж Лены и просто Ленин. Великолепный актер с прекрасными внешними данными и звучным голосом, с большим успехом игравший такие роли, как Фамусов, Отелло, Болингброк, Богдан Хмельницкий, он никак не вязался с советской действительностью. Не занимался ложной общественной деятельностью, ибо профессиональная работа артиста сама по себе и есть истинная общественная работа, а все остальные, отвлекающие от творчества надуманные мероприятия являются просто шаманством. А ведь многие артисты специально добивались и добиваются избрания в месткомы, профкомы и прочие «комы», чтобы создавать видимость человека, без которого не обойтись никому. И добиваются иногда больших благ и привилегий, нежели фанатично занятые своим творческим делом.

Михаил Францевич – подтянутый, интеллигентный человек старой формации – жил в своем, не поддававшемся веянию революций мироощущении. Это не мешало ему быть на сцене ярче и профессиональнее многих других, воспитанных новой большевистской формацией или принявших ее. В эвакуации Михаил Францевич жил с супругой в местной городской

гостинице. У него была подшивка «Московских ведомостей» за 1913 год. Каждое утро он открывал газету за тот день, который соответствовал дню сегодняшнему, то есть, тогдашнему, 1942 года, и читал. Однажды соседи, тоже работники Малого театра, услышали, как он воскликнул: «Ба! А Булкин-то – банкрот!»

Всех «стариков» Малого театра чуть ли не принуждали, как и прочих, посещать политзанятия и даже сдавать зачет на семинаре. На одном из них Михаил Францевич на вопрос «Какой центральный орган печати страны?», не задумываясь, ответил:

«Красная звезда».

Дело в том, что каждое утро в Челябинском театре имени Цвиллинга, в котором давали спектакли, шефы театра, военные, вывешивали свою газету «Красная звезда». А на вопрос «Какую должность занимает товарищ Сталин?», чуть замешкавшись, сказал: «Э-э... Председатель профдвижения и многих-многих очень ответственных движений и катаклизмов».

– Зачет! Михаил Францевич, ставлю вам зачет. И поздравляю вас с окончанием семестра, – радостно объявил пропагандист «бессмертных идей».

На что Ленин ответил:

– Премного благодарен. Тронут. Позвольте пожелать вам всяческих успехов в вашем чрезвычайно запутанном и потому сложном философском мероприятии! Мерси! Пардон, я покину вас.

– До свидания. Желаю вам ударного труда на благо нашей великой Родины. С нетерпением жду вас на лекциях по «Краткому курсу ВКП(б)».

– Дай Бог, дай Бог! Все зависит от здоровья. Мерси!

И большой обаятельный Михаил Францевич энергичной походкой, величественно покачивая головой, отправился в номер своей гостиницы читать подшивку «Московских ведомостей» за 1913 год. Это не

мешало ему быть преданным сыном Родины, внимательно следить за событиями на фронтах и жертвовать часть своих заработков в Фонд обороны.

Александр Иванович Сашин-Никольский

Афоризму Алексея Дикого «Надо играть любые роли, но стараться делать это лучше всех!» – как никто другой соответствовал народный артист РСФСР Александр Иванович Сашин-Никольский. В любой роли, в любом спектакле он всегда был ярче всех. Поэтому было у него мало друзей и очень много завистников.

В этом худом, невысокого роста человеке, с неважным зрением и здоровьем вообще, подорванным еще и «неприятием» условий жизни по «сухому закону», с лукавыми, с искринкой в зрачках, озорными глазами, бурлила неумемная артистическая фантазия. Фантазия абсолютно художническая, не допуская ни в чем дилетантства, одинаково мощная во всех жанрах: в комедии, драме, трагедии, концертных номерах, в пародийных сценках, в жанровых зарисовках, в игре на гитаре, в исполнении романсов.

Всего от двух человек в жизни я получал письма, в которых присутствовали слова: «Да хранит тебя Бог!» И получал их на фронте: от 70-летней учительницы по литературе Анны Дмитриевны Тютчевой и от Александра Ивановича. Я уверен, что эти их обращения к Богу способствовали тому, что я еще хожу по земле несмотря на то, что перенес ранение и контузию. Их письма давали уверенность, энергию, психологическое здоровье, что было так важно в безумной войне, где нормальному человеку можно было сойти с ума хотя бы от сознания того, что ты – соучастник глобального человекоубийства.

Эти письма – лучшая характеристика нравственных и душевных качеств их авторов. Кто я им? Никто. Для одной – школьник, для другого – начинающий студент,

артист, мальчишка. И для обоих – чужой человек. Ни от родственников, ни от друзей подобных слов не слышал – «Да хранит тебя Бог!».

В голодной эвакуации, в необустроенной жизни маленький, щупленький – весил он, ей-ей, не больше 45–50 килограммов – Александр Иванович излучал столько теплоты, юмора, сочувствия и музыки! Он часто брал в руки старинную гитару и завораживал всех своим неповторимо печальным и умным исполнением русских романсов. Он столько излучал добра, что казалось оно неиссякаемым и его бы хватило на весь театр, город, страну, мир! Колдун! Замечательный колдун! Маг и волшебник!

Такой же силой обаяния и заразительности обладал Сашин-Никольский, выходя на подмостки Малого театра. Даже при большом желании он не мог плохо играть. Сила его обаяния не позволяла ему испортить, провалить роль. Не хочется вспоминать одну-две его роли, потому что все его служение в Малом театре – это одна роль, роль могучего, талантливого, но не до конца оцененного художника.

Сила его правдивости и органичности на сцене подводила многих. До его появления фальшь в игре актеров, если она была, конечно, оставалась незаметной или простительной. Но стоило появиться Сашину-Никольскому, как фальшь становилась явной, артисты меркли и часто начинали даже раздражать своей неестественностью. Никогда не забуду его в роли отца в кинофильме «Анна на шее». Какие только знаменитости и красавцы не появлялись на экране, но, стоило появиться Александру Ивановичу, и всё вокруг немножко жухло, а он лучился, как святой!

А фильм «Композитор Глинка»! Маленький эпизодик – роль строителя. Несколько реплик Александра Ивановича – и некоторая напыщенность в игре главных артистов становилась явной и досадной.

Рядом с ним играть было невыгодно, поэтому многих ролей в своей актерской жизни он так и не сыграл. Не давали! Он разделял участь всех истинно талантливых людей – нес свой крест, ни на что, кроме своего творчества, не отвлекался. Но добивался выдающихся результатов, чем раздражал многих и ограничивал реализацию своих уникальных способностей. Стоило ему появиться на сцене в любой маленькой или не очень маленькой роли, все внимание зрительного зала устремлялось в его сторону. И это при том, что на сцене могли в это время находиться самые что ни на есть корифеи, игравшие самые что ни на есть главные роли!

Сашин-Никольский всегда напоминал мне кошку, случайно выходящую на сцену и срывающую даже самое напряженное действие. В любом спектакле, в любом театре и любая кошка! Этот закон – какое-то таинство. Что срабатывало? Кошачья индифферентность, полная свобода мышц и отсутствие старания или просто нелогичность самого появления. Что срабатывало при его выходе на сцену и привлекало к нему внимание сидевших в зале, не знаю. Но что вызывало шквал аплодисментов после его ухода со сцены, знаю – это виртуозно разработанная партитура психофизического существования своего героя, выраженная средствами, доступными только высокоодаренному счастливицу. А средства эти не поддаются анализу, они одному Богу известны. Всякого же рода мудреные разбирательства сути таланта, его секретов бессмысленны.

Вообще, талант нужно поощрять и поддерживать, но не пытаться разбирать по частям и полочкам. Разобранный талант уже не талант, собрать его нельзя, ибо никому не дано понять план его создания! Талантом нужно восхищаться, и поэтому все восхищались

артистом Сашиним-Никольским. Его могли не любить только завистники.

Очень точно говорил об Александре Ивановиче как о музыканте-исполнителе один из лучших гитаристов Москвы, малограмотный, не знавший нот, но тем не менее виртуозно игравший на слух Шопена, Моцарта и Баха артист цыганского театра, ныне покойный Вава Поляков. Я был приглашен в гости к Александру Ивановичу, который попросил привести с собой Полякова, о котором он был наслышан, и познакомить с ним. Я передал Ваве приглашение, тот с радостью принял его, но только с условием, что пойдет без гитары.

- Поляков и без гитары - это не Поляков, - сказал я ему.

- Нет, нет и нет! Играть на гитаре при Сашине-Никольском и даже петь - неприлично и нескромно. Я, может быть, и не хуже играю, но никогда никто меня так не слушал, как слушают его. Это какое-то колдовство. Как он воздействует на слушателей, чем и какими манками - не знаю и не понимаю. Единственное, на что я обратил внимание, это на паузы, на дьявольской силы паузы, которые он проживает, не делает, а проживает во время игры на инструменте и во время исполнения романсов. Если бы я позволил себе такие паузы, меня перестали бы слушать. А его в паузах слушают еще собраннее, еще сосредоточеннее, с каким-то скрытым восхищением и восторгом.

Вот, например, цыгане, да и русские исполнители никогда не делали ни одной паузы в первых строчках романса «За зеленым забориком ты не можешь уснуть». Никогда! Александр Иванович же уже за первыми двумя словами «За зеленым...» позволял себе маленькую паузу; сразу после третьего слова забориком...» - вторую, да еще - проигрыш, нагнетая интерес к сюжету романса. А уж после слов «ты не можешь...» устраивал

чуть ли не 30-секундную (что просто фантастично) паузу в тексте, заменяя его активными аккордами и проигрышем, отрывая от струн глаза, поднимая голову и проживая на глазах у слушавших какую-то сложную думку-загадку. Затем уж обрушился с продолжением основной мелодии в гитаре на заключительное в строчке слово «уснуть». Я наслаждаюсь его талантом, поэтому с гитарой к нему не пойду.

Александр Иванович принял его очень тепло, но играть все же заставил... на своей гитаре. Вава играл. Он волновался, но был в ударе. Александр Иванович еще чуть-чуть – и заплакал бы от восторга.

– Не понимаю, как ты можешь на слух играть Шопена, Баха? Это гениально! Я преклоняюсь перед тобой!

– А я – перед вами. И я тоже не понимаю, как вам удастся так волшебным образом играть и петь? Чем, какой силой околдовываете нас?

...Гости давно уже разошлись, а два удивительно восторженных человека до утра пили и играли, пели и пели друг другу, то плача, то хохоча и, к счастью, не понимая тайнства своих талантов. Они понимали друг друга сердцем, добрыми душами и разговаривали колдовскими звуками. И всего из семи нот!

Конец 30-х годов. Театр-студия под художественным руководством Константина Сергеевича Станиславского. Дни становления студии (теперешнего драматического театра имени К. С. Станиславского на Тверской улице). Прослушивать желающих стать студийцами и отбирать наиболее одаренных помогали соратники Станиславского по Художественному театру.

...В зал для прослушивания претендентов вошел худенький, рыжеволосый, еврейской национальности молодой человек лет 18-19...

- Как вас зовут, как ваша фамилия? - спросил у молодого человека секретарь приемной комиссии.

- Зя... Зяма Ш... - чуть заикаясь от волнения ответил высоким голосом претендент.

- Вас будет прослушивать народный артист СССР Леонид Миронович Леонидов.

- Здра... здравствуйте... Спа... аа... сибо. Очень вол... волнуюсь...

- Здравствуйте. Не надо волноваться, - раздался в ответ мощнейший грудной голос великого артиста, сидевшего в глубоком кресле. - Что будете читать?

- Я... буду... Дж... Дж... Джамбула... буду читать... Я...

- Очень интересно. Успокойтесь. Сосредоточьтесь... И спокойно, не торопясь, начните читать...

После маленькой паузы Зяма начал читать стихи Джамбула. Через примерно минуты две на глазах Леонидова появились слезинки. Еще через минуту Мастер тихо произнес:

- Молодец!

Зяма услышал сказанное и, подстегнутый одобрением гения, стал читать стихи смелее, громче, раскованнее и вскоре услышал уже громко сказанные слова «сладкого» комплимента:

- Молодец! Молодец! Гений! - Мастер вытер носовым платком слезы, струившиеся по щекам.

Зяма закончил чтение громко, уверенно, как заправский, опытный артист, поклонился Мастеру, комиссии и сказал:

- Спасибо, спасибо!

Расплакался и тоже вытер слезы, но кулачком... Леонидов глубоко вздохнул и, задумавшись, сказал:

- Ну подумайте, а? Девяносто лет и такие стихи!

1936 год. Трамвайное депо имени Зуева.

Самодетельный спектакль театрального кружка депо «Дети Ванюшина». В шефском порядке заглавную роль Ванюшина играет народный артист Малого театра Н. Н. Рыбников.

...Открывается занавес. Любопытные зрители: вагоновожатые, стрелочники, контролеры, билетеры, руководство депо – все с семьями, взбудораженные большим событием – единение кружка с представителем великого Театра, – никак не могут успокоиться и утихнуть: на сцене клуба депо – знаменитый Артист!

Сидевший на сцене за столом Николай Николаевич никак не мог начать свой текст... Ко всему еще (переполненный зал) слышны разговоры ищущих свое место в зале, ругань с незаконно их занявшими...

Гастролер выдержал огромную паузу, затем снял пенсне, вышел на авансцену, поднял руку и громким своим баритоном объявил: «Тише!.. вашу мать!!!» Воцарилась мёртвая тишина. Спектакль прошел прекрасно. Люди почувствовали: на сцене – «свой»!..

1940 год. Театр под художественным руководством народного артиста РСФСР Ваграма Папазяна, выдающегося армянского артиста.

Несколько студентов разных курсов театрального училища имени М. С. Щепкина принимали участие в массовых сценах спектаклей театра. Я – студент первого курса – был и удивлен, и покорен, и поражен исполнением Папазяном роли Отелло, а трактовкой образа ревнивого чернокожего полководца – особенно сильно. В его Отелло читались и уживались парадоксальные качества характера: огненный темперамент с растерянностью, грубость с лиризмом, ум, терявший силу и ясность от ревности, с безумной подозрительностью... Каждый из пяти актов трагедии – мастер играл на разных языках: первый – на уравновешенном, более или менее спокойном русском,

второй – на итальянском, более подвижном, третий – на английском, четвертый – на французском и пятый – на армянском – языке стаккатированном, синкопированном, темповом, наиболее соответствовавшем душевным катаклизмам ревнивца-мавра!

(В момент наивысшего напряжения – в сцене удушения Дездемоны – мастер находил возможность и рычать от бешенства и, отвернувшись от зрительного зала, громко командовать осветителям за кулисами и на колосниках: «Нэ зэвать! Свэт на мэня! Уволю!» Что значит техника: никто из сидевших в зрительном зале ни единого слова, сказанного осветителям, не слышал!)

Со свойственным студентам легкомыслием мы, участники массовой сцены на острове Кипр (по пьесе), изображая солдат-стражников, как-то сотворили Бог знает что...

Остров Кипр был обозначен простейшим образом: на заднем плане из фанеры вырезали контуры маленьких, средних и высоких гор... Высота фанеры – от одного до трех метров. Из зрительного зала – полная художественная иллюзия ландшафтов острова...

На фоне «острова» цепочка солдат (фамилии их даже помню): Г. Карнович-Валуа – самый рослый правофланговый, Дм. Корнильев – левофланговый по причине, естественно, малого роста, между ними в строю – М. Брылкин, В. Шумейко, К. Косолапов, А. Баринов, Я. Беленький и я... На первом плане идет серьезнейшая сцена Отелло и Яго...

Левофланговый, Корнильев, повернув голову в сторону Карновича-Валуа, на высоком-высоком, писклявом голосе тихо говорит:

– Карнович, я сейчас подойду к тебе и сорву твои усы.

– Зачем? – спрашивает насторожившийся правофланговый.

- Скучно стоять!

- Перестань дурака валять! Ты что, с ума сошел?!

Кто-то из стоявших между ними, глядя в пространство перед собой, сказал: «Слабо...»

Назревала любопытная дерзновенная «творческая импровизация»...

- Слабо! Слабо! Слабо! - каждый внес свою провокационную лепту в развитие форс-мажорных событий.

Корнильев делает шаг вперед, резко поворачивается, идет легким строевым шагом вдоль нашего строя, подходит к Карновичу, поворачивается к нему лицом, и быстрым движением руки срывает с него большие усы. Затем возвращается на свое место... Наш строй солдат давится от смеха, больше всех сам Карнович, потерявший усы. Он не выдерживает напряжения, поворачивается кругом и решительным шагом направляется в сторону «острова Кипр» - перешагивает через фанерные «красоты» острова и скрывается за кулисами. Наш строй и морально, и физически «рухнул» и отправился за своим правофланговым... На сцене, как ни в чем не бывало, остался только один «стражник», закоперщик происшедшего Корнильев. Зрители никак не реагировали на наше исчезновение, так как прекрасная игра отличных актеров держала зрительный зал в своих «руках», да в таком напряжении, что ему было не до того, что творят студенты мальчишки на заднем плане.

Но ничего из содеянного нами, ни одной мелочи не ушло из поля зрения администратора театра - Арона Дыскина.

В антракте он влетел в гримуборную маэстро и разразился горячим монологом, да с таким темпераментом, что даже самому Ваграму Папазяну стало, наверное, завидно... Дыскин рычал: «Вы видели? Нет, вы видели, что они натворили? Это бандитизм! Это

бандиты, а не щепкинские студенты! Сам Челкин набил бы им „портреты“ и выгнал бы из училища! Бандиты! Когда вы говорили гениальную сцену с Яго, они отрывали друг у друга усы, и во все свои крокодиловые глотки тихо хохотали, а потом плюнули на все, перешагнули через „остров Кипер“ и ушли хохотать за кулисы. Хулиганье!» Папазян, снявший халат и отдыхавший после сложного акта, засмеялся и спросил: «Перешагнули через „Кипр“? Замечательно! Очень смешно! Позови всех ко мне!»

Мы, виноватые и понурые, вошли в гримуборную мастера.

- Пожалуйста, сыграйте мне детально все, все, все как было! И как усы отрывали, и, какие слова говорили, и как перешагнули через «остров». Пожалуйста!

Добрая улыбка мастера подстегнула нас, придала смелости, и мы точь-в-точь повторили все, что Арон Дыскин назвал бандитизмом.

- Замечательно, - смеялся мастер, - я за спиной ничего не слышал. Молодцы! А зритель, конечно, ничего не понял. А то, что вы перешагнули «Кипр», - это очень смешно! Жалко, художника спектакля нет, - посмотрел бы на свои декорации! Дрянь, а не декорации! Я говорил ему - на тюле надо было рисовать! Молодцы! Спасибо! Дыскин, сколько они получают у нас за участие в массовых сценах?

- Эти хулиганы-щепкинцы? По пять рублей! Они и рубля не стоят!

- Выдай им сегодня по пятнадцать! Каждому!!

Александра Александровна Яблочкина

«Я - девушка». Этими словами великая русская актриса Александра Александровна Яблочкина начинала каждую встречу со студентами театрального училища имени Щепкина при Малом театре. А их было, как правило, две за учебный год. Эти встречи - часть ее общественной деятельности.

Ее любили, чтители, уважали, берегли - добрые!

Ею восхищались, гордились - добрые.

Ей завидовали - злые.

О ней в течение чуть ли не ста лет сочинялись разного рода милые, добрые, наивные истории. Разобраться в том, какая из них правдивая, какая нет - невозможно. Да и не стоит этого делать, так как они все добрые. В этом сочинительстве злым делать было нечего. Все нижеследующие истории - факты.

Заседание художественного совета Малого театра. Государственного! Академического! Да еще ордена Ленина!

Константин Александрович Зубов, народный артист СССР, да еще замечательный артист, к тому же - главный режиссер театра:

- Александра Александровна, голубушка, большая просьба. «Сверху» (министерство культуры) нам навязывают постановку плохой пьесы. Нам нужна сильная поддержка для того, чтобы освободиться от этой повинности. Не согласились бы вы навестить Вячеслава Михайловича Молотова (курировавшего искусство) и «заполучить его в наши ряды»?

Яблочкина (высоким, звонким, чистым голосом):

- О, с удовольствием. Когда?

- А вот сейчас же наберем номер телефона секретаря - и с Богом! Рядом ведь...

Это были времена, когда Совет Министров находился напротив гостиницы «Москва» (где сейчас Госдума), в трехстах метрах от театра. Александру Александровну посадили в автомобиль, а художественный совет замер в ожидании своего парламентаря.

Через 40 минут появилась Яблочкина, улыбающаяся, разрумившаяся, с еще более углубившимися ямочками на пухленьких розовых щечках.

- Поздравляю вас, дорогие мои! Еле-еле уговорила! Вячеслав Михайлович пьесу ставить нам... разрешил.

Немая сцена.

Студент:

- Александра Александровна, вы такая добрая, такая мягкая. Вот нас учат искать в ролях, когда злые бывают добрыми... Скажите, пожалуйста, вы были когда-нибудь на кого-нибудь очень злы?

Яблочкина:

- Почти никогда. Я христианка! Я прощаю зло всем людям, и они делаются добрее. Но однажды, должна признаться, была очень-очень зла на одного весьма солидного режиссера, который меня ну уж очень обидел. Я сделала ему замечание по поводу его неинтеллигентного выступления на собрании труппы Малого театра: «Вы забыли, что в этих стенах Ермолова играла!». На что он мне ответил: «Бабушка, с тех пор здесь три раза ремонт делали!». До сих пор не могу простить ему бестактность, хотя должна вам сказать, что при случае рассказываю эту историю в кругу близких как очень смешную.

Глубокая ночь. Квартира Яблочкиной. На стенах, словно часовые, – многочисленные портреты известных людей. Среди них и портрет Александра Ивановича Южина, в которого хозяйка была без памяти тайно влюблена (по ее же словам).

В постели сладко спит великая актриса с чепчиком на голове. Вдруг ее кто-то будит. Просыпаться не хочется – сон уж очень хорош. Но видно, нужно, раз кто-то будит. Открывает глаза и... О ужас! Две рожи полупьяных мужиков! Пахнет перегаром, чесноком... «Давай драгоценности», – выхрипывает одна из рож...

Яблочкина показала рукой на большую красивую шкатулку. «Физиономии» открыли ее, их глаза алчно заблестели, ярче лежавших в шкатулке драгоценностей. Схватили ее и ушли. Вдогонку высоким, но мужественно звучащим голосом обворованная произнесла: «Вам за меня попадет!».

Сама Яблочкина рассказывала: «Дальше – снова сладкий сон...»

«Как это так?», «Как это возможно?», «Да после такого!», «Да я бы...», «Да ведь с ума можно сойти!» – тараторили все.

Яблочкина спохватилась: «Ой! Я забыла сказать, что в картонной красивой коробочке были бутафорские украшения под золото и алмазы. Цена им грош!»

Ну не чудо ли Александра Александровна?

Игорь Владимирович Ильинский

Есть, есть чудеса! Ей-ей!

Часто врачи и коллеги, руководствуясь самыми добрыми помыслами, отговаривали постепенно терявшего зрение знаменитого артиста от участия в спектаклях и концертах. Дело в том, что ослепленный огнями рампы и прожекторами, он терял на сцене ориентацию, а во время уже последних спектаклей в своей жизни, ведя диалог с партнером, адресовал свои реплики иногда мимо него. Тем не менее это ни в коей мере не отражалось ни на логике поведения, ни на силе воздействия на зрительный зал. Буквально за месяц-два до смерти партнерам приходилось помогать ему и выходить на сцену, и покидать ее...

Так вот о чуде. Мало того, что он не прислушивался к таким советам, но еще, ко всему прочему, активно занимался режиссурой! И не хуже многих зрячих. Режиссировал на слух!

Он слышал малейшую фальшь на сцене и мгновенно воинственно реагировал на нее. И добивался правдивого, органичного, как мы говорим, существования артиста в роли и в предлагаемых обстоятельствах.

Меня всегда поражало мужество этого человека, его фанатичное сопротивление надвигающейся трагедии – расставанию с любимой профессией! Слезы наворачивались на глаза при виде того, как незадолго до смерти его, беспомощного, высаживали из автомобиля, вели по лестнице в артистическую уборную, где он готовил себя к блистательному исполнению ролей – Фирса в «Вишневом саде» или Толстого в «Возвращении на круги своя», или Крутицкого в «На всякого мудреца...». Трудно было

сдержат слезы и тогда, когда встречаемый зрительным залом бурными аплодисментами, он буквально за эти несколько мгновений обретал уверенность и активно включался в происходившее на сцене! Столь же бурно, как и при его появлении, зрители аплодировали Мастеру, уходившему после сыгранной сцены за кулисы.

Я понял, что являлось движущей силой его упорного нежелания прекратить свою деятельность! Это был дух любви человеческой, дух благодарности за все, сделанное им в искусстве, дух восхищения его нежеланием уходить с «поля боя», дух, помогавший ему жить, надеяться и творить, дух, исходивший из сердец сидевших в зрительном зале! Этот дух – народная любовь!

Ох как трудно ее заслужить! Но, заслужив ее, невозможно ей изменить или предать ее. Я понял, что любовь – выше всего! Даже зрения! Любовь требует свиданий! Понял, что, если любовь не обоюдная, она – трагедия. Его любили и он, поэтому был счастлив! Он не мог не работать, так как аплодисменты зрителей и были его зрением. Дай Бог артистам с прекрасным зрением заслужить и выстрадать возможность быть такими же счастливыми, каким был в конце жизни почти слепой Игорь Владимирович Ильинский. Великий зрячий слепой!

Есть чудеса, ей-ей!

По 15–20 раз с мальчишеским восторгом смотрел я киноленты с участием любимого артиста: «Процесс о трех миллионах», «Закройщик из Торжка», «Праздник святого Йоргена», а позже – «Волга-Волга». Потешая сверстников, старался я изображать походку Игоря Владимировича, выражение его лица, манеру говорить, смеяться. В школьном драмкружке многие находили во мне сходство с ним!

Начинающим профессиональным артистом мечтал я играть его роли! *Мечтал!!* Но предположить, что свершится чудо (чудес же, говорят, не бывает!) – ну никак не смел! Но...

В концертах играл Хлестакова, Присыпкина в «Клопе» Маяковского – в Театре сатиры, Расплюева в «Свадьбе Кречинского» Сухово-Кобылина в очередь с Игорем Владимировичем (!) в Малом театре! А Городничего в «Ревизоре» – тоже в Малом и тоже в очередь, да еще и в спектакле, поставленном им самим. Так как же? Бывают чудеса? А?

А судьба Ильинского-артиста? Не есть ли она – тоже чудо? Настоящее!

От эксцентричного «глупышкина» до глубокого трагика! Достаточно посмотреть любую раннюю киноленту с участием молодого артиста и сравнить ее с кадрами снятого на пленку спектакля «Возвращение на круги своя», в котором артист гениально играл монументального Льва Николаевича Толстого, и ты убеждаешься в том, что чудеса свершаются не только на небесах!

Понять и изучить Ильинского трудно – как каждого талантливого человека. Мне это просто не под силу, так как знал его только по работе, да и то непродолжительной. Но тем не менее моя безоговорочная влюбленность в его кино- и сценические создания, в подсмотренные штрихи характера, в поступки, в особенности его творческого метода и манеру работать, влюбленность в его художественную честность и принципиальность – это достаточный запас впечатлений, позволяющий постоянно сохранять в себе преклонение перед его талантом, перед его фанатичной влюбленностью в свою профессию, перед его трудолюбием!

Спасибо судьбе за то, что она подарила мне общение с Игорем Владимировичем!

Спасибо Вам, Игорь Владимирович, за вашу принципиальность и смелость в отношении к опальному Мейерхольду, в оценке его значимости для русского театрального искусства! Эта ваша высоконравственная позиция в трудные «решетчатые» годы вывела на «чистую воду» многих, предавших Великого режиссера!

Спасибо Вам, Игорь Владимирович, за добрые статьи в дни моих 50- и 60-летий! Спасибо за все добрые слова, сказанные в мой адрес! Они помогли мне сохранить чувство собственного достоинства – самого главного чувства, помогающего не опускать голову и улыбаться каждому утру, солнцу и человеку! Я помню Ваши слова, повторяю и горжусь ими! Они для сердца. Для раздумий – они не для бумаги! Спасибо!

Надеюсь, Вы слышите меня! Спасибо!

Михаил Иванович Царев

В средневековом городе Шартре строился знаменитый собор. У трех строителей, возивших тяжелые тачки с камнями, спросили, что они делают. Один ответил, что возит тяжелые тачки, другой – что зарабатывает себе на хлеб, третий сказал, что строит самый красивый в мире собор.

Вот такие же разные мнения бывают при оценке того или иного человека, а уж артиста – тем более.

Кто-то видел в Михаиле Ивановиче Цареве человека доброго, кто-то – злого; кто-то считал его красавцем, а кто-то – нет.

Кто-то упивался его голосом, а кому-то он был неприятен; некоторые принимали его за отзывчивого, сердечного человека, а некоторые – за замкнутого сухаря. Как общественного деятеля его то поносили последними словами, то возносили до небес. Были такие, кто считал, что он занимается саморекламой, а другие – что он был чрезвычайно скромн. Многие считали его блистательным артистом, но не меньшее количество театралов относилось к его способностям иронично. Одним он делал добро, к другим же был равнодушен, но был способен и приглушить, не дать, запретить, осмеять, принизить. В разных ситуациях он проявлял совершенно противоположные качества; мог быть простым, доступным, мог быть барином, мог быть шумным в застолье, но и, если это было нужно, молчаливым дипломатом.

Одним словом, был он человеком, сложенным из противоречий, а люди выбирали те, которые нужны им были или для защиты его, или для нападения на него. Я не принадлежу ни к тем, ни к другим. Но не могу не согласиться с тем, что был Михаил Иванович человеком

ярким, личностным. Когда же затрагивали проблему наличия или отсутствия юмора в этом редко и как-то отрывисто-скрипуче смеявшемся человеке, я, отбрасывая все нюансы наших прохладных взаимоотношений, становился и сейчас остаюсь его защитником, защитником человека, обладавшего своеобразным и большим чувством юмора. Я часто говорил о том, что напрасно Михаил Иванович Царев не попробовал себя в комедийных ролях, даже таких, как Фальстаф и Мальволио. Я убежден, это имело бы большой успех. А исполнение им в острохарактерном ключе роли Вожака «Оптимистической трагедии» укрепило мое глубокое убеждение в том, что Царев – неиспользованный комедийный артист!

Есть примеры неожиданных, парадоксальных актерских проявлений. Академичный Яхонтов очень смешно читал Зощенко. Маленького роста, с постоянным румянчиком на лице замечательный артист МХАТа Владимир Васильевич Грибко убедительнейшим образом читал в концертах отрывки из гоголевского «Тараса Бульбы». А клоун Юрий Никулин – артист ведь трагикомический! Попадись ему соответствующий драматургический материал – наверняка стал бы первым трагическим, так как у нас нет ни первого, ни второго, ни десятого.

Итак, многоликий, парадоксальный, наделенный большим чувством юмора Михаил Царев.

«ШТАТНАЯ ДОНОСЧИЦА». Михаил Иванович, от артиста пахнет водкой!

ЦАРЕВ. А может быть, коньяком?

«ШТАТНАЯ ДОНОСЧИЦА». Может быть.

ЦАРЕВ. У меня к вам просьба: в следующий раз, если обнаружите что-либо подобное, узнавайте поточнее, что ваш объект пил.

«ШТАТНЫЙ БЛЮСТИТЕЛЬ ПОРЯДКА». Михаил Иванович, сейчас только десять утра, а наши сапожники уже под мухой!

ЦАРЕВ. Дорогой мой, а если бы вы были сапожником, под чем же еще находились бы вы к десяти утра?

После этих диалогов невольно вспоминаешь слова Алексея Денисовича Дикого: «Если театр начинает искать пьющих – это значит, что театру больше нечего искать».

Михаила Ивановича очень трудно было рассмешить. Почти пределом его оценки чего-либо смешного были слова «ничего», «смешно» или «забавно». Но, если он все же начинал скрипеть своим особым, по-царевски эмоциональным смехом, значит, высоко оценил юмор, и уж тут никаких слов не нужно было! Общее собрание театра. Михаил Иванович – в президиуме. На трибуне – очень часто выступающий по любому поводу артист:

– Вот, скажем, артист Х. Позволяет приходиться на спектакль и играть, так сказать, не в форме. Ведь видно, что он и пригубил и закусил солидно шашлычком. Красный, потный... А ведь, товарищи, не забывайте, что наш зритель иной раз с трудом накопит денег на билет, ведь он стоит два с полтиной.

– Вы хотели что-то сказать? – спрашивает выступающий у меня, поднявшего руку.

– Да, хочу. (Я знал, что артист Х. был гипертоником, болен диабетом, скрывал это и никоим образом о «пригубить» речи быть не могло.) Вот вы всегда играете не пригубив, не закусив, не красный и не потный. Как вы думаете, ваша игра стоит два с полтиной?

После собрания председатель президиума рассказал мне, что сидевший рядом с ним Царев после моей реплики чуть-чуть нагнулся к нему и шепотом спокойно сказал: «Нокаут!»

Диалог после этого собрания: - Ну-с, Евгений Яковлевич, во сколько же вы оцениваете мои выступления в спектаклях?

- Скажу вам совершенно искренне. С возрастом вы делаетесь все более дорогим.

- Спасибо. Вы приятный покупатель! - был ответ.

Я был искренен в своем ответе. С возрастом и пришедшим опытом Михаил Иванович уходил все дальше и дальше от укоренившихся штампов ампула героя-любовника, да еще с элементами искусственного пафоса. Он становился актером все более глубоким и скупым на средства выражения, проявлявшим большое мастерство в наивысшем назначении актерского творчества - перевоплощении. Царев всю свою творческую жизнь увлекался художественным словом - выступал с чтецкими программами, и тем, кто слушал его, наглядно была видна его эволюция, его рост и в этой области актерского проявления. В чтении общеизвестных классических произведений появились неожиданные интонации, акценты, трактовки - очень глубокие и интересные, делавшие его мастерство все более и более высокого класса.

Жаль, что с возрастом не пришло к нему повышенное чувство меры, ибо чрезмерная творческая жадность, желание как можно больше быть на виду притупляли самоконтроль и позволяли появиться на свет наряду с отличными ролями работам, не украшавшим на старости лет его большой послужной список. Мне кажется, более умеренная общественная работа на разных должностях, почетных и реальных, помогла бы Михаилу Ивановичу стать еще более весомой фигурой на артистическом поприще. Это мое сугубо личное мнение.

Закончились гастроли Малого театра в Алма-Ате. Прощальный банкет. Мне необходима резолюция Михаила Ивановича, улетавшего в Москву рано утром, разрешающая взять с собой трехлетнего сынишку в Дом творчества «Щельково». На банкет не пошел. Дождался его окончания. Царев увидел меня с заявлением в руке.

- Вы что, объявили бойкот банкетам?

- Нет, мне нужна ваша резолюция, а после застолья как-то неловко обращаться с такой просьбой. - И объясняю суть дела.

- Голубчик! Я с трезвыми о Щельково не разговариваю!

- Что же делать, Михаил Иванович?

- Возьмите с собой коньяк и - ко мне в номер. Через три часа улетаю.

Сажу в его номере гостиницы. Михаил Иванович читает стихи, собирает чемодан, показывает подарки и покупки. Понемногу пригубливаем коньяк. Я слегка хмелею. Уже утро. Дежурная сообщает: «Михаил Иванович! Машина за вами прибыла!»

- Михаил Иванович, - чуть заплетающимся языком обращаюсь к Цареву: - А как же с ребеночком? В Щельково, а?

- А я и с охмелевшими о Щельково не разговариваю! - скрипуче закудахтал он. - Давайте заявление!

Я протянул бумажечку, он поставил на ней краткую резолюцию и провел синим карандашом стрелку в сторону фамилии директора Дома творчества. И все! Улетел. Что значила стрелка - загадка! Решили с женой ехать: не разрешат отдыхать с ребенком - снимем комнатку рядом в деревне.

Приехали. Директор увидел синенькую стрелочку и без слов распорядился предоставить нам гостевой двухкомнатный номер «люкс»...

Я был одним из немногих, кому удавалось рассмешить народного артиста СССР Михаила Ивановича Царева, и, очевидно, поэтому он охотно шел со мной на диалог в любых обстоятельствах...

Я. Михаль Иванович (когда-то кто-то из сотрудников театра именно так обращался к Цареву, и я взял себе это буквозвучание на вооружение, так как оно безошибочно облекало предстоящий диалог в юмор, иронию), а ведь несправедливо Бог организовал эволюцию человеческой жизни...

ЦАРЕВ. Вы, друг мой, хотите сказать, что не согласны с Богом? Поделитесь...

Я. Вот напрасно человек появляется на свет махоньким комочком, потом вырастет, слабеет, старится и уходит...

ЦАРЕВ. Что бы сделали вы на месте Бога? Очень интересно...

Я. Я сделал бы так, чтобы человек появлялся на свет дряхлым стариком, молодец бы, молодец, превращался в ребеночка и кончал бы свою жизнь в утробе матери...

ЦАРЕВ. Вариант благородный, но зачем вам тратить себя на Богу неугодный процесс развития?

Я. Вы представляете себе, какая молодая была бы сейчас труппа Малого театра?! Царев заскрипел своим отрывистым, с частыми придыханиями, только одному ему присущим смехом...

ЦАРЕВ. Ах, шутник, шутник... Если учесть, что около тридцати народных артистов имеют за плечами шлейф в 75 и более лет, и я в том числе, то будет не молодая труппа Малого театра, а просто школьный драмкружок... для начальных классов! Ах, мой друг, все это смешно, но и печально... Скоро мы все уйдем... Ваше поколение возьмет в руки театр...

Я. Михаль Иванович, я раньше уйду...

ЦАРЕВ. Почему, мой друг? Не пугайте меня...

Я. Да потому, что вы воспитаны на хорошем удобрении, на чистой воде, а я... на политзанятиях!

ЦАРЕВ. Нет-нет, вы не умрете... Я вас на политзанятиях за 25 лет ни разу не видел!

В заключение два маленьких эпизода.

После большого успеха премьерного спектакля «Господа Головлевы» с Виталием Дорониным в главной роли Иудушки Михаил Иванович тихонько сказал мне, постановщику спектакля: «Эх, вы! Не могли мне предложить эту роль!» Я промолчал, но был удивлен его неожиданной реакцией на успех спектакля.

К моему 60-летию Михаил Иванович разрешил на основной сцене в честь юбилея спектакль с моим участием и широкую его рекламу в городе с моим портретом. Подобным подарком ни один из актеров моего поколения, насколько хватает памяти, не одаривался!

Я был снова удивлен, но теперь уже его вниманием ко мне, тем более что взаимоотношения наши были, повторяю, прохладными. Но именно такие взаимоотношения, мне кажется, могли быть объяснением его щедрости в мой адрес. Одним словом, сложный, загадочный человек!

Должен признаться, когда я глядел на Михаила Ивановича или общался с ним, мною всегда овладевало какое-то странное чувство. Мне казалось, что вот-вот он снимет с лица маску и предо мной предстанет другой, неожиданный, и, главное, да простит меня Всевышний, более симпатичный мне человек!

Алексей Денисович Дикий

*Бог, редко чудеса творя,
Подобных в свет мужей являет.
Создав Великого Петра, Понине
отдыхает.*

Г. Державин.

*«На изображение Петра
Великого»*

Моя память удерживает тысячи лиц, походок, жестов. Хранит облик и манеры многих актеров и режиссеров, с которыми работал. Отчетливо помню тех, кто поразил меня своим талантом, интеллектом, оригинальностью характера. А в жизни мне случилось встречать немало интересных и даже выдающихся людей. И все же, если бы меня спросили, кто из них оставил в душе и памяти наиболее яркий след, я бы ответил не задумываясь – Алексей Денисович Дикий.

Я услышал это имя еще мальчишкой в Кривом Роге, где впервые попал в чудесный мир, именуемый Театр. В то время в город приезжали на гастроли коллективы столичных театров. От них-то я и узнал о Диком. О нем всегда рассказывали что-то заманчивое: то восхищенно говорили о какой-то «Блохе», называя спектакль балаганом, раешником; уверяли, что Дикий в спектакле необыкновенно играет Платова. То восторгались его режиссерской изобретательностью в «Первой Конной», в «Леди Макбет Мценского уезда». Называли Дикого потрясающим, невероятным, отчаянным, диким Диким.

Этот человек завораживал меня своей загадочностью. Я упивался рассказами о нем, о его таланте, богемности. По-моему, я знал о нем все. Знал

даже мизансцены спектаклей, которые никогда не видел. А мизансцены Дикого были настолько неожиданны, талантливо, что всегда вызывали взрывы аплодисментов.

К примеру, в одном из спектаклей у него на сцене в накуренной комнате сидели мужики, а над ними в клубах табачного дыма висел топор! В «Смерти Тарелкина» персонажа уводили на допрос в полицейский участок. Уводили жгучего брюнета, с допроса возвращался абсолютно седой человек. Даже два медвежьих чучела, которые в прошлом нередко стояли у лестниц в вестибюле домов богатых людей, от ужаса оживали и пятились за кулисы.

Надо же так случиться, что, демобилизовавшись, я попал на курс, которым руководил Дикий! Я был влюблен в Дикого заочно, но окончательно он меня покорило вот как.

Позволю себе небольшое отступление. До возвращения в училище я имел дело в основном с начальниками, военными, чаще всего людьми безапелляционными. И чем хуже человек разбирался в своем деле, тем был безапелляционней. Так складывалось, что я чаще подчинялся, нежели проявлял себя, верил, что старшие, руководящие люди действительно ближе к истине. Я тушевался перед опытом других.

Естественно, что Дикому я просто смотрел в рот, стараясь не упустить не то что сказанного слова, но даже намек на мысль. Для меня он был почти пророк.

На одном из занятий я задал Дикому какой-то вопрос. И вдруг этот талантище, умница задумался! Через большую паузу этот великан мне, мальчишке, признается:

– Не знаю.

В это мгновение я и влюбился в него на всю жизнь!

Попробуйте сегодня найти режиссера новой формации, который бы признался, что чего-то не знает. Спросите его, сколько яиц откладывает комар или какое количество газа выпускает трактор «Дурбинтурмур-2» в течение полугода в жаркие дни? Он вам ответит на все! Нынешние «знают» все! А Дикий:

– Не знаю.

Проводить время в обществе этого самобытного и, не побоюсь сказать, гениального, одаренного человека, было счастьем. Плотный, широкоплечий, в свободно сидящем пиджаке; большая, гордо поднятая голова; чуть печальный и чуть насмешливый взгляд. Всегда казалось, что он смотрит в самую душу. При своем среднем росте Дикий производил впечатление гиганта. Позднее, когда мы уже сдружились, он как-то пришел ко мне домой. Мама накрыла на стол, Алексей Денисович немного выпил. Посмотрел на мою мать и сказал:

– Эх, моложе б ты была.

Мама понесла разогревать холодную свинину. Он перехватил у нее сковороду:

– Кто ж под водку свинину греет, матушка?!

После его ухода мама сказала:

– Ты знаешь, Женя, я всегда тебя считала крупным молодым человеком. Но вот явился Дикий, и комната мне показалась меньше, потолок ниже, а ты рядом с ним щуплым и невыразительным юнцом.

А ведь Дикий был намного ниже меня ростом. В любом обществе, в любой компании Дикий затмевал всех, сразу становился центром всеобщего внимания. В его манере вести себя была удивительная освобожденность от всякого фарисейства, ханжества, фальши, заботы о том, что о нем подумают или скажут.

Облик его был необычайно артистичен. Это проявлялось в умении рассказать анекдот, красиво

есть, ухаживать за женщинами, в умении кратко и зримо передать впечатление о человеке, произведении искусства.

У Дикого был острый, образный язык. Словечки его гуляли по Москве. Он нисколько не заботился о том, чтобы его мнение не дошло до того человека, о котором он довольно резко высказался.

Сам он был живым парадоксом, совмещавшим в себе крайности и противоречия. Лиризм в нем уживался с едкой насмешливостью, бравада – с мучительными сомнениями, наивность – с мудростью, смелость – с застенчивостью. Он любил жизнь! Жадно, со вкусом жил.

Одни любили его до обожания, другие боялись и недолюбливали. Но даже враги не могли отказать ему в широте, в размахе, в какой-то особой русской удали.

Дикий был репрессирован, лишен всех званий и регалий, сослан в Сибирь. Потом Дикого выпустили из лагеря, разрешили ставить спектакли. При нем во всех поездках находился майор НКВД: жил в одной гостинице, ел с ним, сидел на репетициях, на спектаклях. И содержался за счет договоров, заключенных Диким с театрами. В договорах Дикий всегда вписывал как одно из условий пункт, по которому ему должны были выдавать пол-литра спирта ежедневно.

Майор следил за Диким неотступно, и, разумеется, Алексей Денисович делился с ним, с конвойным, спиртом.

Через три месяца уже Дикий следил за майором, искал его после репетиций и спектаклей.

– Где майор? Нам надо ехать!

Майор спился.

Позже Дикий примкнул к работавшему в Омске Театру имени Вахтангова. С ним и вернулся в Москву. Его восстановили во всех правах, он вновь стал

получать звания. Позже выбрали на какую-то почетную должность в профсоюзе работников искусства. Там-то на одном из собраний Дикий и сказал свою знаменитую фразу:

- Ребята! Там, где бьет ключом советская общественная жизнь, кончается искусство!

О Диком в актерской среде ходили легенды. Из них складывался образ художника оригинального, стихийного, порой чуть ли не безумного! Говорили, как о праздном гуляке, творившем по наитию, не задумываясь. Но те, кто учился у Дикого, работал под его руководством, знают, каким великим тружеником был Алексей Денисович, как упорно искал и находил свои блистательные решения спектаклей и ролей.

Этот человек с репутацией неуемного жизнелюбца, личность анархическая, своевольная, ни разу не опоздал ни на одну репетицию, не пришел в театр неподготовленным, не знаящим точно, что он сегодня будет делать.

В своей режиссерской работе Дикий всегда исходил из интересов актера, и только из них. Он говорил:

- Режиссер все должен сделать для актера! Но он ничего не может сделать за актера.

Дикий считал своей обязанностью разбудить его фантазию, а уж дальше актер должен был действовать самостоятельно и даже уметь навязать свою творческую волю режиссеру.

Однажды я наблюдал, как Дикий принимал гримы. Актеры, если у них острохарактерная роль, любят изменять себя, да так, чтобы никто не мог узнать! Один из актеров, сдавая грим Алексею Денисовичу, надел парик, наклеил брови, прилепил нос, подбородок, увеличил уши. Дикий посмотрел на него, одобрил:

- Хорошо, только ты пойди уши накладные сними. Парик тоже сними, потом приди и покажись. Актер снял

уши, парик. Возвращается.

- Ну а сейчас?

- Это значительно лучше, - говорит Дикий. - У тебя там подбородочек приклеен? Ну-ка подбородок сними. И нос.

Актер снимает подбородок и нос. Остались одни брови. Дикий:

- Вот уже почти хорошо. А сейчас быстренько снимем и брови.

Актер остается совсем без грима, в «своем лице». И слышит:

- Потря-са-юще! Утверждаю!

Дикий мечтал об актере-мыслителе, аналитике, сорежиссере. Мечтал о таком артисте, который бы имел основания сказать о себе:

- Скажите, что мне сыграть, и я сумею...

Дикий любил актеров и считал день, проведенный без общения с ними, потерянным.

- Жизнь артиста - цепь бесконечных проявлений, - любил повторять он. - В нашем деле можно знать, не умея, но нельзя уметь, не зная.

Сам Дикий знал очень много, был образованнейшим человеком, владел несколькими иностранными языками, был почетным членом каких-то академий.

Я считаю, что творческая жизнь Дикого удалась не вполне. По ряду обстоятельств, от него не зависящих, он сделал меньше, чем мог. Образ прожитой им жизни щемяще-точно выражает его надгробие на Новодевичьем кладбище: мраморная плита, рассеченная трещиной из угла в угол.

Дикий считал себя учеником Станиславского и Немировича-Данченко, хотя, по собственному признанию, он не укладывался в рамки мхатовских критериев. Как каждый большой художник, он шел в

искусстве своим путем. Его творческий опыт обогатил и расширил учение Станиславского и, конечно, заслуживает глубокого изучения.

Когда Дикого снова утвердили на роль Сталина в фильме «Сталинградская битва» (2-я серия), начались согласования о том, какую сумму поставить в договоре за исполнение роли вождя. Предложили в дореформенных деньгах сто тысяч рублей.

Прошло немного времени, и Дикий звонит на студию:

- Я не против предложенной суммы, но как-то неловко.

- А что такое?

- Ну как же. Борису Федоровичу Андрееву за абстрактный образ солдата в фильме «Падение Берлина» вы платили сто пятьдесят тысяч рублей, а мне за образ товарища Сталина - сто тысяч. Как-то, понимаете, неловко.

- Минуточку, мы подумаем. Мы вам позвоним.

Через полчаса звонок:

- Алексей Денисович, все в порядке! Вы правы. Вам предлагается сумма в сто двадцать пять тысяч!

- Значит, интервал от товарища Сталина до абстрактного солдата, которого сыграл Борис Федорович Андреев в «Падении Берлина», стоит двадцать пять тысяч. Как-то, знаете, сомнительно. Если узнают...

- Поняли! Не додумали. Сейчас, буквально минуточку, мы обсудим и вам позвоним.

Опять прошло тридцать минут. Звонят:

- Все в порядке! Действительно, вы правы. Извините. Техническая накладная, понимаете ли. Мы даем вам тоже сто пятьдесят тысяч!

- Дело не в деньгах, - говорит Дикий. - Но вы ставите на одну ступеньку товарища Сталина и

абстрактного солдата, которого сыграл Борис Федорович Андреев в фильме «Падение Берлина».

- Поняли! Поняли! Тогда просто без обсуждения - сто пятьдесят пять тысяч!

- Ну вот это другое дело. Все-таки на пять тысяч отличается Сталин от абстрактного солдата, которого сыграл Борис Федорович Андреев в фильме «Падение Берлина».

После того как на экраны вышли обе серии «Сталинградской битвы», в доме у Дикого устроили мальчишник. Было нас четверо. Накрыли мужской стол: горчица, чеснок, хрен, сосиски и водка. Женщин не было. Сидим, беседуем. В четверть двенадцатого ночи звонок в дверь.

Дикий посмотрел в глазок двери и говорит:

- Наверное, опять за мной. Женя, открой.

- А что такое?

- Да вот... подполковник НКВД. - И ушел в другую комнату. Я открыл дверь.

- Алексей Денисович дома?

- Дома.

- Его через сорок пять минут ждет товарищ Сталин. В Кремле.

Дикий услышал и вышел к нам.

- Я не могу.

- Почему?

- Я выпил водки, съел чеснок. Нет-нет, от меня пахнет. Я не могу.

- Согласитесь, глупо будет, если я доложу, что вы наелись чеснока, выпили водки и поэтому не приедете! Приведите себя в порядок, все будет нормально. Поедемте. Неудобно.

Алексей Денисович побрился, переоделся, сказал нам, чтобы ждали, и уехал. Вернулся через полтора часа. Вот что он рассказал.

Приехали они в Кремль, провели его в комнату, где стоял большой мраморный стол без скатерти, и оставили одного. Ждал минут двадцать. Приходит Сталин. Поздоровались.

Сталин:

- Я хотел с вами побеседовать. Вы знаете, что это я назначил вас на роль Сталина? Мне Берия предложил посмотреть двенадцать актерских проб. Я выбрал вас. Потому что вы никакого акцента в роли Сталина не играли. И внешнего сходства нет. Мне это понравилось. Могуче выглядите в этой роли. Скажите, почему вы не пользовались атрибутами, которыми пользовались все артисты? Ни акцентом, ни внешним сходством?

- А я, извините, не вас играл, - ответил Дикий, прикрывая ладонью рот, чтобы не слышно было чесночного запаха.

- Позвольте узнать, кого же вы в таком случае играли?

- Я играл впечатление народа о вожде!

Сталин зааплодировал. Потом сказал:

- Я в курсе всех ваших дел. Вы не должны обижаться на советскую власть за то, что были репрессированы. Великий Ленин сказал, что каждый настоящий большевик должен пройти через тюрьму.

- Иосиф Виссарионович, Ленин сказал это до революции, - выпаливает Дикий.

Сталин хлопнул два-три раза в ладоши - и не понять: то ли поаплодировал, то ли... И ушел. Потом вернулся. В левой руке между мизинцем и безымянным пальцем держит бутылку вина, между большим и указательным - лимон. В другой руке точно так же зажаты два фужера. Поставил все на стол, сам нарезал лимон, плеснул вина в фужер Дикому, себе налил полный, чокнулись, выпили.

Сталин утер усы и сказал:

- Надеюсь, товарищ Дикий, мы можем теперь на равных с вами разговаривать? - То ли учуял, что Дикий дома пригубил, то ли доложили об этом.

Маленькая деталь. Играя в фильме Сталина, Дикий дважды говорил слово «коммуникация». Это было единственное слово, которое он произносил с акцентом, и создавалось впечатление, что он осетин.

«Наследники Рабурдэна» Эмиля Золя. У меня роль дядюшки Рабурдэна - хитрого 80-летнего старика, обжоры, толстяка, окруженного алчными наследниками, соперничающими в подхалимаже.

Снова поиски, поиски... Необходимы новые краски, характерные детали, походка. Перебрал все «полочки» своих наблюдений. Отчаяние... И вдруг звонок моего любимого учителя, дорогого Алексея Денисовича Дикого, знавшего все о моих мучениях.

- Алло! Здравствуйте, молодой человек. Дикий говорит... Сообщение информбюро: в зоопарке на площадке молодняка впервые в Москве появился пингвиненок. Присмотритесь к нему внимательно. По моему, он - вылитый дядюшка Рабурдэн!

Мчусь в зоопарк. Признаюсь - недоумение: при чем тут старый, хитрый француз-южанин и малыш-детеныш из Антарктиды?!

Вот она - площадка молодняка, и вот он - пингвиненок! Ах ты, мой красавчик! Ах ты, обаяшка! Я всегда считал, что в природе ничего не может быть милее щеночка, котеночка, медвежонка, бельчонка... Но нет. Пингвиненок всех превзошел. Симпатичнее никого нет на всем белом свете! Маленький человечек: ходит, чуть покачиваясь, на ножках-ластах, а вместо ручек, как бы обнимающих свое тело, - тоже ласты; беленькая манишка, выразительные глаза, прическа с игривым хохолком, большущий нос-клюв «а-ля де Голль», абсолютное бесстрашие, детское человечье

любопытство, предельная доверчивость ворчливое пофыркивание. Того и гляди, вот-вот скажет: «Привет! Жарко тут у вас!»

Рядом с «приедем» – маленькая-маленькая собачонка, непрерывно лающая на несурящего, вертикально передвигающегося незнакомца. А этот джентльмен в белой манишке внимательно, с каким-то благородным состраданием смотрит на разгулявшуюся шавочку, ждет, когда она приблизится настолько, чтобы можно было достать ее ручкой-ластой. И – хлоп ее по мордашке! Кутенок – кувирк с лапок! На мгновение замолкает, затем встает, энергично отряхивается всем своим комочком, вздыхает глубоко, как ребенок, и... снова принимается за работу – облаивает заморского гостя до очередного нокаута. И... опять все сначала...

К прутьям ограды прижался «мужчина» 4-5 лет от роду. Держа в ручонке, протянутой в сторону представителя Южного полюса, конфетку, повторяя бесконечное «на, на, на», подзывает его к себе. Приезжий фат, не торопясь, подходит к «мужчине», который ростом чуть-чуть больше его самого, внимательно осматривает предлагаемое (никто из присутствовавших не знал и не подсказал, что пингвины, кроме рыбы и прочих морских яств, ничего не употребляют в пищу), смешно принохивается, фырчит и, осудительно глянув на маленького «мужчину», смешно кашляя, покачивающейся походочкой, оглядываясь на обманщика, удаляется в дальний угол вольеры, отвесив на ходу очередную оплеуху охрипшему и очень уставшему от лая щенку. Тот в очередной раз не удержался на ногах, но подниматься не стал и через минуту... заснул. Не дождавись, когда поднимется на ноги этот нестрашный враг, носатый боксер удивился такому развитию событий, тихонечко приблизился к спящему комочку и сострадательно стал его разглядывать. Вдруг щенок зевнул, на секунду

открыл глазенки, увидел чудище с Южного полюса и... дружески завиллял хвостиком. Еще раз зевнул и снова погрузился в сладкий сон...

На следующий день – у меня очередная репетиция в театре. Я пришел часа за два до начала. Вылепил себе огромный нос, причесался «а-ля пингвин», попробовал его походку – коротенькими шажками, – прижал локти к своему туловищу и стал жестикулировать только нижней половиной рук. Получилось нечто похожее на движение ласт... Добавил фыркание, осудительный взгляд, быстро сменяющийся на любопытствующий, попробовал морщиться – словом, пытался скопировать, как мог, милого пингвиненка...

Бедный, он никогда не смог бы понять, что стал соавтором роли, которая принесла мне широкую известность среди московских театралов. Спасибо тебе, милый мой малыш! Началась репетиция. Свои пингвинские находки я вынес на сцену и... получил активное одобрение. Все расспрашивали, где это я подсмотрел такого оригинального человечка. Никто не верил, что прототип – представитель животного мира. Спектакль имел большой успех. Знаменитый артист Владимир Яковлевич Хенкин подарил мне торт с надписью из крема: «Старость перед молодостью пас». Оказалось, что Владимир Яковлевич мечтал сыграть эту роль, но, увидев в ней меня – молодого артиста, резвого, подвижного, да еще в сложном рисунке с физической нагрузкой, – решил, что в его солидном возрасте трудно реализовать свою мечту...

Чего греха таить – я гордился тортом от самого (!) Хенкина. Но согласен с ним не был: он мог и должен был сыграть свою мечту, предложив свое решение. Разве нельзя было играть дядюшку Рабурдэна этаким «рамоли» с одышкой, еле передвигавшимся и очень стареньким, но активно хитреньким притворой. В

исполнении Хенкина это не могло не быть убедительным, не могло и не быть смешным...

А самое главное во всей этой счастливой для меня творческой истории – подсказка гениального Алексея Денисовича Дикого! Спасибо, дорогой мой дядя Леша!

Здесь уместно вспомнить слова мудрого немецкого педагога прошлого века Адольфа Фридриха Дистервега: «Плохой учитель преподносит истину, хороший учитель ее находит»...

Воспоминания возвращают меня к тому времени, когда состоялась моя первая в Театре имени Станиславского режиссерская работа – постановка пьесы Максима Жежуры-Калиновского и Льва Устинова «Правда об его отце» под художественно-педагогическим руководством А. Д. Дикого.

Пьеса рассказывала об усилиях послевоенной немецкой молодежи в перевоспитании, а затем и привлечении на свою сторону фашиствовавших сверстников. В этом спектакле чуть ли не первые свои большие роли сыграли тогда еще молодые Евгений Леонов и Евгений Шутов.

Как всегда, я получал духовное, творческое наслаждение от общения с Алексеем Денисовичем. Но все же главным уроком в этой, очень для меня полезной работе стали высокая принципиальность и независимость в своих суждениях и трактовках моего Учителя в беседе с всеправной фигурой начальника Главного управления репертуарного комитета. Время было «веселое», с ароматом вагонов с решетками и неплохо организованным туризмом в сторону северных «курортов».

...Спектакль сдан. Обсуждение его происходило в кабинете больного туберкулезом упомянутого большого начальника. Начальник одаривает нас руководящими идеологическими сентенциями, сидя за своим

письменным столом. В двух креслах для собеседников – друг против друга – А. Д. Дикий и директор театра Василий Осипович Гвелисиани – неудавшийся в прошлом артист театра имени Моссовета. В дальнем углу – я и помогавший мне в режиссуре Лев Елагин. Самым дорогим «перлом» начальника было требование «убить» самого отрицательного молодого немца, а не показывать, как он, политически прозревший, вступает в ряды молодежного союза, демократического и прогрессивного, осудившего эпоху Гитлера. Убить – и все тут!

Дикий спокойно, внимательно слушал речь. Директор лихорадочно (упаси Господи не успеть записать нетленные мысли) фиксировал все указания большого «знатока» театрального искусства. «Знаток» закончил «разгромное» исследование спектакля, утомленно откинулся на спинку «трона» и замер в ожидании реакции противной стороны...

Директор сложил блокнот, положил его в портфель, ручку-самописку прицепил чуть дрожащей рукой к нагрудному кармашку и, заметно побледневший, обратился к Дикому:

– Алексей Денисович, катастрофа! Замечания не простые, а политические. Что делать?

Дикий задумался и после солидной паузы тихо ответил:

– Ищите замену.

Директор быстро достал спрятанный блокнот, взял в руку ручку-самописку и с готовностью на любые меры для «спасения» спектакля спросил:

– Кому?

Не задумываясь, Дикий ответил:

– Себе!

Всеобщее замешательство...

Покидая кабинет идеологического босса, Алексей Денисович обернулся и очень по-доброму сказал:

- Свитнев! Упаси вас Бог повторить при ком-либо все, что Вы рассказали нам. Ведь могут не понять, что вы шутите...

Спектакль шел без каких-либо переделок - под личную ответственность Дикого - и с успехом!

Где бы ни встречались эти два гениальных актера: на заседаниях, на улицах разных городов, в павильонах киностудий, в ресторанах или гостиницах - везде, не сговариваясь, падали друг перед другом на колени. Потом через несколько секунд, не сказав ни слова, вставали и расходились...

В Харькове коленопреклоненных (прямо на тротуаре) двух гениев пригласили в отделение милиции и оштрафовали за нарушение общественного порядка. Штраф был уплачен, и снова задержанные опустились друг перед другом на колени, но на сей раз - после объяснения мотивировки своих «коленопадений», как выражения высочайшего восхищения талантом каждого. Штрафы были им возвращены, на милицейских машинах «нарушители» были доставлены в гостиницу, за что сопровождавшие их получили на память о приятной встрече автографы: «Народный артист СССР, лауреат Сталинской премии Амвросий Бучма» и «Народный артист СССР Алексей Дикий» (пятикратный лауреат Сталинской премии).

Я как-то спросил:

- Дядь Леша, почему вы были ко мне так внимательны? Почему ко мне так хорошо относились?

Он ответил:

- Во-первых, знал, что у тебя нет родителей. Мне нравилось, что ты пошел на фронт. Но в основном я тебя уважал и любил, и сейчас люблю за то, что ты не записывал за мной мои мысли, как другие. И ты спорил со мной. Вот главное: ты со мной спорил. Мне это очень нравилось...

Дикий в постели. Совсем больной. Он обречен и знает об этом...

Медицинской сестре, приходившей делать уколы, каждый раз говорил:

- Я вас прошу, не надо. Бросьте. Идите домой. Я режиссер. Я хочу знать, что такое смерть...

В последние дни он был обложен сочинениями Льва Толстого. Перечитывал, ругал, называл Толстого фарисеем.

- Он обманул меня!

Его последние дни - удивительные: отказаться от уколов, терпеть адскую боль и ругать Толстого! Что это?

Еще о Диком.

1950 год. Только что вышел на экраны страны второй фильм «Сталинградской битвы» режиссера Иванова.

Ресторан Дома актера. За круглым столиком восседала постановочная группа спектакля «Правда об его отце»: авторы пьесы, композитор Исаак Осипович Дунаевский, режиссеры Лев Елагин с Евгением Весником и художественный руководитель постановки народный артист СССР, великий артист и режиссер Алексей Денисович Дикий.

В разгаре творческих споров к столу подошел небольшого росточка человек с клинообразной интеллигентной бородкой и горящими глазами, несколько взбудораженный употребленными граммами бодрящего национального русского напитка.

- Вы - Дикий? - спросил взбодренный.

Алексей Денисович утвердительно кивнул головой.

- Вы - подлец! - выпаливает клинообразная бородка.

Мы, молодые режиссеры, и автор пьесы попытались вскочить из-за стола с тем, чтобы... Но сильные руки мастера усадили нас на место.

- Дальше! - спокойно сказал Дикий.

- Вы были репрессированы... Мы сидели с вами вместе на пересыльном пункте, - продолжил человек с бородкой. - Вы... были... любимцем, не скрою, любимцем... всех сидевших... И блатных и интеллигентов... Я сам... скульптор... Я из Новосибирска. Вот увидел вас... здесь... Должен вам сказать, что вы... Что я... вас очень люблю, но... извините, вы - подлец...

Наступила пауза. Дикий неожиданно налил бородатенькому водки, себе тоже, чокнулся с ним и, дождавшись, когда тот выпил ее, выпил и сам.

- Спасибо, - продолжил бородатенький, - я немного употребил... я теперь, очевидно, не в меру храбр, но... тем не менее... вы... вы...

Он сник, тихонечко заплакал. Дикий налил ему еще рюмашечку, выпил с ним. Тот вытер слезы.

- Ну хорошо, хорошо, пусть все будет по-вашему... Но объясните же, наконец, почему так сурово... почему я... подлец?

- Ну как вы посмели... смогли... согласились и... сыграли... после всего... Сталина? Ну как? И зачем? Зачем?!

- Позвольте внести некоторую ясность в проблему, не на шутку вас взволновавшую и возмутившую. Дело в том, друг мой, что я Сталина не сыграл, я его... создал! - ответил Алексей Денисович.

Я своими глазами видел, как сидевший за соседним столиком известный режиссер «А» нервно бросил на стол салфетку и вилку и пулей вылетел из ресторации! Не в знак протеста против мысли, высказанной Диким, нет-нет, а только для того, чтобы «в случае чего» не

стать свидетелем сказанного! (Я в этом уверен, так как хорошо знал этого режиссера и образ его мыслей).

А человек с бородкой из Новосибирска был приглашен за наш столик, и нам стоило больших усилий останавливать его благородное и добродушное, а главное - искреннейшее желание непрерывно выражать свое восхищение талантом Дикого, его гражданственностью и образованностью. Он был сражен, услышав, как мастер запросто цитировал Талмуд, Коран и Библию...

Человек с бородкой, так же как и мы, провожал Алексея Денисовича до дома. Попрощавшись, он крепко обнял его и сквозь слезы сказал:

- Я назвал вас подлецом только потому, что вы - гений!

Виталий Дмитриевич Доронин

Есть имена, одно упоминание которых печалит и радует, будоражит, не дает покоя. Виталий Доронин – такое имя. Воспоминания о нем, человеке и артисте, – это моя радость и боль, моя гордость и мой гнев. Радость – оттого, что он был мне другом и в счастливые дни, и в годы наших общих актерских и человеческих бед. Боль – оттого, что утрата друга невозместима. Гордость – от сознания, что последнюю свою замечательную роль, роль Иудушки Головлева, Доронин сыграл в поставленном мною спектакле. А гнев – от обиды за большого, редкого дара артиста, многие годы лишенного ролей, достойных его таланта...

Я приступал к реализации своей мечты – сделать инсценировку романа моего любимого писателя Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Долго мучился над проблемой – кого пригласить на роль Иудушки Головлева? Наконец, после долгих уговоров остановил свой выбор на Виталии Доронине. Для всех (и для него самого) это было неожиданно: одного из самых симпатичных артистов, с ярким положительным обаянием и вдруг – на роль Иудушки Головлева, образа отрицательного, имя которого стало нарицательным.

Мне хотелось, чтобы Иудушка был не сразу противен зрителю, чтобы поначалу даже вызывал симпатию, потому я и пригласил на роль Доронина. И не ошибся. Спектакль имел большой успех, а игра Доронина вызывала просто шквал оваций.

Я как-то спросил у билетерши: «Почему таким большим успехом пользуется Доронин?» (Билетерши всегда говорят правду, очень точно называя и промахи, и удачи.)

И она мне ответила:

- Если такие люди, каким выглядит Доронин, оказываются негодьями, так как же надо быть осторожным в жизни, как внимательно надо присматриваться к людям, тебя окружающим.

Доронин сыграл всего четыре спектакля и умер...

Но эти четыре спектакля как бы возродили Доронина. И те, кому удалось побывать на них, снова увидели развернувшийся в полную силу его талант, но уже в новом качестве. Виталий Доронин, вместивший в своей актерской индивидуальности многие светлые черты национального русского характера - доброту, обаяние, удаль, озорство, нетерпимость ко лжи, ярко отразившиеся в его внешнем облике и поведении, - вдруг предстал в страшном образе Порфирия Головлева. Парадоксальное сочетание внешне обаятельной, вполне располагающей к себе фигуры артиста с отвратительным внутренним миром его героя произвело ошеломляющее впечатление. И это была не внешняя парадоксальность. Актер сумел органично сплавить противоречащие, казалось бы, друг другу черты в едином характере. В этом и была сила и новизна художественного открытия Доронина.

Лишь нам двоим было известно, ценой каких актерских и человеческих усилий далось ему это открытие. Полтора года работы над спектаклем были временем беспрестанных радостных и мучительных поисков доронинского Иудушки. И не в одних лишь репетициях в театре. Мы жили этой работой постоянно. Любая наша встреча, случайная или запланированная, становилась своеобразной репетицией. На улице, на отдыхе, в ожидании записи на радио и телевидении, во время шумных актерских застолий и совместных поездок в Щелыково мы обговаривали, пробовали, находили и отвергали, доискивались до сути образа, выстраивали его линию, открывали новые краски в

актерском резерве Доронина. За столом забывали о еде, на рыбалке – о рыбе. Он будил меня по ночам телефонными звонками, и работа продолжалась. Это было как ожидание встречи с истиной, как откровение, как утверждение себя в искусстве!

Однажды на рыбалке мы молча сидели рядом, поглядывая на неподвижные поплавки. Каждый думал о своем. И вдруг Доронин вскочил. Его глаза, лицо, фигура выражали страдание, отчаяние, боль.

– Где?! – закричал он, протягивая ко мне руки. – Где все?

Это было так неожиданно, что я не сразу понял, в чем дело.

– Ты что, с ума сошел? – отпрянул я от Доронина и тут же понял: «Где все?» – финальная реплика Порфирия Головлева, вдруг прозревшего, увидевшего всю свою жизнь разом и раскаивавшегося в своем иудстве.

– Окуни где, я спрашиваю?! – тут же с лукавой и одновременно смущенной улыбкой свел Доронин к шутке свой внезапный порыв.

Это было настоящее творческое озарение, пришедшее вдруг, в момент, когда артист вроде бы и не думал о роли. Подсознание «выдало» ему давно знакомый, но еще не найденный на репетициях результат. В спектакле этот кусок стал одним из самых сильных.

Наверное, Доронин предчувствовал, что Иудушка Головлев – его последняя работа. Помню, на генеральной репетиции он сказал:

– По-моему, это моя последняя роль.

Потому всю свою нерастратченную творческую энергию вкладывал в нее без остатка. Нужно было видеть, как этот немолодой уже артист горел, жил ролью. Его энергия, темперамент, его одержимость, азарт определяли характер нашей работы. Несмотря на

то, что я его хорошо знал, и мы были дружны многие годы, лишь работа над «Господами Головлевыми» дала мне возможность узнать Доронина во всей полноте его человеческих и актерских достоинств, еще больше сдружила с ним всех участников спектакля. Поэтому, наверное, в одном из отзывов на спектакль было отмечено полное творческое единomyслие актера и режиссера.

О смерти Доронина я узнал в Куйбышеве. Послал в Москву телеграмму, которую просил прочесть у гроба Виталия.

Когда уходит из жизни человек – это всегда трагедия. Когда уходит близкий твоему сердцу человек – это еще трагичнее. Когда уходит высокоодаренный, истинно талантливый человек – это горе. Это беда.

Это несправедливо. Невозможно смириться с тем, что среди нас, актеров, нет больше Виталия Доронина. Однако это так.

Виталий, спасибо тебе за те минуты, часы, дни, годы твоей жизни, которые имели отношение и ко мне, как к твоему товарищу. Я всегда был влюблен в твой талант, в твоё обаяние. Спасибо тебе за совместную работу над спектаклем «Господа Головлевы». Я смело могу тебе сказать, дорогой мой, что твоя последняя работа, Порфирий Головлев, – высочайшего класса творческая победа. Я надеюсь, что в последние минуты твоей жизни воспоминания о работе над этим образом доставляли тебе секунды морального удовлетворения. Прощай, дорогой мой друг. Прощай, большой артист. До последних минут моей жизни ты будешь жить в моей душе. Твой Евгений Весник. Июнь 1976 г. Куйбышев».

Как же мне было приятно услышать потом из уст его жены:

– Спасибо тебе, Женя, что ты занял его в этом спектакле. Он был несправедливо обойден театром. И в

последней его работе он был счастлив. Это счастье переполняло его душу. Он, по-моему, умер от счастья.

Виталий Доронин, Петр Алейников, Иван Переверзев, Борис Андреев, Василий Меркурьев, Михаил Яншин – всех этих актеров Бог наделил каким-то особым даром обаяния. Они были очень разные, но сила и качество обаяния каждого были очень схожи – все они были из чаши Добра! Все они были в святом смысле слова – богоугодными человеками! Магнитами! К ним тянуло всех и вся. Я не могу себе представить нормального человека, который испытывал бы чувство неприязни к этим людям. Я не могу себе представить этих артистов в качестве ложных общественников, болтунов, разглагольствующих на любые темы, начиная с судеб мира и кончая перспективой захоронения чьих-либо останков, причем варьируя те или иные темы в зависимости от политических и общественных обстоятельств, от того, кто за штурвалом страны!

Я не могу себе представить ни одного из названных беспрерывно проводящими время на заседаниях, в президиумах, занимающими одновременно 5–10 разных постов, должностей, почетных и реальных. Что значит быть в одно и то же время худруком, артистом, преподавателем, общественным деятелем, сопредседателем какого-нибудь заведения, депутатом чего-либо и так далее? Сосредоточиться при таком обилии функций на чем-либо одном невозможно, а следовательно, невозможно быть полезным ни в чем – вот что это значит...

Доронина как-то избрали председателем месткома театра, и, надо сказать, при нем делалось столько добрых дел, как ни при ком другом! Он не занимался своей персоной, он сосредоточивался на делах для других и потому был полезен и любим. Доронин в должности председателя месткома оставался Дорониным во всех проявлениях. Многих тянуло на

заседания месткома с его участием, так как он никак не соответствовал принятому облику советского месткомовца с особой лексикой: «партия и правительство», «школа коммунизма», «советское лучшее», «самая демократичная», «наш долг», «ближе к народу», «ближе к партии» и прочее...

От председателя Доронина можно было услышать: «Братцы! Надо дать. Надо подарить. Надо помочь. Надо пойти и добиться. Надо похлопотать. Надо навестить в больнице. Я пойду. Я постараюсь. Не надо трепаться, надо делать».

Доронин был художнически честен, бескомпромиссен и как-то по-особому чистоплотен. Весь облик Виталия Дмитриевича был богоданном отрицанием банальности, он был природой защищен от нее. И это было счастье его – человека и художника. Он открыто любил и так же открыто, не скрываясь, презирал то, что считал несовместимым с жизнью артиста, театра, искусства. Он был откровенен в выражении своих симпатий и антипатий и поэтому, очевидно, снискал славу «трудного» человека. Был из тех, кто «не умеет жить», «пробивать» роли, добиваться чего-нибудь для себя.

Последнее, впрочем, можно в какой-то мере поставить ему в вину. И не только ему – многим художникам, чья ложная скромность невольно способствует тому, что бесталанные, но весьма активные в борьбе «личности» пробиваются в «лидеры» и свои убогие мыслишки, примитивные создания возводят в эталон художественного мышления. Ведь каждое отступление подлинного художника – это победа посредственности. Каждая значительная работа художника – это не его лишь, а и национальное достояние. И художник обязан его пополнять, обязан быть активным в создании своих творений.

Увы! Доронин многого не сыграл. И это не его потери, а наши общие. Самая большая из них – царь Федор. Уверен, что, сыграй Доронин Федора, это было бы крупнейшее событие в истории русского театра. Говорю это совсем не в упрек тем, кто играл эту роль. Доронин был рожден для нее. Весь облик его, склад ума, манера поведения, выразившие гармонию национального характера, в сочетании с образом трагедии А. К. Толстого не могли не стать значительным художественным явлением.

Да, имя Виталия Дмитриевича Доронина рождает много радостных и тревожных мыслей. Одна из самых тревожных – вынужденные, изнуряющие простои больших талантливых артистов. Артисты могут годами «работать» в театре и ничего не производить. А когда вдруг случается роль... робеют. Мне целый год пришлось уговаривать Доронина сыграть Иудушку Головлева. И отказывался он не только потому, что не видел себя в этой роли, но и потому еще, что отвык от дерзаний.

Виталий Дмитриевич думал о людях, люди о нем думали меньше. Он, повторяю, сыграл ролей меньше, чем мог, чем хотел. И страдал из-за этого, страдал незаметно. Но страдал как добрый человек, никого не виня в невнимании к нему. Он был истинным талантом, а потому явлением, раздражавшим многих. Завистливая серятина, как саранча, – не слабое сообщество. Оно способно сдерживать потенциальные возможности таланта, не понимая того, что, чем больше энергии «саранча» тратит на ограничение таланта, тем большую любовь и уважение к нему порождает.

Любовь людей Доронин и заслужил, и выстрадал!

Каждый раз, вспоминая Виталия Доронина, говоря о нем или пытаясь написать о нем, я невольно вспоминаю любимшие мне слова французского этнографа

Клода Строса: «Мир дороже жизни, жизнь дороже человека, уважение к другим дороже любви к себе».

Никита Владимирович Подгорный

- Никита Владимирович, сколько вам годков сегодня стукнуло?

- Тридцать семь! Боюсь, все мои внутренние органы будут... арестованы!

Из разговора с народным артистом РСФСР, ведущим артистом Малого театра

Бывшее поместье А. Н. Островского Щельково. Давно-давно Щельково – это дача для отдыха артистов Малого театра.

Никитушка совсем маленький... Общение с такими мастерами театра, как Пров Михайлович Садовский, Анна Владимировна Дурова-Садовская, Николай Николаевич Далматов, Иван Иванович Лагутин, Аркадий Иванович Смирнов, и с многими другими – потихонечку укрепляло все гуманное, все, так сказать, «породистое», что было заложено в будущего замечательного артиста его интеллигентными родителями...

Со временем Щельково переродилось в Дом отдыха ВТО (Всероссийского театрального общества). Никита подрос, стал настоящим щельковцем, ежегодно проводил весь отпускной период – два месяца! – только здесь, в Щелькове! Он стал своим среди местных и живущих в соседних деревнях, стал настоящим грибником-академиком со своими секретными местами обильного произрастания разных высококлассных грибов – белых, рыжиков, подосиновиков, подберезовиков... В сезоны жестокого грибного неурожая, когда все «отдыханцы», да и подчас местные

жители возвращались из лесу с пустыми корзинками, наш герой появлялся на территории Дома отдыха с корзинищей, доверху наполненной отборными лесными красавцами, и вызывал не очень хорошо замаскированную «ахами» да «охами» и разного рода комплиментами с натянутой улыбкой зависть. Рано-рано утром многие тайком следовали по следам счастливчика, но он прекрасно это знал или предполагал и поэтому, войдя в лес, ловко исчезал неизвестно куда и когда... И, конечно же (он сам мне рассказывал), быстро переходил в другие места, часто находившиеся довольно далеко от тех, где он отрывался от преследователей и неизменно оставлял их с носом, да еще с сыроежками, валуями и мухоморами...

Часть своих грибов он отдавал жарить на кухню и всех угощал, часть раздавал грибникам-неудачникам, часть сушил впрок – «для гостей», как он говорил, и для дома: мама и жена – большие любители лакомых блюд из грибов. Самое неожиданное, невероятное, уму непостижимое и необъяснимое в этой грибной эпопее можно было услышать из его уст:

– Я грибов не ем!

Репетиции за столом... В течение трех-четырех часов от Подгорного к Веснику и наоборот непрерывно снует лист бумаги... К концу репетиции непременно готова «поэма» в стихах, посвященная тому или иному артисту, или просто сатирическая, лирическая, трагическая стихотворная «поэма», не лишенная скабрёзностей и даже неприличных выражений...

Какое же удовольствие доставляло это «творчество» авторам! Неопишное! Да и другим, прощавшим нам плохие стихи и нарушение этических норм поведения на репетициях!

Никита Владимирович Подгорный, заслуженный, а вскоре и народный артист РСФСР, всегда подтянутый, в хорошо сшитом костюме, с манерами мужчины европейского «колера», с прекрасно развитым чувством юмора высокого качества, что свидетельствовало о наличии адекватного интеллекта, который всегда чувствовался в его актерских созданиях и в кино, и в театре – он, естественно, производил впечатление уверенного в себе, несколько избалованного интеллигента, что не соответствовало истинному содержанию его сложной натуры...

Никита был чрезвычайно интересным собеседником, решительно уходившим от банальных или просто малосодержательных разговоров. Круг его знаний, его начитанность легко было бы представить себе даже тем, кому не удавалось близко общаться с ним, но хоть мельком взглянувшем на его домашнюю библиотеку!

На людях он был чрезвычайно простым, доступным, демократичным, тактичным, всегда «звучал мажорно», много острил, не чуждался богемных компаний, никогда ханжески не отказывался от застолий, но... допускал в душу и сердце очень и очень немногих, и, конечно же, только имевшим туда «пропуск» открывались многие неожиданные нюансы его очень сложной натуры и столь же сложного внутреннего мира...

Очень послушный на репетициях, он иной раз производил впечатление беспомощного артиста, которому все надо было подсказывать, показывать, но... как только он «овладевал» ролью, как только появлялась внутренняя свобода, а за ней и мышечная, проявлялись его буквально буйные фантазия и импровизация, наслаждение от сценического действия; светились озорные глаза и всегда, во всех ролях проявлялся свойственный ему высокий интеллект.

Партнером он был великолепным... В моей артистической практике – одним из лучших, наряду с

Еленой Николаевной Гоголевой, Михаилом Ивановичем Царевым, Михаилом Ивановичем Жаровым, Ольгой Александровной Аросевой, Анатолием Дмитриевичем Папановым, Евгением Валериановичем Самойловым, Юрием Мефодиевичем Соломиным и немногими другими талантливыми актерами...

С Никитой Подгорным нас объединяло многое: категорическое неприятие идеологии советских коммунистов, практически исковеркавших интересные теоретические рассуждения и мечты Маркса и Энгельса; ощущение пагубности повсеместной лжи и несправедливости, рожденных в процессе советских «опытов», бойкот чуть ли не насильно навязываемых политзанятий – всегда тенденциозных, исключавших процесс рассуждений, сомнений в головах их посещавших. Объединяли нас и некоторая независимость и эмансипация в поведении, размышлениях, в выборе кумиров, оценках класса режиссуры, актерского мастерства, а также и то, что мы не гнушались посвящать некоторое время застольям, не теряя способности решительных шагов в сторону столь же решительных отказов от лишних соблазнов сесть за стол!

Он мог быть предельно категоричным, порой даже суровым, резким, саркастичным и даже грубым в своих суждениях о людях, да и в общении с ними, в тех редких случаях, когда они вызывали его гнев. В эти моменты он выглядел очень неожиданным... В то же время он мог искренне выразить свое сочувствие, услышав от собеседника рассказ о его бедах...

Никита был поклонником остроумия любимца Потемкина – некоего генерала от инфантерии Сергея Лаврентьевича Львова (надо же было его отыскать!) и часто цитировал его в своих ответах на вопросы. Например:

- Никита! Что-то ты сегодня плохо выглядишь? В чем дело?

- Как-то Потемкин спросил у генерала Львова: «Что ты нынче бледен?» Львов ответил: «Сидел рядом с графиней „X“, ваша светлость, и с ее стороны ветер дул, а она белилась и пудрилась!»

...И вот пришла беда! Сначала был один диагноз, затем еще два-три предположительных, и уже окончательный (Подгорный умер от рака аорты) был определен только за месяц-два до трагедии... который от него скрыли! Ранее борьба за выздоровление была разнообразной и широкомасштабной, но, как оказалось впоследствии, не соответствовавшей правильному диагнозу, а следовательно, сыгравшей недобрую роль... Никита, не предполагавший ничего страшного, но заметно ослабевший, продолжал вести себя в привычной, почти легкомысленной манере и потребовал поездки в Щелыково хотя бы на месяц... Я был уже там. Создавалось впечатление, что болеет его жена, Ольга Чуваева, заслуженная артистка РСФСР, артистка Малого театра, а не сам Никита. Она знала правду о его здоровье. Сохранять спокойствие для того, чтобы мужу не показалось в ее настроении и поведении что либо неестественным, тревожным и необычным, было для нее не менее сложно, чем сама болезнь мужа.

...Задышавшийся и похудевший Никита вел себя так же, как и всегда, в мажорном ключе, собирал вокруг себя множество людей, ценивших его юмор и смотревших на него, как на неотъемлемую частицу самого Щелыкова! И он не скрывал того, что и сам себя ощущал как бы одним из «хозяев» бывшего поместья, его красот и просторов, которых там великое множество даже сейчас, после 75-летней «универсальной обработки»...

Никита не переносил банальных анекдотов, в чем я был с ним абсолютно солидарен.

Как-то в компании артистов, увлекшихся «армянским радио», у которого спрашивают, и «Петькой с Чапаевым» и старыми еврейскими анекдотами с бедным Рабиновичем, и истинно русскими, насыщенными крепкими словцами, он рассказал маленькую новеллку про своего любимца, генерала Львова, после которой пыл анекдотчиков угас, потому как, во-первых, успех она имела наиактивнейший, а во-вторых, литературные ее достоинства и само содержание никак не позволяли продолжать «фонтанировать» анекдотами без риска самому рассказчику стать наглядным «анекдотом»...

Так как позже я «повстречался» с этой новеллкой на страницах книги М. И. Пыляева «Замечательные чудачки и оригиналы» и так как она была любима Никитой, я ее приведу соответственно печатному тексту:

«Лорд Витворт подарил императрице Екатерине II огромный телескоп... Придворные, наводя его на небо, уверяли, что на Луне различают даже горы. „Я не только вижу горы, но и лес“, – сказал генерал Львов.

«Ты возбуждаешь во мне любопытство», – произнесла императрица, вставая с кресел.

«Торопитесь, Ваше Величество, – продолжал Львов, – лес уже начали рубить; подойти не успеете, как его срубят!»

...Никита, совсем сникший, понял, что необходимо возвращаться в Москву, что нужно быть поближе к врачам. Он сам сел за руль своего автомобиля, улыбался всем, его провожавшим, махал рукой и на прощание громко-громко сказал: «До следующего лета! Непременно!» – и, лихо развернув машину, укатил в Москву...

- Умоляю, немедленно купи. Беги... А то разберут... Мне экстренно нужна программка... Беги. - Зачем так срочно? - Я забыл, какой у меня в этой роли грим... Беги!

Сразу же за пределами Щелыкова он с трудом перебрался на заднее сиденье машины, уступив руль местному жителю, водителю грузовика, согласившемуся сопровождать его до Москвы. Все было Никитой продумано, срежиссировано и с блеском сыграно!

...По пути в Москву приходилось останавливаться почти в каждом населенном пункте, не говоря уже о городах Судиславле, Костроме, Ярославле, Ростове Великом, Переславле-Залесском, чтобы сделать обезболивающие уколы почти терявшему сознание Никите...

В спектакле «Мамуре» мы играли с Никитой одну и ту же роль в очередь - Антуана, внука 100-летней бабушки, которую играла Елена Николаевна Гоголева. Никита играл без всякого грима, даже тон и пудру не пользовал - «а-ля натурель»!

Помощник режиссера, ведущий спектакль, Саша Подъячев перед началом спектакля обращается к Никите:

- Никита Владимирович, в фойе продают программку «Театральная Москва». На первой страничке - ваш портрет в роли Антуана...

- Умоляю, немедленно купи. Беги... А то разберут... Мне экстренно нужна программка... Беги.

- Зачем так срочно?

- Я забыл, какой у меня в этой роли грим... Беги!

Я навестил его в палате онкологического центра. Он острил по поводу поставленной ему капельницы, кокетничал с сестрами, с аппетитом ел принесенную

мною дыню, передавал приветы общим знакомым, делился со мною планами на будущее.

Я навестил его в палате онкологического центра. Он острил по поводу поставленной ему капельницы, кокетничал с сестрами, с аппетитом ел принесенную мною дыню, передавал приветы общим знакомым, делился со мною планами на будущее.

Случайно узнал от врачей, что накануне Никита лежал в реанимации... От врачей, не от него! Я особого значения не придавал этой новости, ибо внешний его облик разительно отличался от того, который был в Щелыкове, настолько разительно, что, вернувшись домой, я тут же позвонил матери Никиты Анне Ивановне и сообщил, что Никита явно выздоравливает, хорошо выглядит, бодр... Она ответила: «Я разговариваю с ним несколько раз на дню по телефону и по голосу тоже чувствую: ему лучше!»

После просмотра очередной премьеры в театре Никиту спросили:

- Ну как вам, Никита Владимирович, а?

- Я понял, что у мышей мы научились портить все, что ни попадетя...

...Через четыре дня он умер. Я был потрясен! Не может этого быть! Не может! Умер?!

Еще больше я был потрясен тем, что ни его мать, ни жена, ни друзья не знали, что он-то, оказывается, знал о неизбежности скорой своей смерти еще до последнего посещения Щелыкова и тем не менее, преодолевая и черные мысли, и боль, и удушье, старался - теперь это стало очевидным - казаться бодрым, веселым, чтобы не доставлять лишних страданий своим близким! Нашему общему знакомому в Доме творчества, как выяснилось позже, за несколько дней до отъезда в Москву он признавался: «Я приехал

сюда обреченным. Приехал прощаться! Прощаться с колдовской природой, со щелыковскими друзьями детства, с духом местных красот. Поеду в Москву умирать, там наши могилы! Подгорных! Никому ни слова! Прощай!» Дал ему денег и добавил: «Когда узнаешь о моей смерти, купи водки и устрой поминки, но обязательно в лесу! Прощай!»

Все было исполнено, как хотел Никита...

Кто сказал ему правду о его болезни? Неизвестно. Да и не нужно его искать. Он помог Никите уйти спокойно, без вдруг обрушивающихся нервных потрясений, «по-хозяйски» прожить свои последние дни... Срежиссировать и исполнить замысел... мужественного и благородного «ухода со сцены»!

До начала концерта в университете прогуливаемся по Воробьевым горам... Нас приветствует, отдав честь, милиционер...

Никита:

- Принял нас за Герцена и Огарева!

Легкоранимый баловень-интеллигент, как говорят, «гнилой интеллигент», далекий от атлетической внешности, лишенный мощных бицепсов, оказался человеком огромной силы воли, порядочности, наделенным высочайшим божественным качеством – чувством сострадательности и любви к ближним! «Страдая сострадал». Он оказался истинным христианином, принявшим смерть спокойно, как неизбежное, не будучи, кстати, верующим ни по формальным, ни по внешним проявлениям, ни по ритуальности, ни по каким-либо другим признакам.

Спектакль «Выбор» Юрия Бондарева. Подгорный в роли Рамзина – богатого русского, живущего в Германии, женившегося на немке... Рамзин болен. Рак.

Он приехал в Россию прощаться с матерью. Кончает жизнь самоубийством.

Никита приезжал на репетиции, вплоть до двух генеральных, – на автомобиле «Скорой помощи» из онкологического центра...

Финальная мизансцена спектакля: Рамзин поднимается на последнюю ступеньку лестницы, идущей вверх, к небу... останавливается, освещенный лучом яркого света, поднимает руку и произносит последнее слово в своей роли, и, как оказалось, в жизни: «Прощайте!» (С огромным успехом Никита сыграл всего три спектакля...)

...На поминках я обратил внимание на книжную полку, на которой гордо покоился бюст вечно готового «к бою умов» великого Сократа и подумал о том, что Никита наверняка знал описанную Платоном кончину мудреца, случившуюся за 39 лет до н. э., которая может быть сравнима только с распятием Христа...

...Завистники-афиняне выдвинули против старого босоногого Сократа ложные обвинения. Он был приговорен к смерти... Палач, симпатизировавший Сократу, дал ему смертельный яд и прошептал на ухо: «Старайся легко принять то, что неизбежно!»

Я убежден, что именно эти слова были компасом предсмертных дней моего дорогого, любимого и незабвенного друга Никиты Подгорного!

Михаил Михайлович Яншин

Незабвенный, добрый, открытый, созданный для улыбки и юмора, уютный и магнитообразный, в чем-то не защищенный, талантливый, обаятельный, сентиментальный, очень темпераментный и чуть-чуть ленивенький, любитель вкусно поесть и пригубить, спеть романс, азартно поиграть на бегах и «поболеть» за футболистов «Спартака», неспособный тратить время на интриги и кляузы, любимец публики – дорогой Михаил Михайлович Яншин!

Однажды он сказал:

– Я не понимаю четырех вещей. Первое. Зачем нужно было делать революцию? Второе. Как на радио вырезают букву из слова? Третье. Как по воздуху передают цвет? И четвертое. Зачем Бог придумал гомосексуалистов?

– А что для вас самое непонятное, Михаил Михайлович?

– Первое. Зачем было делать революцию?

Пять утра. Утренняя чудесная Москва. Грузовики развозят по булочным ароматный хлеб. По улице Горького (теперешней снова Тверской) идет одинокая фигура, читающая на ходу вслух книгу. Поднимает голову. Узнаем – Яншин!

– Доброе утро, Михаил Михайлович!

– Доброе. Что, молодежь, не спится?

– Мы на рыбалку, а вы?

– Да вот работаю. Готовлюсь к постановке «Кровавой свадьбы» Гарсиа Лорки в театре «Ромэн».

– Успехов вам.

– А вам клева.

– Спасибо!

Яншин в качестве главного режиссера театра имени Станиславского присутствует на заседании коллегии Министерства культуры. Ведет коллегию министр Екатерина Фурцева.

- Екатерина Алексеевна, меня ваше министерство и вы постоянно с утра до ночи учите, как мне работать, что и как ставить. Я устал от подсказок. Я вот, например, не подсказываю колхозникам и их передовой представительнице мадам Загладе, как и зачем продавать огурчики за бешеные деньги!

Общеизвестно, что после этих слов Михаил Михайлович уже с затруднениями продолжал руководить театром, ощущая на себе пресс чиновничьего мира.

Как-то пригласили Михаила Михайловича Яншина поработать на дублировании иностранной кинокартины.

А делается это так: на экране идут склеенные в кольцо несколько десятков метров пленки, кадры которой повторяются до тех пор, пока наш артист не рассмотрит смыкания губ иностранного артиста и не «вложит» в эти смыкания русские слова (текст лежит на пюпитре перед глазами дублера).

Михаилу Михайловичу предложили озвучить полного по комплекции, очень похожего на него французского артиста, но, в отличие от размеренного, с придыханием, медленно говорящего Яншина, «выталкивавшего» свой текст, подобно пулеметной очереди. Колечко пленки, предложенное для пробы, было продолжительным, слов много. И Яншин, конечно же, «застрял» в этой ювелирной охоте за синхронным попаданием русских слов в смыкания губ «пулеметноговорящего» артиста. Устал, взмок. Время идет. Режиссер, молодой человек, очень осторожно осведомился:

- Ну как, Михаил Михайлович, может быть, попробуем записать?

- Давайте попробуем. Но вот какая петрушка получается... В отдельные слова я кое-как попадаю, вроде бы синхронно получается, а вот попасть в смыкания нескольких слов и тем более в весь этот отрывок... Не знаю, не знаю... Ну давайте попробуем.

Режиссер командует «мотор!». Это означает, что сейчас пойдет запись. Тишина. На экране пошли кадры, герой картины уже начал говорить. Михаил Михайлович, уже сбросивший пиджак, подготовившийся к бою с экраном, набирает воздух, приближается к микрофону и... «А уже все кончилось», - жалуется он режиссеру. Было несколько попыток поймать синхронность и записать «кольцо». Безрезультатно! Преодолеть темп речи француза наш русский Яншин не смог и на прощание, расстроившись, сказал:

- М-да... Эта адская работа не для беленького человечка!

Самое смешное в том, что в зале в это время сидел артист, которого Яншин не знал, и фамилия которого была Беленький. Яша Беленький потом был утвержден на роль «пулеметного» француза.

Сценка, происшедшая между Яншиным и режиссером мультфильма, когда Михаил Михайлович должен был говорить за огурчика-корнишончика, может показаться ерундой, чудачеством. Но каждому истинному профессионалу она дорога, как образец высоко ответственного отношения к своему труду. На вопрос режиссера, понравилась ли ему роль огурчика, Яншин ответил:

- Очень сложно действовать в образе огурчика. Нужно нам договориться, какой у него характер, знает ли огурчик, что его съедят. Потому что, если знает - это один жанр, если нет - другой. Он может быть замкнутым, мало слов произносящим в первом случае и

болтливым, легкомысленным, звонким – во втором. Потом, ведь очень важно, каким вы будете рисовать для экрана этот огурчик? Если он перележал на грядке – это одно, если только-только завязался на корню – это другое, если он сорван и находится в руке сорвавшего – третье, если лежит в ведре в компании других огурчиков – четвертое. Важно еще и то, где в ведре он лежит: если сверху – я буду говорить свободно и легко, потому что свободно и легко дышу, а если он где-то в середине или на дне ведра – пойдешь поговори бодро, придушенный своими же собратями, – это драма, Освенцим какой-то...

Я знаю по рассказам работников студии, что в каждом мультфильме, в котором текст разыгрывался до появления на свет рисованных героев, роли, исполнявшиеся Яншиным, всегда выходили у художников очень похожими на полненького Михаила Михайловича. И были всегда такими же обаятельными, как он.

– Женечка, – обратился ко мне Михаил Михайлович. Это было в начале 50-х годов, когда я работал в руководимом им Театре имени Станиславского. – Мне очень нравится, как вы аппетитно едите. Пойдемте-ка в ресторан «Баку» пообедаем. Рассчитаемся так: кто съест больше, тот не платит.

Несмотря на то, что зарплата моя была просто нищенской, никудышной, и обед мог обойтись в сумму, большую, чем ее полумесячный размер, отказаться от такой компании я был не в силах. Надеялся, конечно, на победу, так как знал бездонность своего полуголодного организма. Заказываем легкое кахетинское в бутылках по 800 граммов и к каждой один шашлык. За разговорами о театре, о ролях, о постановках время шло незаметно и так же незаметно сменялись яства. Наступило насыщение, но победитель не выяснен.

Заказываем еще, если не ошибаюсь, по четвертой бутылке и по четвертому шашлыку. Взмокли, дышим тяжело. Каждый хочет победить. Я с невероятными усилиями допиваю и доедаю все поданное. Михаил Михайлович не справляется с последним, как назло, самым жирным куском шашлыка. И проигрывает, выдохнув из себя:

- Не могу, не могу больше. Проиграл, плачу...

Через двадцать минут мы были уже на ипподроме, где проводились рысистые испытания, которыми очень увлекался Яншин, и не без успеха: иногда даже выигрывал в тотализатор. Оставив меня у забора, отделявшего зрителей от беговой дорожки, в состоянии, когда уже свет не мил и хочется только спать, он отправился в кассы делать ставки. Прошло два заезда, то есть 40 минут. Яншин подходит ко мне и говорит:

- Я немножко выиграл. Пойдемте, Женечка, в ресторан. Я угощу вас замечательной соляночкой!

Мне, пардон, стало плохо.

Позже, услышав от меня пересказ всей этой эпопеи, один из лучших друзей Михаила Михайловича - Андрей Петрович Старостин, знаменитый футболист, обаятельный и мудрый человек, сказал мне:

- Вы плохо знаете Яншина. Съеденное им в ресторане «Баку» - легкая закуска перед обедом на бегах. Он специально проиграл вам соревнование, чтобы освободить вас от оплаты. А чтобы это выглядело красиво и чтобы вы внутренне торжествовали победу, сыграл вам этот этюд «объевшегося человека».

Через несколько месяцев я случайно оказался с Михаилом Михайловичем за столиком в буфете театра. Нам подали кофе и по паре бутербродов. Все было поглощено, но, в отличие от Яншина, я оставил в чашке

глоток кофе, а на тарелке остаток бутерброда. Когда буфетчица подошла к нам за расчетом, я сказал:

- С меня за двоих, я проиграл и поэтому плачу!

Яншин хохотал, как всегда непосредственно и заразительно, до слезинок, и, переводя дыхание, подытожил:

- Ничья! 1:1.

В каждом доме бывают моменты, когда запасы продуктов съедены, в холодильнике и на кухне - хоть шаром покати, но не в каждом бывает так, как случилось в доме Яншина...

Михаил Михайлович очень поздно пришел домой.

Раздеваясь в передней, спросил у открывшей ему дверь домработницы Нюши:

- Есть ли что-нибудь поесть?

Услышав, что ничего нет, уткнувшись в висевшее на вешалке пальто, заплакал, как обиженный, обделенный конфеткой мальчик...

В Театре имени Станиславского в должности главного администратора работал человек, заметный хотя бы потому, что весил более 150 килограммов. Он был владельцем огромной шишки на лбу, что придавало ему вид какого-то сказочного героя, доброго и умного. Это был любимец театра Яков Моисеевич Гитман. К нашей великой радости, у него была загадочная странность: он давал в долг в два раза больше той суммы, которую вы у него просили.

- Яков Моисеевич, одолжите, пожалуйста, двадцать пять рублей.

- Пожалуйста, вот вам пятьдесят.

- О спасибо, спасибо. Яков Моисеевич, одолжите, пожалуйста, сто рублей.

- Пожалуйста, вот вам двести.

- Ой спасибо, как кстати. - Я стеснялся попросить больше ста.

- Яков Моисеевич, одолжите, пожалуйста, тысячу рублей. (Тысяча рублей в те дни равнялась для меня, например, двухмесячной зарплате.)

- Пожалуйста, вот вам две тысячи рублей.

Эта феноменальная щедрость заинтриговала Михаила Михайловича Яншина.

- Я разгадаю, в чем тут дело. Попрошу в долг большую сумму, и все станет ясным: принцип ли это, щедрость или просто пижонство.

Встреча с Гитманом не заставила себя долго ждать.

- Яков Моисеевич, у меня к вам просьба: не могли бы вы мне одолжить двадцать тысяч рублей буквально на несколько дней.

- Вечером, пожалуйста, - невозмутимо ответил Гитман. И действительно принес не двадцать, а сорок тысяч рублей.

Яншин был поражен и смущен:

- Ради Бога, извините меня. Но деньги мне не нужны, возьмите их обратно. Я хотел проверить стабильность вашего принципа одалживать людям таким непостижимым методом. В чем секрет, Яков Моисеевич, ведь почти весь театр заинтригован?

- С удовольствием объясню: когда я давал людям в долг то, что они просили, многие из них забывали отдавать деньги. Но когда я стал давать вдвое больше, это стало как осколок: обязанность вернуть деньги врезалась в память. И все стали возвращать аккуратно, день в день.

Через некоторое время Яншин и Гитман встретились в Доме актера у буфета, который торговал, кроме всего прочего, апельсинами, бананами.

Гитман обратился к Яншину:

- Михаил Михайлович, я забыл взять с собой деньги. Если можно, одолжите мне, пожалуйста, до завтра десять рублей, хочу взять домой фруктов.

- Пожалуйста, - радостно ответил Михаил Михайлович, - вот вам двадцать рублей!

Гитман, чуть не пустив слезу, сказал:

- Спасибо! Я никогда не думал, что главный режиссер театра, да еще такой, как вы, станет моим таким способным учеником!

- А я - что вы моим учителем-должником! Нам надо отметить эти два выдающихся события. Девушка, налейте нам два фужера шампанского!

И два добрых толстяка чокнулись.

Мало кто знает, почему, несмотря на свою огромную популярность, Яншин не появлялся на концертных площадках в одиночестве, а только со своими коллегами в отрывках из спектаклей театра. Триумфальное исполнение молодым Яншиным роли булгаковского Лариосика из «Дней Турбиных» принесло ему славу и массу приглашений на концерты, в кино, на радио. Как-то еще в начале своих сольных выступлений он был приглашен в Колонный зал, на самую престижную концертную площадку Москвы.

- Позвольте представить молодого артиста Художественного театра Михаила Яншина, - объявил конферансье.

Дружные аплодисменты придают уверенности каждому артисту. Выход на сцену - воля и внимание собораны, сосредоточенность полная. Произносится первая фраза, и вдруг - ни к селу ни к городу - смешки в зале. Текст сам по себе не мог вызвать такой реакции, он был нейтральный и только вводил в суть рассказа Чехова. Еще фраза - смех усиливается. Яншину делается не по себе. Первая мысль - что-то с костюмом не в порядке. Путая текст, произносит еще одну фразу - всеобщий смех и бурные аплодисменты.

Яншин, растерянный, красный от волнения, по инерции кланяется и уходит со сцены.

Оказалось следующее: как только Яншин произнес первые слова рассказа, на сцене за его спиной появился пожарный в железной каске, в обмотках вместо сапог, важно покуривая козью ножку. За день до концерта он был принят на работу и важно обходил свои владения.

Историю эту рассказал сам Яншин. Что было дальше с пожарным и с Михаилом Михайловичем в тот вечер – не знаю. Но то, что после этого концерта Яншин один никогда не выходил на эстраду – знаю точно.

Самые сильные впечатления от Яншина, оставшиеся в моей памяти, – это его преданность друзьям, объективная оценка своих творческих возможностей и преклонение перед мастерством других. Вот тому примеры.

Беззаконие сталинских времен коснулось и спортсменов: знаменитые братья Старостины, гордость советского спорта – Николай, Александр, Андрей и Петр – были арестованы и сосланы в разные концы страны. Рискуя своим благополучием, Михаил Михайлович посылал своему другу Андрею Петровичу Старостину в лагерь посылки. И это в то время, когда от страха родственники могли отказываться друг от друга или даже подтверждать клевету.

Другой пример. Главные режиссеры театров, как правило, ревниво относятся к приходу сильного режиссера и предпочитают иметь под рукой уступающих им в одаренности. Каково же было мое восхищение Михаилом Михайловичем, когда он с радостью принял мое предложение пригласить в Театр имени Станиславского гениального Алексея Денисовича Дикого руководителем моей первой постановки пьесы «Правда об его отце». И каково было восхищение всей труппы театра, когда Яншин сам устроил торжественную, с участием симпровизированного оркестрика, встречу первого прихода Дикого в театр! Каким прекрасным и чистым, не боявшимся

конкуренции, даже не очень выгодной для себя, утвердил себя Яншин в глазах всего театра, когда с большим интересом, молча, не желая мешать никому, подсматривал репетиции Дикого. Это было не только трогательно, но и очень поучительно.

Михаил Аркадьевич Светлов

Михаил Аркадьевич Светлов всегда казался мне худеньким цыпленком, в глазах которого – удивление. И еще тоска. Но этот не очень громкий, скромный человек был очень мужественным. Будучи смертельно больным и зная это, выпустил несколько сборников стихов. О его чувстве юмора ходили легенды. Однажды Михаил Аркадьевич позвонил своему другу и сказал: «Рак у меня есть, привези пива». Спросил в Литфонде, по какой категории его будут хоронить, и, узнав, что по высшей и что по смете это будет стоить тысячу рублей в старых деньгах, попросил похоронить его по третьей категории, что стоило значительно меньше, а разницу в деньгах выдать на руки... на пиво...

Не все ладно складывалось дома. Часто засиживался в ресторане. Бывало, брал такси, просил водителя почитать книгу или погулять, а сам засыпал в машине на несколько часов. Платил в несколько раз больше положенного по счетчику.

Для одного из спектаклей Театра имени Станиславского Михаил Аркадьевич написал песенку. После премьеры в складчину устроили банкет. Светлов – человек щедрый, бессребреник – внес самую большую лепту. Все прошло весело, шумно. Каждому участнику спектакля Светлов написал на афише шуточные стишки, и каждый читал их вслух. Это было нечто вроде тоста. Не прочел его посвящения я один. Банкет закончился. Я провожал Светлова до дома.

– Стагик! – Он немного грассировал. – А почему ты не прочел то, что я тебе написал?

– Да мне неудобно было, Михаил Аркадьевич. Я – в главной роли, сорежиссер, а вы мне написали... Неудобно как-то читать.

- А что я написал?

- Вы написали: «На сцене ты чудесник-чародей. Отдашь ты двадцать пять рублей?» Я не брал у вас денег - мне было неловко.

- Ты смешной человек. Напгасно не прочел. Так ты не бгал у меня двадцать пять гублей?

- Слово вам даю: никогда в жизни.

- Знаешь, подведи меня к фонагю. Вон к тому, там светлее.

Он полез во внутренний карман, долго рылся там, потом опять спросил:

- Так ты точно говоришь, что не бгал у меня двадцать пять гублей?

- Клянусь. Достает деньги:

- На тебе двадцать пять гублей, я гифму не нашел.

В коктейль-холле на улице Горького сидел Михаил Аркадьевич и потягивал через соломинку коктейль. Вошел Константин Симонов, увидел его, всплеснул руками.

- Миша! Стагик! - Симонов тоже немного грассировал. - Ты что здесь делаешь?

- Газве не видишь? Утопающий за соломинку хватается.

- Пегестань валять дугака! Тебя десять дней ищет министр культуры товарищ Михайлов! Почему ты к нему не являешься? Ты что, боишься министра культуры?

- Нет, я министра культуры не боюсь. Я боюсь культуры министра.

В последнее время Светлов жил один в однокомнатной квартире. В этом же доме жила актриса Ольга Аросева. Как-то он обратился к ней:

- Оля, у меня к тебе такая пгосьба. Уезжаю недельки на тги. Пегед отъездом хочу посидеть с дгузьями. Ты знаешь, у нас, евгеев, целая индейка - как бы символ богатства, символ счастья. Пожалуйста, закажи в гестогане целую индейку, и чтобы на блюде!

Скажи – для меня. Пусть зажагят хогошую-хогошую индейку.

Ольга Александровна выполнила просьбу. Привезли индейку, поставили блюдо на стол. Светлов встретился с друзьями и уехал. Через две недели лифтерша обращается к Аросевой:

– Ольга Александровна, какой-то запашок из светловской квартиры.

Ключи были у Ольги Александровны. Вошли в квартиру: пустые бутылки, все закуски съедены, а в центре стола на блюде лежит нетронутая огромная индейка!

Все убрали, помыли, индейку выбросили. Приезжает Светлов, Аросева к нему:

– Михаил Аркадьевич, что же вы? Такие деньги бешеные за индейку выбросили. Все съели, выпили, а она нетронутой осталась?

– Оля, неужели ты думаешь, что я позволил бы своим дгузьям пгитгонуться вилкой или ножом к евгейскому счастью?!

Светлов встречает Аросеву у подъезда дома:

– Олечка, я хотел с тобой посоветоваться. Я ведь пгофан в ппрактических делах. Мне лифтегша постигала тги губахи. Я ей за это купил шегстяной отгез. Я ее не обидел?

Мое самое любимое изречение Михаила Аркадьевича: «Счастье поэта – всеобщее, несчастье – конфиденциальное».

Евгений Павлович Леонов

В 1946-1947 годах по лестнице Театрального училища имени Щепкина, на этаж выше наших классов, туда, где располагалась балетная студия при Большом театре, частенько поднимался симпатичный, полноватенький, коренастенький молодой человек, обладатель пухленьких розовых щечек и очаровательной, стеснительной улыбки... Ну никак не похожий на длинноногого и поджарого балетного франта с гордо поднятой головой и с миной человека, обремененного философскими размышлениями... (Став очень известным и маститым, Евгений Павлович Леонов на вопрос корреспондента «Огонька» «Какое человеческое качество, одно-единственное – самое главное для вас?» – ответил: «Стеснительность!»)

Никто из нас, щепкинцев, не знал и не понимал, чем он там наверху мог заниматься? Да и вообще, кто он и откуда? И лишь в 1994 году, в беседе со старшим братом Леонова Николаем Павловичем я выяснил, что Женя учился актерскому мастерству в театральной студии у Андрея Александровича Гончарова, а музыкальное образование (уроки пластики, движения и танца) получал в экспериментальной студии синтетического искусства при Большом театре, художественным руководителем которой был знаменитый балетмейстер Ростислав Захаров...

В 1948 году мы стали коллегами: нас приняли в труппу Театра имени Станиславского, главным режиссером которого был Владимир Федорович Дудин. Расположен был театр в подвальном помещении расформированного к тому времени театра Дзержинского района на Сретенке, в Последнем переулке (теперешней улице Хмелева), где сейчас

находится филиал Академического театра имени В. Маяковского. Коллектив первого в нашей жизни театра сложился из учеников великого реформатора. (К сожалению, К. С. Станиславский ушел из жизни, не успев довести до конца программу создания из студии Нового театра, что, естественно, сказалося на художественном развитии осиротевшего коллектива не в лучшую сторону.) Женя говорил в своем последнем огоньковском интервью:

- Нам было не просто... Что у меня, что у Жени Весника, что у Жени Шутова, что у Жени Урбанского...

Естественно! Ведь все им перечисленные - «чужаки», «пришлые», да еще начинающие, обучавшиеся к тому же у разных педагогов, имена которых - независимо от степени их одаренности - меркли пред культовой личностью Реформатора! (А он, между прочим, неоднократно говорил и писал о том, что его система не нужна талантам, ибо каждый из них - своя система!) Для костяка труппы - учеников Константина Сергеевича - мысли их педагога были абсолютom в искусстве. (Не потому ли, что их собственных способностей не хватало на свои творческие поиски, находки?)

В отличие от «старожилов» театра-студии, возведших в идеал актерского мастерства лишь органику (естественность) и верное действие (что, конечно же, основа и трамплин для творчества и импровизации), но превративших эту основу в самоцель, Женя Леонов уже в начале своего творческого пути, не теряя «собачьей актерской правды», преодолевал невероятными усилиями (только близкие его товарищи знали об этом) комплекс неуверенности в себе из-за своих специфических и (как казалось ему) ограниченных внешних данных (невысок, толстоват, носат, неуклюж, стеснителен, малоподвижен, неидеальная дикция и т. д. и т. д.). Но

уже тогда потихонечку-полегонечку проявлялся широкий диапазон его потенциальных творческих возможностей... Внимательный глаз уже тогда замечал его способность в самых маленьких, с ограниченным словесным материалом рольках выражать суть очень разных человеческих характеров. И при этом не только средствами органики, но и внешней и внутренней характеристиками, средствами разных темпов и ритмов.

Из истории театральных курьезов.

Очень крупный артист императорского театра (каждый раз почему-то называют другую фамилию), появление которого на сцене и уход награждались аплодисментами зрителей, поспорил с коллегами: «Вот выйду статистом в массовой сцене, в ничего не значащей бессловесной роли, изменю до неузнаваемости свой облик – то и тогда вызову аплодисменты зала». И он выиграл спор. Вечером появился на сцене не узнаваемым даже коллегами, не то что зрителями, пробыл там вместе с двумя десятками статистов положенное время, ничем не обращая на себя внимания, проделал все, что было положено делать другим, и покинул сцену, как все, повернувшись к зрительному залу спиной, но... последним! И вдруг – хохот и аплодисменты! Дело в том, что уходил он со сцены еле-еле передвигая ноги, штаны его, заштопанные на деликатном месте, представили публике богатую мозаику из ярчайших лоскутов, а рукава его грязной-грязной куртки были залатаны белой тканью...

В связи с рассказанным выше – другой случай. Группа артистов театра – учеников Станиславского! – «отбывает повинность», изображая в массовой сцене спектакля «В тиши лесов» (постановка Б. И. Равенских) советских колхозников, стыдливо прикрывая свои негримированные лица платочками, разными

головными уборами, наспех прикрепленными бородами, усами. Или просто прикрываясь руками – дескать, зубы болят или солнце светит в глаза. Среди них – молодые Женя Леонов и Игорь Козлов... Первый – с обгрызанной буханкой черного хлеба в одной руке и с наполовину выпитой бутылкой молока в другой, беспрестанно жующий и как бы плохо слышащий, поэтому часто спрашивающий (не слышно, конечно, для зрителей) у Козлова, о чем речь. И в ответ каждый раз получающий толчок – дескать, отстань, дай послушать! На голове у Леонова – лихая выцветшая кепочка, щечки красненькие, нос курносенький. Ангелок! Второй, Козлов, – с огромным топором в одной руке, другая перевязана бинтом, чуть-чуть тронутым красной краской. Под мышкой у него две доски – всех они задевают, всем мешают, челка волос свисает на горящие от любознательности глаза. Он весь – внимание!

Массовая сцена закончилась, громко звучит музыка. Все расходятся, но наши герои (подобно большому актеру старого театра) – последними! Леонов громко (все равно зрители теперь уж ничего не слышат – музыка заглушает) спрашивает о чем-то у Козлова, тот по-доброму, шутя, пугает его топором, а Леонов – ангел! – очень зло замахивается на него буханкой... В зале смех. Покидая сцену, Козлов резко меняет направление своего движения и длинноватыми досками больно хлопает по Леонову, который, не разобравшись, откуда удар, ищет обидчика в направлении, противоположном движению партнера. Лицо растерянное, ребячье, чистое, дурашливое! Он один на сцене. Аплодисменты!

Прошло полвека, но до сих пор стоят в глазах эта сцена и оба моих любимых артиста! Минимальные, ими же придуманные средства выражения, отсутствие текста, а художнический эффект велик: тут тебе и

элементы перевоплощения, и характер, и биография образа. И доказательство формулы: «Нет маленьких ролей, есть маленькие артисты». Клянусь, никого из исполнителей центральных ролей в том спектакле, убей, не помню! И как бы ни было им обидно, но лишь исполнители тех бессловесных ролей («колхозники» – и все) Е. Леонов и И. Козлов стали известными артистами, мастерами! И это закономерно! Урок! Многим! И мне тоже! Уже тогда, давно, я сказал про Женю Леонова: «Мал золотник, да дорога у него большая!»

Он служил в трех театрах, и мне казалось, что это могло затормозить его рост как театрального артиста: ведь приход в новый театр отнимает много времени и энергии на адаптацию... Я ошибался. Цитата из статьи Олега Янковского: «Леонов – актер, который умел созидать не только роли, а умел созидать счастливое состояние театра. Так было в Театре имени Станиславского, в Театре имени Маяковского и так, буквально в день его прихода, почувствовалось в „Ленкоме“. Он, как большая серьезная материя – и в буквальном, и в переносном, и в философском смысле, – притягивает к себе».

Очень хорошо сказано! Привел я эти слова потому, что мой словесный эскиз к этой теме был зафиксирован в дневнике, но не доведен до завершения: «Леонов – это не просто судьба большого артиста, это еще и тема для серьезнейших раздумий о судьбе, долге, скромности, парадоксе. Это многое еще, еще и еще».

Из последнего огоньковского интервью.

ЛЕОНОВ: «Это я с вами так разговорился, между прочим. А вообще-то я не такой уж добрый. И хулиганства во мне всякого много. В молодости мы „капустники“ делали. Однажды – на замечательного режиссера Бориса Ивановича Равенских (был он, кстати, и Рувенский, и Ровенский, и Равенский, и Ровенских. –

Е. В.). Он очень любил такую мизансцену: все бросаются на землю и начинают ее целовать. Вот мы и сделали такой безумно смешной этюд. Пустили музыку из его спектакля «В тиши лесов» – знаете? «Рос-с-и-я вольная...» Один из нас от страсти грыз бильярд. А Весник изображал дом. Я стучал. «Кто там?». И я с воплем бросался на землю и кусал ее».

И как кусал! Бешеный Отелло! Землетрясение!

1949 год. Гастроли Театра имени Станиславского в Ленинграде. Лето. Белые ночи. Гостиница «Астория». Мальчишник. Играем в домино. Леонов проиграл и прикорнул на диване. (Дирекция театра давала буквально голодавшим артистам немного подработать: грузить и разгружать декорации, «шуметь» во время спектаклей: «изображать» ветер, голоса птиц, взрывы, звон разбитой посуды, цокот копыт... Для этого за кулисами стояла специальная аппаратура... Платили нам за эти имитации горячо желанные пять рублей.) Дремлет, значит, Женя на диванчике. Чуть-чуть похрапывает... Четыре утра. По каменной мостовой Исаакиевской площади проезжает «фиакр» ассенизатора, слышен цокот лошадиных копыт. Женя, не приоткрывая глаз, печально, сквозь сон произносит: «Пять рублей поехало!».

Судьба артиста – часто «рулетка»! Сколько талантливых актеров осталось незамеченными, не востребованными, не до конца раскрытыми, не реализовавшими своих способностей. Блаженны те, судьбы которых состоялись, что дало им возможность, пусть даже и не полностью, но все же высказаться и выказать себя.

Я хорошо знаю, что такое эта «рулетка» – на себе испытал... Не знаю, как сложилась бы моя судьба, не сведи она меня с Алексеем Денисовичем Диким, проявившим буквально отеческое внимание ко мне,

следившим за моими проявлениями на театре, в кино да и на эстраде. И что главное – помогавшим реализовывать их!

Не знаю, как сложилась бы судьба Евгения Леонова, если бы не встреча с Михаилом Михайловичем Яншиным. Они немного похожи. Нет-нет! Не внешне, а внутренним обликом своим, какой-то – при внимательном наблюдении – легкой, обаятельной сентиментальностью. Может быть, поэтому, почувствовав родство душ, что ли, Михаил Михайлович проявил тоже настоящую отеческую заботу о Жене. Упорство, самоотдача, взаимоуважение, проявленные Михаилом Михайловичем и Женей в процессе создания булгаковского Лариосика, могли бы служить для всех наглядным примером настоящего служения искусству, которое непременно приносит ощущение радости от преодоления чего-то невозможного и от победы над самим собой. Не могу забыть, как Михаил Михайлович признался в том, что в Жениного Лариосика он «вмонтировал» не сыгранное им в своем, яншинском Лариосике.

Михаил Михайлович вселил в Женю первые ростки уверенности в себе. После громадного успеха в этой роли Леонов стал совсем другим – он «оперился», в глазах засветилась радостная надежда! После первых (без зрителей) прогонов «Дней Турбиных» он тихонечко спросил: «Слушай, ну как? А? Только честно!» – «Женька, гениально!» – кричал я. «Иди к черту, врешь!» – не верил он. Но когда услышал прием переполненного зрительного зала, возгласы «браво!», убедился в том, что играет грандиозно, – плакал! Я видел это своими глазами: он сидел в гримуборной, сгорбившись, смотрел в пол и плакал! Кто-то принес бутылку вина. Разлили, чокнулись. Женя глотнул и... поперхнулся... перед нами стоял смешной человек, он кашлял, смеялся и плакал... От счастья!

1950 год. Гастроли театра в Таллине. С большим успехом идет спектакль «Правда об его отце». Женя в роли энергичного немецкого мальчишки Отто, члена антифашистского союза прогрессивной молодежи. Верилось, что обаяние, смелость леоновского героя, правдивость, искренность и темперамент заставляли молодых членов бывших фашистских организаций пересматривать свои жизненные и идеологические позиции и примыкать к союзу. Это и было основной темой, сверхзадачей спектакля. Воспоминания о войне были еще свежи, они жили в сознании людей, проблемы строительства и немецкого и нашего государств были первозначимыми, трепещущими...

Лев Елагин – мой коллега по постановке спектакля «Правда об его отце» – где-то достал книжку «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше (в переводе с немецкого Ю. М. Антоновского, напечатанную в 1911 году в Санкт-Петербурге издательством «Прометей»). В программах средних школ, театральных училищ, институтов и академий фамилия Ницше тогда не встречалась, а если и произносилась кем-либо вслух, то непременно тихо, с оглядкой и в «проверенной» компании. Но так как таких компаний быть тогда (да и сейчас, пожалуй, тоже) не могло, люди часто рисковали своей судьбой. Время было боевое – все под взведенным курочком!

Мы с Женей прочли книгу и... сознались друг другу в том, что она потрясла нас. Сейчас смешно об этом писать, но признались мы в этом шепотом, в закуточке. Смешно это и страшно, но личность Левы Елагина показалась нам явно «загадочной» и даже... Одним словом, «первым делом, первым делом Государство, ну а человеки уж потом!». И представляете себе, читаем вдруг у Ницше: «Кое-где существуют еще народы и стада, но не у нас, мои братья: у нас есть государства»

(глава «О новом кумире»). «Государством называется самое холодное из всех холодных чудовищ. Холодно лжет оно, и эта ложь ползет из уст его: „Я, государство, емь народ!“

Это - ложь! Созидателями были те, кто создали народы и дали им веру и любовь: так служили они жизни».

Мы с Женей бледнели. Крамола! Как можно такое писать! Что же это за своемыслие? Враг!

Елагин - умный, образованный человек, талантливый артист и режиссер - был намного старше нас. Тем не менее, руководствуясь самыми добрыми, искренними, советскими помыслами, мы не рекомендовали ему впредь давать кому-либо читать этот антигосударственный «бред» и «кошмар». Лева, помню, похлопывая нас по плечу, изобразил (как теперь понимаю) на лице испуг и дал клятву члена партии (нам, беспартийным) следовать нашим наставлениям, но... Попросил нас, со временем, когда мы станем совсем уж взрослыми и самостоятельными в своих суждениях, все же найти эту напугавшую нас книгу и внимательно ее прочитать еще разок.

Прошло много лет. Ницше стал появляться на советских книжных полках.

Встретились мы с Женей на концерте в кинотеатре «Варшава».

- Ну как, признайся, вспомнил ли ты наставления Елагина?

- Да-да, слушай, Весник. Я обалдел от Ницше! Гений! Прочел еще и «Антихристианина». Ну, знаешь, грандиозно! А из «Заратустры» даже наизусть запомнил и иногда использую этот текст после концертов, когда вопросы разные задают. Слушай: «Рождается слишком много людей: для лишних изобретено государство!» А? Как? Ничего? Или вот еще: «Посмотрите же на этих лишних людей! Они всегда больны, они изливают свою

желчь и называют это газетой. Они проглатывают друг друга и никогда не могут переварить!»

Через некоторое время, узнав о том, что мы снова встретимся на концерте (помню, в МАИ), я специально выписал для Жени еще одну цитату из того же «Заратустры», чтобы он и ее наизусть выучил: «Там, где оканчивается государство, начинается впервые человек, который не есть лишний, там начинается песнь тех, кто необходим, мелодия, единожды существующая и невозвратная.

Туда, где оканчивается государство, туда смотрите, мои братья! Разве вы не видите радугу и мосты, ведущие к сверхчеловеку?

Так говорил Заратустра».

- Да-да-да, вспоминаю. Это из главы «О новом кумире». Здорово, здорово... Но все спорно... Все не истина... Недаром же говорят: «Истина, переданная из уст в уста, - уже истина!» Вот я тебе, знаешь, что скажу... - Леонов произнес страшные слова. Не хочу их комментировать, не хочу их трактовать каким-нибудь образом... Глупо. Я их просто приведу, как помню. - Что там Ницше, что там споры о государстве, о философах, о сверхчеловеке. Вот когда меня за границей вернули на свет Божий, вытащили назад... оттуда... Ну, конечно, рад был и сына увидеть, и жену, и небо, и многое, многое другое... Водички рад был попить, глоточек... Но о Ницше и государстве, извини, не думал. А потом уж, когда работать стал, так худо становилось. Я ведь один, только один я знал, как мне, ох как мне худо было. Так худо, что, бывало, подумаешь: ну на черта немцы меня воскресили! И ругаешь их, замечательнейших врачей, последними словами. Вот так, честно тебе говорю. А Ницше - сверхчеловек, песня... Конечно, все это интересно, это все необходимо читать. Даже просто для нашей профессии пригодится... А то, что ты мне принес, учить наизусть не буду... Нет времени. Мне бы еще пару

ролей сыграть – одна мечта и отрада. А ты помнишь, Весник, как мы с тобой Ницше перепугались и растерялись. Смешно. (Хохочет.) Ей-богу, и смешно, и грустно. Да и стыдновато. Всегда, кстати, так бывает: грустно, но и смешно. Смешно, но и грустно. Чаплиниада. Вот чудачки-то были мы с тобой! А? Что время-то делает! Раньше и Библию-то никто из советских не читал. Не хотели. Боялись. А бывало, и не знали, с чем ее едят. И не модно было. А теперь ее необходимо детишкам самым малым читать, прямо с двух лет. Теперь Библия – лучшая конституция. Десять заповедей Божьих да Нагорная проповедь Христа – вот тебе и конституция – спорить не надо, и бумагу портить незачем.

– Женька, дай я тебя обниму. Ну просто мои мысли ты встряхнул. Спасибо тебе, – сказал я.

Мы обнялись. Помню, чуть слезу не пустил.

– Как ты сейчас себя чувствуешь?

– Старик, долго и нудно рассказывать, – ушел от ответа Леонов.

– Евгений Павлович, ваш выход, – на ходу бросил режиссер концерта.

На сцене ведущий объявлял: «Народный артист Советского Союза Евгений Леонов».

Женя мгновенно изменился – исчезла печальная полуулыбка, глаза заблестели, он нервически потер ладонь о ладонь и энергичной походкой двинулся на «амбразуру». Шквал аплодисментов долго не смолкал и при его появлении, и когда он прощался со зрителями. Я подумал тогда – вот оно – лекарство для артиста: признание твоего таланта и жажда людей встретиться с тобой. Аплодисменты – один из неотъемлемых компонентов этого признания! Надо видеть глаза артиста, покидающего после выступления сцену, слышать его частое дыхание, представить себе, как учащенно бьется его больное сердце, и только тогда

можно понять, какое счастье для артиста заслужить аплодисменты зрителей, испытавших от общения с ним чувство радости. Взаимной радости!

Неуверенный в себе или ленивый артист «выжимает» все из первого же (часто бывает и последнего) успеха – зарплату, интервью, квартиру, концерты... Получит – не получит, а потом ждет... Чуда! Это – удел бездельников! У Н. Бердяева есть строчки о том, что ожидание чуда – одна из слабостей русского народа, один из самых больших соблазнов. Истинно одаренный артист не останавливает своего внимания на успехе, он устремляется на зов будущих работ, ему некогда смаковать восторги окружающих, он спешит и старается продлить этот восторг, оправдывая его новыми творениями. Ему некогда «важничать», он уже в новой работе, в плену новой роли, он уже не принадлежит себе... Это постоянное устремление в тайны новых ролей отнимает время и возможности для «дегустирования» своей популярности... Нетрудно представить себе трагедию такого артиста, как Евгений Леонов, блистательного и в кино, и в театре, и на концертной площадке, когда внезапно обрушившаяся на него смертельная болезнь сердца выбила его из привычных ритмов и темпов жизни, отняв силы, здоровье, свет и улыбку! Слава Богу, обошлось. На время.

Когда после поклонов он вернулся за кулисы, я не мог не сказать: «Женька, дай Бог тебе, дорогой мой, здоровья и долгой жизни! Дай Бог». Это была наша последняя встреча. Бог не услышал моих... наших молитв.

Но память, словно в утешение, возвращает меня в молодость.

1950 год. Вечеринка моего драмкружка. Женя Леонов – наш гость. Гостю все понравилось, особенно

одна молодая инженерша, разведенная хозяйка трехкомнатной квартиры. Получилось так, что мы оставили их вдвоем... Не прошло и пяти минут, как Женя выскочил со слезами на глазах из комнаты, схватил пальто и, не сказав никому ни слова, ушел.

- Что случилось? - спрашиваю хозяйку.

- Он хотел меня поцеловать, - отвечает. - Я не позволила. Тогда он расплакался и сказал: «Одолжи мне два рубля на такси!» И вот уехал!

Женя Леонов повзрослел, стал мужем, отцом, дедом; стал знаменитым, популярным, любимым; поседел немного, но в памяти моей остался чистым, наивным ребенком с пухленькими щечками и немножко печальными глазами... Женя Павлович, дорогой друг!

Ляля Черная

Святой Иоанн Златоуст говорил: «Чистые сердцем – это те, которые приобрели всецело добродетель, то есть постоянное доброе расположение сердца, лежащее в основе всех их дел, которые не сознают за собой никакого лукавства... только чистому сердцем дано лицезреть Бога».

С таким чистым сердцем жила Надежда Сергеевна Киселева. Ею нельзя было не восхищаться, невозможно было не видеть, не чувствовать в ней существо незаурядное. Равным в этой удивительно красивой, с огромными выразительными глазами, элегантной женщине были доброта, честность, открытость, хлебосольство. Она все умела делать красиво: танцевать и петь, любить и ненавидеть, смеяться и плакать. Она была чрезвычайно темпераментна, но беззащитна, легко ранима. Всегда была окружена людьми, но в то же время – одинока. Умела самозабвенно любить, но и разлюбить тоже, и честно в этом признаться.

Ее душа была открыта для всех, но мало кем понимаема. Ее широкая натура толковалась часто как чуть ли не распущенность, а доброта – как ложная поза, самореклама.

Она была душевно богата, очень популярна и любима народом, а материально весьма бедна. Если от случая к случаю подрабатывала, то потом все раздаривала или отдавала, помогая подчас незнакомым людям. Заболевал работник театра, родственник или просто знакомый – Надежда Сергеевна, как правило, первой навещала их, доставала лекарства, приводила медицинское светило.

Как-то по телефону сообщила, что закончила концертную поездку, получила гонорар, радовалась возможности рассчитаться с долгами и просила через два дня встречать ее. Приехала без копейки: все отдала цыганам, узнавшим ее – свою королеву! Свою Лялю Черную! Ну как же она, королева цыганская, и не поможет цыганскому табору?!

Как-то одна из дам, гостивших у Ляли, воскликнула: «Ах какая у вас кофточка!..» И ушла домой в этой «ах какой кофточке». Однажды хозяйка дома, принимавшая у себя Лялю, восхитилась ее гранатовым браслетом и тут же стала его обладательницей. После сильного дождя в один из летних дней Ляля пришла домой без туфель, босиком – она встретила пожилую женщину с 10-летней девочкой, просивших милостыню. Девочка была без обуви...

На комплименты незнакомых мужчин в разных вариантах отвечала примерно так: «Слова свои в пустоту ты говоришь. Завтра другой артистке такие же слова скажешь... Ты эти красивые слова жене скажи – посмотришь, какая она счастливая будет! Не надо чужим женщинам такие красивые слова говорить! Жене говори! Дома хорошо тебе будет! И ей хорошо будет!»

Однажды на вопрос «Сколько вам лет?» ответила: «Ой! Так просто, с ходу – не подсчитать!»

Она не имела ни высшего, ни даже законченного среднего образования, но благодаря удивительной интуиции была мудрее многих ученых специалистов.

Мне трудно документально доказать то, что я сейчас скажу о ней. Поверьте на слово, что это правда. В наших разговорах она часто размышляла о Родине, о правителях, об искусстве. Еще в 50-х годах она предсказала крах партии коммунистов и как следствие этого краха – развал Союза! Она была набожна и предсказывала Божью кару за расстрелы невинных, за лживость правителей, называла страну концлагерем! И

это притом, что она была совершенно непричастна к политике, очень далека от нее.

Я знал знаменитых наших художников, которые, не найдя названия своим живописным опусам, специально приглашали Лялю, чтобы выслушать ее впечатления от их работ. Интуиция подсказывала ей смысл, настроение, главную тему картины, а затем и образное название.

Как-то, долго всматриваясь в пейзаж, она вдруг произнесла: «Какая печаль!» И картина получила название «Сельская печаль». В другой раз, любуясь натюрмортом, она воскликнула: «Ой вкуснота какая! Такое только присниться может!» И картина была названа... «Сон гурмана».

Вот так же интуитивно она предугадывала человеческие поступки в разных обстоятельствах – общественных и художнических. Она редко ошибалась в своих анализах и прогнозах. Не ошиблась она и в предчувствии печального конца своего жизненного пути.

Блиставшая на театральных подмостках и в кино, завоевавшая широкую популярность и любовь зрителей, сводившая с ума толпы влюбленных мужчин, покорявшая своим темпераментом и красотой концертные залы многих городов, она «заслужила» нищенскую пенсию (но не роптала по этому поводу) и тихо, незаметно ушла. Конечно – в рай. Она всю жизнь отдала людям и не требовала за это чего-либо взамен. Большая пенсия и пышные похороны были бы диссонансом в ее жизненном финале. Поэтому она – в раю, в ад таких, как она, не принимают. Там боятся таких, как Надежда Сергеевна Киселева, как Ляля Черная.

...Маршрут моей гастрольной поездки пролегал из Тбилиси в Самтредиа. На станции Гори мне понадобилось зайти в здание вокзала. Наш поезд

опаздывал, но пассажиров не предупредили, что 15-минутную стоянку сократили, и... я остался на перроне в одной дорожной пижаме, без копейки, один в чужом городе. Дежурный «обрадовал» меня сообщением, что в Самтредиа я смогу попасть только завтра. За багаж я не волновался: в уехавшем от меня поезде был мой коллега. Что было делать – не знал. Вдруг... метрах в двухстах от вокзала увидел табор. В кармане пижамы каким-то чудом оказалась фотография, на которой в группе артистов были запечатлены Ляля и ваш покорный слуга. Я почувствовал, что есть выход из этого идиотского положения. И не ошибся!

Знакомлюсь с бароном табора, представляюсь другом Ляли Черной, показываю фотографию и... убеждаюсь в чудодейственной силе популярности «цыганской королевы»! Я был обласкан, накормлен, напоен и одет с головы до ног: шляпа, костюм, галстук, туфли, часы. Мне дали денег. Мы обменялись адресами. Потом была нанята машина, которая доставила меня в Самтредиа значительно раньше, чем туда прибыл поезд с моим коллегой и багажом...

Вернувшись в Москву, я рассказал все Надежде Сергеевне. Мы подсчитали стоимость подаренного мне гардероба, прогона автомобиля, и я телеграфным переводом отправил деньги моим спасителям. Утром следующего дня деньги вернулись в Москву также телеграфным переводом с припиской: «Не обижай, королева».

Почему Ляля Черная? В одиннадцать лет хрупкая, как куколка, красивая девчушка зарабатывала на хлеб цыганскими танцами, сначала от случая к случаю, а позже – в серьезных концертах. Как-то кто-то крикнул из зала: «Браво, Ляля!». То есть: «Браво, кукла!». Так и пошло – Ляля, Ляля... Волосы у Ляли – лаково-жгуче-

черные. Так из соединения слов «черная» и «кукла» родилось – Ляля Черная.

Я к этим словам добавляю – светлая. Светлая Ляля Черная!

Почему «цыганская королева»? После триумфального успеха кинофильма «Последний табор» с Лялей Черной в главной роли цыганскому люду, благодарному за проявленный интерес к его жизни, было бы странным не произвести в ранг своей королевы самую популярную, самую красивую, самую добрую дочь.

К девочке Наде судьба благоволила. Не имея специального актерского образования, как и большинство артистов старого цыганского театра «Ромэн», она стала профессиональной актрисой с широким жанровым диапазоном. Ей были под силу как характерные, подчас комедийные, так и сугубо драматические роли. Врожденная пластичность и музыкальность выгодно выделяли ее в любых артистических проявлениях: на эстраде, в театре, в кино.

Судьба подарила ей общение с великолепными артистами, в том числе с Н. Хмелевым и М. Яншиным; с классической литературой и драматургией, работу над главными ролями в спектаклях «Грушенька» и «Кровавая свадьба».

Способность не терять контактов с простыми таборными цыганами, несмотря на то что слава подняла ее высоко над ними, помогла ей быть естественной в обществе самых разных людей – от академиков до трагически неимущих посторонних людей.

Жизнь сформировала неповторимое человеческое существо – светлую Лялю Черную.

Николай Павлович Смирнов-Сокольский

Я, молодой актер, крупно поспорил с директором Театра имени Станиславского. Как оказалось потом, я «шутил» с огнем: директором был двоюродный племянник Сталина.

За то, что я был с ним груб, на меня написали фельетон (спасибо – не сослали!) – «Баловень кулис». Из театра пришлось уйти. Я очень переживал, но, как ни странно, фельетон неожиданно оказал мне большую услугу. Кончался он фразой: «И тем более жалко, что такое случилось с одним из талантливейших молодых актеров Москвы Евгением Весником». Раз «талантливейший», то посыпались предложения о работе из разных театров. Я принял приглашение руководителя Театра эстрады Николая Павловича Смирнова-Сокольского. Попал в группу «Синяя птичка» под руководством Виктора Драгунского. В ней работали: Татьяна Пельтцер, Вероника Васильева, Борис Тенин, Лидия Сухаревская, Геннадий Дудник, Борис Сичкин. В спектаклях играл и сам Драгунский.

Я еще, как говорят, «не отошел» от фельетона, где мне приписали какую-то несусветную ерунду. Я даже позвонил в редакцию газеты. Мне ответили, что «форма и содержание советского фельетона допускают творческий домысел». Переживал я страшно. Успокоил Николай Павлович.

– Да перестань ты! Знаешь, что такое фельетон? – говорил он с хрипотцой, с вальяжностью в голосе. – В первый день, когда выходит фельетон, его читают все. На второй день помнят ты и редакция. На третий – один ты. На меня написали, наверное, тридцать фельетонов! Но видишь: я жив и здоров. Плюнь!

Я послушался и «плюнул».

Мне кажется, в нашей действительности не хватает знаете кого? Шутов! Да-да, шутов! Шуты не давали зазнаваться царям, правителям. Своим поведением они приучали их принимать и понимать пословицу: «Над людьми шутки шутить и над собой их любить». В словаре Даля: «Шут обычно прикидывается дурачком, напускает на себя дурь и острит под этой личиной. Пора шутов миновала, но до этого века они находили приют у каждого вельможи». Возродить бы институт шутов при сильных мира сего. Польза была бы великая. Ибо большинство наших малых и великих руководителей – жертвы удобств, некому их по-настоящему, по-доброму приземлить, принародовать! Даешь шутов!

Хорошо бы при руководителе области, края, страны учредить должность шута. Лучше из иностранцев, свободных от давления на них всякого рода ведомств!

Великим шутом в советское время был Николай Павлович Смирнов-Сокольский. Поразительно смелый, независимый, удивительно интересный человек!

Мне четырнадцать лет. Бегаем с приятелем на концерты с участием Смирнова-Сокольского. Пропуска нам доставал отец приятеля.

Шел 1937 год. Время, когда иной раз родственники боялись ходить друг к другу в гости, а тут... Со сцены Колонного зала слышим: «Я получил из деревни письмо от брата. Спрашивает, как мы живем здесь, в Москве? Я ему ответил: „Живем, как в автобусе: половина сидит, половина трясется“.

Я видел, как несколько человек буквально выбежали из зала, чтобы, не дай Бог, не призвали в свидетели! По Москве распространились слухи, что это был последний концерт Смирнова-Сокольского. Но проходит несколько дней, и свежая афиша: «Смирнов-Сокольский. Клуб имени Кухмистерова». Так называлось помещение, где сегодня работает Театр имени Гоголя.

Опять пробираемся с приятелем на концерт, опять слышим «Письмо брата». Он снова спрашивает, как мы живем в Москве. Смирнов-Сокольский отвечает: «Как в Африке. Ходим в трусах и кушаем бананы».

Дело в том, что тогда в Москву привезли и повсюду продавали бананы. А достать ткань и пошить брюки было просто невозможно...

Я как-то спросил:

- Николай Павлович, в 37-м году люди осторожничали, иной раз боялись в глаза-то друг другу глядеть. А вы ничего не боялись! Почему?

Николай Павлович относился ко мне с явной симпатией и охотно рассказал:

- Я много участвовал в правительственных концертах и частенько приглашался на банкеты. Однажды меня позвал сам Сталин и, представляя какому-то иностранному деятелю, похлопал по плечу и во всеуслышание сказал: «Это мой шут!» После этого я позволял себе Бог знает что, говорил что хотел. Никто не смел мне замечание сделать! Еще бы: сам вождь по плечу похлопал! Шута своего!

Министр культуры Е. А. Фурцева на заседании коллегии обратилась к Смирнову-Сокольскому с не очень деликатным вопросом:

- До меня дошли слухи, что вы на гастролях зарабатываете большие деньги. А я, министр культуры, получаю с премиальными вдвое меньше вас. Как вы это объясните, Николай Павлович?

И Смирнов-Сокольский, не задумываясь, прохрипел:

- Так все дело в том, барышня, что вы по-лу-ча-е-те, а я за-ра-ба-ты-ваю!

На одном из заседаний коллегии Министерства культуры кто-то из заместителей министра задал

вопрос, в большой степени адресуя его Смирнову-Сокольскому, поскольку вопрос касался эстрады:

- Как вы считаете, есть ли смысл государству содержать раздельно Ансамбль донских и Ансамбль кубанских казаков? Может быть, нам лучше объединить эти два коллектива? Отобрать лучших дирижеров, лучших музыкантов, певцов, танцоров и иметь один крепкий Ансамбль донских и кубанских казаков.

На что Николай Павлович ответил:

- Не выйдет. В 1919 году это пробовал сделать Деникин.

Когда в Советскую Россию вернулся Вертинский, в ресторане Дома актера он собрал своих старых друзей еще с дореволюционной поры. В их числе был и Николай Павлович Смирнов-Сокольский.

Александр Николаевич Вертинский в фартуке колдовал вместе с поварами, готовил разную закуску: маэстро любил готовить. Стол на тридцать персон получился изумительный. Вертинский оглядывает всех и говорит:

- Можно начинать, друзья мои?

И вдруг увидел одно пустое место.

- Боже мой, кого-то не хватает!

Смирнов-Сокольский:

- Царя!

По просьбе высокого зарубежного гостя в Кремль впервые приглашен оркестр Леонида Утесова.

Перед выступлением Утесов звонит Николаю Павловичу:

- Оркестр мой никогда в Кремль не приглашали. Уж больно непривычная атмосфера для меня, а ты там как свой, чувствуешь себя, как рыба в воде. Помогите, подбросьте мне какую-нибудь остроту, чтобы пораскованней себя чувствовать.

Николай Павлович подбросил. Впоследствии музыканты, принимавшие участие в концерте, рассказывали. Пианист Леня Кауфман:

- Я был вундеркиндом! С четырех лет играю на рояле, никогда в жизни не промахивался мимо клавиши!

Трубоч Сорокин:

- Я никогда в жизни не давал «кикса»! Тем более такого, как в Кремле!

А произошло вот что.

В зале сидел Сталин со своим окружением и тот самый высокий гость. Участники концерта перед началом пожелали друг другу успеха, и по знаку Утесова оркестр начал свой традиционный марш «Легко на сердце от песни веселой». Медленно пошел занавес. На авансцену вышел сияющий улыбкой Утесов, встал перед микрофоном - оркестр немного поубавил звучание, чтобы все было хорошо слышно:

- Мы сегодня выступаем с особым волнением. С особой ответственностью. Потому что впервые в жизни выступаем против правительства!

Вот тут-то Кауфман и промахнулся, не нашел нужной клавиши, а трубоч Сорокин дал немыслимого, как он говорил, «кикса».

Все почувствовали себя уже сосланными!

Но, увидев, что Сталин заулыбался, зааплодировал, а за ним зааплодировали все гости, музыканты встряхнулись, воодушевились и, уже раскрепощенные, уже как бы вернувшись из ссылки, заиграли со свойственным им талантом. Рассказывают, что у барабанщика в этот вечер прибавилось седых волос!

Когда что-нибудь не ладилось в работе, когда не хватало денег на реализацию какой-нибудь задумки во время постановки нового спектакля, когда возникало какое-нибудь нелепое препятствие, то на традиционный в этих обстоятельствах вопрос «Что же

делать?» Николай Павлович всегда отвечал: «Об этом надо было думать в 1917 году!»

Как-то Смирнов-Сокольский пожаловался:

- Подумайте только, меня называют антисемитом! За что? За то, что я свою любимую собаку назвал Ревеккой! Но никто не ставит мне в заслугу, что я трачу на нее уйму денег! Пять сольных концертов в месяц! Ревекка - собачка, поэтому я - антисемит. А почему меня не хвалят за то, что у меня в квартире вместе со мной живет еврейка Софья Близняковская, моя любимая жена? А из-за собачки я антисемит. Никто же не обвиняет в антисемитизме Марию Миронову, у которой по квартире уже двадцать восемь лет ходит еврей Менакер!

По радио объявили о присвоении званий: Клавдии Шульженко - народной артистки РСФСР, Илье Набатову - заслуженного деятеля искусств.

Ночь. Обиженный Набатов звонит Смирнову-Сокольскому:

- Коля, что же это такое? Нас с Клавой представляли к одинаковому званию, а получилось: ей - народную РСФСР, а мне - заслуженного деятеля...

- Илья, дорогой, не печалься! Мы тебя никогда за артиста и не держали!

Приехав с группой артистов на гастроли, Смирнов-Сокольский увидел висящий поперек улицы транспарант, на котором крупными буквами рекламировался артист Илья Набатов. В надписи были слова «известный на весь Союз», «самый популярный в стране» и так далее.

Николай Павлович вызвал местного администратора и, разыгрывая - очень добродушно, снисходительно - обиду, говорит:

- Как же так? Илья Набатов. И звания у него нет такого, как у меня. Я, так сказать, руководитель. И знают меня больше, гораздо больше. А про меня вы ничего не написали. Как-то даже неловко.

Администратор, довольно робкий человек, перепугался, занервничал:

- Николай Павлович, извините ради Бога! Я буквально к вечеру все исправлю!

Вечером, когда артистов везли из гостиницы на спектакль, они увидели над транспарантом о Набатове еще один: «Мировой артист - Николай Павлович Смирнов-Сокольский».

- Николай Павлович, поздравьте артиста Н. Его только что приняли в члены партии!

- Как увижу, поздравлю. А вообще-то ничего страшного не случилось, не надо паниковать. Наша партия и не такие удары переносила!

Смирнов-Сокольский - замечательное явление в русской культуре. Он собрал и подарил государству огромную библиотеку. Она хранится в Библиотеке имени Ленина в особом фонде. Николай Павлович был истинно русским человеком. Он не гнушался выпить, мог иногда подпустить и бранное словцо из тех, к которым в России привыкли. Но, стоило ему перейти из одной комнаты своей квартиры в другую, библиотеку, он начинал говорить шепотом и вел себя, словно мальчишка: лазил по лесенке, с восторгом показывал уникальные издания книг, журналов. И сам же в который раз удивлялся им, радовался - и все шепотом.

Но, как только выходил из библиотеки, сразу превращался в другого человека: хохотал, импровизировал! Веселый, остроумный, энергичный человек!

Иван Байда

Эти имя и фамилия в 40–50-х годах были на слуху у многих, так как под ними «скрывался» очень популярный эстрадный артист, впервые показавший на наших подмостках неожиданный номер: борьбу «двух» маленького роста человечков в сложных меховых одеждах и обуви жителей Крайнего Севера. Таким образом легче было замаскировать главный фокус: «боролся» за двоих один – Иван Байда. Ноги и руки были «одеты» в сапожки, а на две «головы», прикрепленные к спине стоявшего на четвереньках артиста, надеты большие меховые шапки, скрывавшие, как полагали зрители, лица «борцов». «Руки» боровшихся были прикреплены к игровому костюму артиста – как бы в обхват друг друга.

Долго и очень забавно боролись два «человечка», потешая зрителей: они падали, шустро вскакивали, в борцовском раже забирались быстро-быстро по стулу и клавишам на рояль, на мгновение скрывались за кулисами и выскакивали оттуда с еще большим желанием победить в этом поединке. Многие вплоть до окончания номера не понимали, что борется артист сам с собой, и легко себе представить их удивление, когда в самый неожиданный момент Байда вдруг сбрасывал с себя одежду-куклу, сапожки с рук и вставал во весь свой рост в чудесном концертном костюме и с очаровательной улыбкой на лице! Восторг!

Зрителям на жаркие аплодисменты кланялся очень интересный, талантливый и в то же время трагикомичный человек.

Был он во всем хорош: статен, красив, обаятелен, всегда прекрасно и со вкусом одет. Пользовался большим успехом у дам, но не был женат, хотя и мечтал

о семейном очаге. На вопрос «Почему он такой непостоянный?» отвечал стеснительно: «Ни одна женщина меня не похвалила. Жду ту, которая похвалит».

Одно было плохо: у него была катастрофически плохая дикция и понять его речь, а следовательно, и мысли, ею выраженные, было невероятно трудно, а порой и безнадежно. Со временем это выработало в нем характерную для него черту – крайнее малословие. Понимал его досконально один человек! Каким образом? Никто не знал и не знает.

Собрание артистов Москонцерта.

Слово по поводу обновления своего репертуара имеет Иван Байда.

– Но... кзался... ще кру стор же или (выпивает глоток воды, переворачивает страницу блокнота, тяжело вздыхает, вытирает носовым платком пот со лба) ды или фику о! цик... На киха... и успе ха-ха! Все!

Слово для перевода имеет Лев Мирон.

«Иван сказал...» (Лев Борисович пересказывает, как оказывается, очень интересные мысли Байды).

В быту в любой ситуации Иван очень хорошо обходился утвердительным или отрицательным движением головы. Восторг выражал длинным протяжным – о-о-оо! Испуг изображал дрожью всем телом, а желание употребить горячительного – энергичным потиранием ладонью о ладонь, растиранием как бы замерзших ушей и носа (даже в 30-градусную жару). Когда заговаривали о политике, делал кислую мину, после каждой рюмки крестился, любил угощать, дарить, посещал музеи, выставки живописи и скульптуры, ценил красоту, любил балет, был сострадательным человеком, мог заплакать, внимательно выслушав рассказ о чьем-то горе. Притом был наделен незаурядным и оригинальным чувством юмора.

Опоздать на репетицию во вновь организованном Театре эстрады, которым руководил Николай Павлович Смирнов-Сокольский – король эстрады, автор и исполнитель своих фельетонов, ярчайший, смелый человек, считалось жестоким поступком, неуважением к Самому Смирнову-Сокольскому!

Наказывать, штрафовать, вывешивать выговоры Николай Павлович не любил, но корить, воспитывать очень любил, что было переносить значительно больнее, нежели подвергаться административным «розгам».

...Байда опаздывает на репетицию новой программы на... О Боже! На 30 минут! Невиданно! Смирнов-Сокольский кипит, хрипит, шумит, грозит... Нос краснеет, челка все более густо спадает на лоб... Но вот в репетиционный зал входит виновато согбенный и со слезами на глазах Байда, молча садится в кресло и... молчит как всегда. Плачет и молчит. Гневный монолог Николая Павловича словно гром обрушивается на голову «преступника»:

– Ну что, мерзкий ты селезень (Иван был в прекрасном ярком костюме), что пролаешь или пропищишь мне в ответ, какие запасы слов из твоего разговорного Эрмитажа ты мне предложишь в свое оправдание? Говори внятно, по буквам. Мирова пока нет. Переводить некому!

Байда отвечает сквозь слезы, внятно и медленно:

– У меня рак.

Гнетущая пауза.

– Повтори, – тихо спрашивает Смирнов-Сокольский.

– У меня рак.

– Ну-ну-ну... Перестань плакать. Кто тебе сказал, что у тебя рак?

– Дру...жжж...ок вра... док...тр... Коля скзл... рак, – плачет Байда.

Сокольский поглаживает Ивана по голове:

- Ну-ну, Ванечка, ну не расстраивайся. А где, где рак?

Байда вынимает из верхнего (для платочка) нагрудного карманчика пиджака клешню сваренного красного рака.

- Вот!

Описать дикий восторг остроумнейшего Смирнова-Сокольского невозможно. Когда хохот, сотрясший весь зал, утомленно стих, он обратился к «больному»:

- Я прощаю тебе, мерзкий человек, опоздание. За клешню ставлю тебе «четверку». Если бы розыгрыш не был связан с медициной и тем более со страшной болезнью, поставил бы «пять». А теперь скажи мне честно, без речных деликатесов, почему ты, негодяй, опоздал? И не стыдно тебе?

- Стыдно. Но тетя при смерти.

- Что-что? Тетя умирает? Наглец! Это уже было! В январе у тебя тетя умирала, в феврале тоже умирала. Смотри мне в глаза. Я ведь очень тебя люблю, сукин сын. Скажи мне честно, у тебя есть тетя?

Байда отрицательно машет головой.

- Тогда почему ты опоздал?

- Дядя болеет...

- Ах дядя?! Смотри мне в глаза, гиена. А дядя у тебя есть?

- Есть! Неродной - сосед по комэналке, Фдя...

- По коммуналке?

Байда утвердительно кивает головой.

- Ты ведь в отдельной квартире, висельник, живешь. Я тебе ее выхлопотал...

Байда виновато и почти дикционно четко:

- Тгда, звините, проспал.

- Невероятно! Мерзавец! Тебе необходимо жениться! В одиночестве ты дичаешь!

- Она с мно тоже одичае...

- Тоже одичает?

Байда азартно, радостно, утвердительно кивает головой.

- Почему?

Появился Лев Борисович Мирон и приступил к переводу:

- Иван сказал, что, так как он говорит мало и непонятно, она - будущая жена - может тоже разучиться говорить и замолчит. Он предполагает: если потянусь поцеловать без всякого текста, подумает, что кусаться буду... Да и вообще любой женщине будет трудно с ним жить - заскучает. Одна добрая простушка долго не покидала его, да и то только потому, что не верила, что на сцене он один борется за двоих. Все ждала, когда он покажет ей партнера: она была уверена, что в конце номера ему удавалось его как-то спрятать от глаз людских...

Такая женщина, которая бы его похвалила и тем вселила бы уверенность в себе, нашлась. Очень красивая женщина. Он гордился ею, любил с ней показываться на людях, сделал ее ассистенткой в своем эстрадном номере. Он еще больше похорошел, немного раздобрел, обрел фундаментальность. Женщина заставила его работать над дикцией и самостоятельно и с педагогами... В компаниях новая пара всегда блистала - пластично и необычайно элегантно. Женщина заболела и ушла из жизни... Мужчина сдал, опустился, «одичал», стал пить и ушел вслед за любимой.

Байда - чудо-человек. Забытое чудо! А жаль! Жаль, что люди часто принимают за золото бутафорские, но звонко побрякивающие пустышки, а в простых, неброских людях не замечают настоящих золотых крупинок.

Арнольд Григорьевич Арнольд

В свое время это был знаменитый режиссер эстрады, цирка; создатель «Балета на льду»; в прошлом – прекрасный танцор; мужчина с фигурой Аполлона, говоривший с легким еврейским акцентом, и очень добрый человек.

Наш разговор на ипподроме.

– На какую лошадь ставить? – спрашиваю я.

– В этом заезде бежит одна лошадь – номер четыре... Остальные – черепахи.

После долгих раздумий я ставлю на лошадь под номером три... и выигрываю.

– Арнольд Григорьевич, вы говорили, что победит только четвертая лошадь, а я выиграл на третьей...

– Так. Значит, я тебе сказал номер четыре, а ты выиграл на номере три.

– Да.

– Ну все ясно. Все ясно, дорогой мой. Ты выиграл потому, что играть не умеешь!

После циркового представления в вольере зверей.

– Весник, ты типов разных собираешь в свою устную актерскую записную книжку. Пойдем, я тебя познакомлю с феноменальным человеком. Он сторож при животных. Васей его зовут. Ему скоро 79 лет. Все слова он говорит через букву «р», да еще грассирует – «р-р-р-р». Звучит очень эффектно и неожиданно. Невероятно смешно, когда он поет свою любимую песню «Эй-эй, ухнем», подражая Шаляпину, но все слова с обязательным «р-р-р-р». Во-он в углу видишь медведя? Жуткий баловник, просто хулиган, но талантливый артист. Шумит, рычит, фырчит, лапами пугает, цепью гремит, никого не боится. Боится только обнаженного по пояс и наступающего на него с перекатывающимися

бицепсами Григория Новака. Тогда замолкает, ложится на пол и покорно, заискивающе смотрит на чудобогатыря. А уж когда к нему подходит дядя Вася и рычит на него, грассируя букву «р», мишка прижимает к голове уши, забивается в угол и боится посмотреть на рычащее «чудище». Познакомился я с дядей Васей.

- Ты женат?

- Др-р-ра (то есть - да).

- Дети есть?

- Др-р-р-рвор-р-ре (что значит - «двое»).

- Любишь их?

- Д-р-р-р-ра. Нр-р-р-ро льр-р-р-р-ва люр-р-р-р-рбир-р-р-ррл нр-р-р-ре мр-р-р-ренър-р-р-рше (что означает - «но льва любил не меньше»).

- Какого льва?

Дядя Вася объясняет, что был персональным сторожем циркового дрессированного льва. К концу рассказа у него появились слезы на глазах. Признался в том, что во время Отечественной войны у льва мясо воровал, благодаря чему семья дяди Васи выжила, а царь зверей Богу душу отдал.

Дядя Вася заплакал. Завыла собачка, за ней захрюкала свинья, заволновался гусь, мишка сочувственно зафыркал... Вошел Григорий Новак, напряг мышцы, и все смолкли. Мишка испуганно прилег. Дядя Вася прекратил плакать и на прощание сказал, что перед Богом чист, потому что батюшке покаялся и с давних пор в день смерти кормильца-льва раздает всему зверью мяса, рыбки и сладостей. Прощаясь со мной, тяжело вздохнул, и на выдохе у него выпорхнула стая - «р-р-р-р-р-р-р-р».

1955 год. Харьков. В помещении оперного театра прогорала концертная программа группы артистов с участием гастролера Н. Меня и Геннадия Дудника - мы были модной парой - художественный руководитель

этой группы Арнольд Григорьевич Арнольд срочно вызвал на подмогу.

Дневная репетиция перед первым нашим выступлением.

- Женя, Гена (кашляет)... в выхо... (кашляет)... сходи... (кашляет), после паузы са... (кашляет) и ухо... (кашляет) или нет... (кашляет) еще не... (кашляет), а потом (кашляет). Уже потом в хоро (кашляет) еще не... (кашляет), а потом (кашляет). Уже потом в хоро... (кашляет) и, если... все... (кашляет). Все, все, все (кашляет). Вы поняли? (Не кашляет).

- Поняли. Спасибо. Поняли.

- Перед самым отъездом на первый вечерний концерт.

- Весник, ты в этих туфлях будешь выступать? - спрашивает Арнольд Григорьевич.

- Нет-нет.

- А куда?

Нас принимали великолепно. Перед последним концертом в местной газете появилась рецензия: «Нэ трэба нам таких гастрольорив, як Н.». Цитирую последнюю строчку рецензии: «И нэ дывлячись (несмотря) на то, шо Дуднык та Весник гарно (хорошо) сполнялы свои сценкы, воны не зумилы врятувать (не смогли спасти) цього дуже поганого концерту».

Перед отлетом в Москву. Прощальный банкет в номере одного из участников концерта.

23.00. Тосты, тосты... Чокаемся, рассказываем веселые истории, хохочем.

1 час ночи. Арнольд поднимается:

- Ну что, молодежь? Ложиться не будете?

- Нет смысла. Автобус в аэропорт в 6.30 утра, а сейчас уже второй час.

- Ладно, а я пойду отдохну.

- Мы вас часиков в пять разбудим?

- Можно.
- Чайку приготовить?
- Можно.
- Рюмочку оставить?
- Можно. Пока.
5 часов утра. Звоним.
- Алло! Арнольд Григорьевич. Доброе утро. Подъем.
Пять утра. Ждем вас.
- Кто это?
- Это мы - молодежь.
- Какая?
- Это мы... Вы просили вас разбудить. Чай готов.
Рюмочка оставлена. Автобус в 6.30.
- А-а-а-а, понятно. Сколько вас там?
- Сколько нас? Сейчас... Раз, два, три, четыре, пять -
шесть человек.
- Все живы?
- Все.
- Вас точно шесть?
- Точно, точно!
- Пересчитай! (Шепотом и кашляет.)
- Раз, два, три... Шестеро, точно! - Слушайте меня
внимательно (кашляет). Н. с вами?
- Да-да! С нами. Здесь он. А что, Арнольд
Григорьевич? Он долго кашляет и говорит с
придыханием:
- Пошли всех шестерых «туда» и еще раз «туда» и
«туда»...
- За что?
- За то, «шо нэ трэба мэни таких гастрольорив». Я
немножко (кашляет) еще поплю, а в 6.30 к автобусу
выйду, несмотря на то, что кое-кто не смог «врятуваты
цього дуже поганого концерту» (кашляет). Понял?
6.30 утра. В автобусе. Мы - молодежь - спрашиваем:
- Арнольд Григорьевич, почему вы такой мрачный?

- Я себе думаю: в пять утра луна была во-он там, а теперь в 6.35 она уже вот здесь. И еще я себе думаю: кто из вас в пять утра выпил мою рюмку и чай?

- Никто!

- А куда?..

Очень большой композитор перед смертью постоянно говорил: «Только с почестями, только с почестями, только с почестями!». Знаменитый ученый задал вопрос: «И это все?» А Арнольд Григорьевич: «Если там есть манеж, я не пропаду: начну с клоуна, потом поставлю „Новый балет на льду“. Так что захватите коньки. Я вас жду».

А ведь Гоголь - родоначальник почти всех литературных направлений и жанров:

«Шинель» - реализм, неореализм;

«Вий», «Портрет» - мистицизм;

«Тарас Бульба» - исторический романтизм;

«Мертвые души» - художественное социологическое исследование;

«Коляска», «Старосветские помещики» - бытописание;

«Игроки» - детектив;

«Женитьба» - водевиль;

«Театральный разъезд» - эссе;

«Ревизор» - абсурд;

«Незаконченная история Украины» - научно-писательское исследование.

Эта история имела место быть давным-давно. Известный артист Федор Курихин и менее известный Яков Миронович Волков (родной брат народного артиста СССР Леонида Мироновича Леонидова) - имели удовольствие готовиться к спектаклям в одной на двоих гримуборной («уборная - комната, в коей одеваются,

убираются, наряжаются, моются, притираются». В. И. Даль).

Артист Федор Курихин страдал типично русским недугом – был подвержен частому употреблению крепких-крепких... слов, ну и напитков... тоже...

Артист Яков Волков страдал от того, что приходилось выслушивать эти... словоизвержения. Он в течение долгого времени пытался перевоспитать коллегу, но тщетно... Сам Яков Волков ни разу в жизни не осквернил свое блестящее образование, интеллигентность и воспитанность произнесением этих богонеугодных слов...

В один прекрасный вечер в уборной двух мастеров сцены находился друг артиста Волкова – высокообразованный академик, принесший букеты поздравительных цветов, а также бутылочку прекрасного шампанского, привезенную только что из Франции, где он возглавлял делегацию выдающихся советских ученых.

В интеллектуальнейшей беседе активно участвовал замечательный Федор Курихин, и все было замечательно, но стоило же было кому-то упомянуть фамилию артиста, которого Курихин на дух не переносил, как тут же наш богохульник разрядился 22-этажным «товарищем матом Ивановичем», который на сей раз впервые за долгие годы не стерпел образованный Волков. А посему зло швырнул на пол коробку с красками для грима, пудру и вазелин, смачно сплюнул на пол и, возмущенный бестактностью коллеги перед своим другом, вдруг прокричал на фальцете жуткий «ругательный текст», да такой, который можно услышать из уст крайне опустившегося пьяного биндюжника! Впервые в жизни!

В самый кульминационный момент жуткой тирады Волкова в уборную вошла костюмерша – скромная женщина, мать двух сыновей, труженица, влюбленная в

театральное волшебное искусство... Женщина, как пуля, выскочила в коридор, возмущенная вбежала в кабинет директора театра и подала заявление с просьбой «освободить ее от обслуживания хулигана – артиста Якова Мироновича Волкова»!

На следующий день был вывешен приказ с объявлением строгого выговора артисту за недостойное поведение, позорящее профессию советского артиста, за что он подвергается снижению зарплаты на два месяца...

Расстроившийся Курихин предложил Волкову возместить материальные потери, но тщетно... получил резкий отказ. Тогда Курихин искреннейшим образом извинился перед коллегой. Он дал клятву – не употреблять нецензурных слов!

Федор Курихин дал клятву и сдержал ее: он при Волкове больше не сквернословил... только при Волкове!

В конце 50-х годов очень трудно было установить личный телефон в квартире. Ждали годами.

Диалог между главным администратором Театра сатиры Евсеем Суражским и мною.

Я. Мне нужен телефон.

СУРАЖСКИЙ. Куда?

Я. В квартиру.

СУРАЖСКИЙ. Зачем?

Я. Разговаривать.

СУРАЖСКИЙ. Когда?

Я. Что «когда»?

СУРАЖСКИЙ. Я спрашиваю и говорю: когда?

Я. То есть «когда»?

СУРАЖСКИЙ. Да... Когда?

Я. Когда установить телефон?

СУРАЖСКИЙ. Да-да-да! Когда?

Я. По мне – хоть завтра.

СУРАЖСКИЙ. Когда?

Я. Я сказал же: хоть завтра.

СУРАЖСКИЙ. Я говорю: когда, когда - в котором часу?

Я. Не понимаю.

СУРАЖСКИЙ. Я тебе спрашиваю русским языком: в котором часу?

Я. Что «в котором часу»?

СУРАЖСКИЙ (*кричит*). Ус-та-но-вить те-ле-фон?! У твоей квартире?!

Я. А-а-а. В любое время.

СУРАЖСКИЙ. Днем или ночью?

Я. Днем. Конечно, днем.

СУРАЖСКИЙ. Когда?

Я. Опять «когда»? Что «когда»?

СУРАЖСКИЙ (*опять кричит*). В ко-то-ром ча-су?!

Я. Ну, скажем, в 16.00. В это время я буду дома... после репетиции, но очень-очень недолго.

СУРАЖСКИЙ. Две тыщи. (Две тысячи рублей в те времена были немалые деньги!).

Я. Когда?

СУРАЖСКИЙ. Что «когда»?

Я. Две тысячи рублей когда дать?

СУРАЖСКИЙ. Сичас... Сегодня - две тыщи, завтра - телефон.

Я. Сейчас нет при себе двух тысяч.

СУРАЖСКИЙ. Тода - к вечеру.

Вечером я деньги принес.

СУРАЖСКИЙ. Нужно, шобы у квартире била открыта форточка. Хоть одна. Или все - есе лутче.

Я. Зачем?

СУРАЖСКИЙ. Нет время объяснять. И не твое это дело.

Назавтра я пришел домой после репетиции и увидел на своем письменном столе новенький телефонный

аппарат с приклеенным к нему ярлыком с указанием номера моего личного (!), персонального (!) те-ле-фо-на! Ура-а-а-а! Приглядевшись и оглядевшись, понял, что аппарат и протянутые телефонные провода к моему столу не что иное, как «временка», подключенная к наружным проводам телефонной связи.

Когда на следующий день я спросил у Суражского, каким образом удалось мастерам сотворить чудо через форточку, он сказал:

- У них есть такая длинная палка, которой они достали до твоего стола и поставили аппарат.

Я. А как же они поднялись до уровня моего окна на шестом этаже?

СУРАЖСКИЙ. У мене есть хороший друг - начальник пожарной охраны. Так он прислал им пожарную машину з длинной лестницей.

Я. Чудо! Чудо! А говорят, чудес не бывает! Бывают! Бывают! И ты, Суражский, настоящее чудо! Дорогой мой, гениальный человек, скажи мне, пожалуйста, когда мой аппарат получит статус постоянного, фундаментального? Без проводов через форточку? Когда?

СУРАЖСКИЙ. Пятьсот рублей.

Я. Когда?

СУРАЖСКИЙ. Сегодня - пятьсот рублей, завтра - фундаментальный телефон без форточки.

Я. Пожалуйста, вот пятьсот рублей.

СУРАЖСКИЙ. Когда?

Я. Что «когда»?

СУРАЖСКИЙ. Когда фундаментализм устраивать?

Я. Как тебе удобнее.

СУРАЖСКИЙ. Будь дома в шесть утра. А в шесть часов и тридцать минут будет уже тебе фундамент!

В шесть утра позвонили в дверь. Пришли телефонных дел мастера. В мгновение ока провели по полу шнур, подключили его к аппарату, висевшие на

форточке провода «временки» выбросили во двор, попрощались и ушли в шесть тридцать.

P.S. Я совершенно точно знаю, что ни единой копейки Суражский не положил в свой карман. Мало того, он вносил в это «мероприятие» и свою лепту: ни пожарникам, ни мастерам телефонных дел не отказывал в контрамарках на любые спектакли.

Евсей Суражский женился. Не в первый раз... Жена дома. Муж на работе.

МУЖ (*по телефону*). Здравствуй.

ЖЕНА. Кто говорит?

МУЖ. Суаский.

ЖЕНА. Не поняла.

МУЖ. Суаский.

ЖЕНА. Не поняла.

МУЖ. Твой муж, твою мать!

Евсей Суражский в своем кабинете главного администратора Театра сатиры. Звонит телефон беспрерывно. Очередной звонок.

СУРАЖСКИЙ (*снял трубку*). Слушаю.

ГОЛОС (*в трубке*). Скажите, пожалуйста, какой у вас сегодня спектакль?

СУРАЖСКИЙ. «Мисья миссра и Пинкинка вскву».

ГОЛОС. Простите, не поняла?

СУРАЖСКИЙ. «Мисья миссра Пинкина вскву».

ГОЛОС. Не поняла!

СУРАЖСКИЙ (*кричит в трубку*). Афисы нужно читать! (*Бросил трубку на аппарат.*) С ума можно сойти от этих театралов!

АРТИСТ АНАТОЛИЙ ПАПАНОВ. Евсей, сколько тебе лет?

ЕВСЕЙ. А тебе?

АРТИСТ АНАТОЛИЙ ПАПАНОВ. Это неважно.

ЕВСЕЙ. Так мы с тобой одноклассники!

15 января 1955 года. А. Д. Папанов, В. Д. Доронин, Р. А. Александров и Е. Я. Весник после бурного застолья, посвященного дню рождения последнего, расселись в такси и решили продолжить празднование в квартире Доронина, но уже средствами благородными – чаепитием и тортопоеданием... Останавливаем таксомотор у гостиницы «Националь» с желанием купить в ресторанном буфете хороший торт. Возвращаемся к авто, видим милиционера, разговаривающего с водителем, узнаем, что стоянка здесь запрещена и за нарушение страж порядка требует штраф. Мы, разгоряченные застольем, убеждаем стража в том, что виноваты мы, а не водитель. Слово за слово... мы грубим... страж ожесточается и приказывает водителю следовать за его мотоциклом... Через минуту наша четверка – в комнате дежурного отделения милиции на улице Герцена.

Мизансцена: за перегородкой – дежурный капитан милиции и наш мучитель – старший лейтенант, перед ней – справа налево: Доронин, Весник, Папанов – громко, настырно защищающие «права» нашего водителя, крайний – левый «нападающий» Родион Александров, сникший, мечтающий, очевидно, о кровати, интеллигентный, голубых кровей, высокий, статный мужчина с очень добродушным, совсем размякшим личиком, не произносящий ни единого звука...

КАПИТАН. Тише! Вы все нетрезвые! Тише! Не хочу с вами разговаривать. Вот берите пример с вашего товарища (*показал на Александрова*), сразу видно – воспитанный человек! Вот с ним я буду разговаривать... Как все произошло, товарищ?

Крепко вцепившись руками в перегородку, но тем не менее чуть-чуть пошатываясь, Родион спокойно говорит:

- Фаши-фашисты... ва-вашу ма-мать!

Александров получил пятнадцать суток ареста и тут же был помещен в КПЗ, водитель был оштрафован, торт мы съели вместе с милиционерами. Кусок отнесли в камеру собутыльнику! Его заканчивали стричь наголо...

Анатолий Дмитриевич Папанов

Мои воспоминания об Анатолии Папанове возникают без всяких усилий, потому что его стиль работы, артистизм во всех проявлениях, высокая художественная дисциплина всегда – со мной, всегда – маяки в моей работе. Так же, как и лучшие мгновения и часы наших общих дружеских будней, порой предельно серьезных, иногда и столь же легкомысленных, но наполненных всегда какой-нибудь игрой, нами же придуманной, и обязательно с импровизациями. Усилия приходится употреблять лишь на то, чтобы преодолеть печаль от сознания того, что его нет с нами: с семьей, с театром, с искусством, со мной...

Если бы меня спросили, что я считаю самым весомым в Папанове-артисте, Папанове-человеке, Папанове-гражданине, я бы ответил, что во всех этих ипостасях доминирующими был (несмотря на его нервическую натуру, на способность взорвать размеренную жизнь и работу) фундаментальность и постоянство!

Это мои личные умозаключения. Было бы странным полное единогласие в оценке столь сложной (потому и притягательной) натуры, какой являлся Анатолий Папанов!

Мои личные умозаключения имеют право на жизнь и даже (пусть это нескромно с моей стороны) на внимание хотя бы потому, что даже простой перечень наших совместных с ним работ дает основание для этих моих робких претензий. Вот далеко не полный список театральных спектаклей: «Клоп», «Баня», «Мистерия-буфф» В. Маяковского; «Золотой теленок», «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова; «Судья в ловушке» Г. Фильдинга; «Только правда» Ж. П. Сартра;

«Квадратура круга» В. Катаева; «Памятник себе» С. Михалкова; «Яблоко раздора» В. Бирюкова; «Обнаженная со скрипкой» Н. Кауарда; телеспектакли: «Проделки Скапена» Ж. Б. Мольера; «Наследники Рабурдэна» Э. Золя; «Люди нашей улицы» А. Карвана. А еще фильм «Семь стариков и одна девушка» и множество концертных выступлений, записей на радио и студии мультфильмов...

Папанов-артист был счастливым обладателем двух Божьих подарков: заразительности и выразительности. Л. Н. Толстой писал: «Признак, выделяющий настоящее искусство от поддельного, есть один несомненный – заразительность». Все творчество Папанова – наглядная преданность основному назначению профессии артиста: созданию в каждой роли нового образа человека, то есть преданность стремлению не повторяться в художественных средствах в том очень и очень сложном и не каждому доступном процессе.

Идеальный артист – тот, кто ни разу в ролях не повторится. Не знаю, был ли такой, есть ли или будет? Не знаю! Но что Анатолий Папанов был близок к этому идеалу, утверждаю! Палитра его поисков была чрезвычайно богата: элементы внутреннего перевоплощения, разные ритмы и темпы, характерные речевые приспособления, жест, пластика, грим – все это помогало ему достигать убедительной выразительности и основной цели – заразительности!

Если бы артист мог одновременно предстать в ролях Корейко из «Золотого теленка», Воробьянинова из «Двенадцати стульев», Ивана Ивановича из «А был ли Иван Иванович?» Назыма Хикмета, шафера из «Клопа» и Вельзевула из «Мистерии-буфф» В. Маяковского, Сильвестра из «Проделок Скапена» Мольера, Емельяна Черноземного из «Квадратуры круга» В. Катаева, вряд ли большинство из смотревших на этот фейерверк блистательных образов поверило бы, что создатель –

один и тот же человек! Дар перевоплощения и импровизации плюс высокая творческая дисциплина, не позволяющая никаких поблажек во время сценического существования, – все это и составляет самое весомое в Папанове-артисте.

Очень сложно говорить о нем как о человеке. Странно? Но это так! Если мне, хорошо, казалось бы, знавшему и достаточно серьезно изучившему его, трудно говорить, то как же заблуждались те, кто (как казалось) схватывали суть папановского характера.

Человеком он был очень сложным и порой даже загадочным. Выдержанный, сосредоточенный и... вдруг срывался по иногда совершенно непонятным поводам. Был он вообще-то аккуратистом, не любил транжирить денег, осуждал бесхозяйственность, но и в то же время мог вдруг стать мотом, гулякой, и уж тогда тянуться за ним было не по силам. И как неожиданно вспыхивал в нем костер неумности, так же вдруг и затихал... Временные циклы, разделявшие возникновения «костров», были различными, и понять причины их возгорания никому не было дано. Никому!

Был он человеком честным, порядочным, в определенной степени соответствовавшим евангельским идеалам, ибо не любил делать что-либо напоказ, не требовал благодарности за доброе содеянное. Был постоянен в своих людских симпатиях, ценил талант, не терпел несправедливости. Был однолюб, был предан своей семье. Это, с моей точки зрения, и было самым весомым в Папанове-человеке.

Для меня ближе и понятнее облик Папанова-гражданина, потому что до некоторой степени судьбы наши были схожи. Родились мы с интервалом в два с половиной месяца: он – 31 октября 1922 года, я – 15 января 1923 года (я часто называл его «дедом», он меня – «сопляком»); оба нюхнули войны, оба ранены; оба влюблены в свою профессию, очень близки были в

выборе своих кумиров-артистов; у нас было очень много общих друзей, оба мы никогда не участвовали ни в каких интригах и группировках. Но особенно роднило нас упорство, с которым мы не поддавались уговорам вступить в коммунистическую партию. Мы – фронтовики – испытывали, мягко говоря, сомнение в богоугодности существования этой организации.

Часто после необычного происшествия, услышанного анекдота, увиденного подвига или конфуза на ринге или футбольном поле, даже после неожиданной активной или пассивной реакции зрительного зала на какой-нибудь эпизод спектакля у Анатолия появлялось одному только ему присущее выражение лица, «гамма» которого содержала или чувство удивления, или растерянности, подчас даже испуга, или здоровой зависти. Но превалировало чувство восхищения.

Воспроизвести или показать, даже описать эту «гамму» невозможно!

1963 год. Париж.

Прогуливаясь по городу, мы вдруг увидели буквально в четырех-пяти метрах от себя президента де Голля, сидевшего в шикарной автомашине с открытым верхом, остановившейся перед закрытыми воротами старинного особняка. На тротуаре, с противоположной стороны въезда, стояла женщина с детской коляской. Она очень просто, как будто уже не в первый раз, поприветствовала президента: «Бонжур, месье де Голль». Тот приподнял свой головной убор со знакомым длинным козырьком и, оставив свой столь же длинный нос без прикрытия, ответил: «Бонжур, мадам». Анатолий Дмитриевич не выдержал и громко выпалил: «Бонжур!». И к нашему удивлению и удовольствию, знаменитый полководец снова оставил без защиты свой обаятельный мощный нос-пушку и ответил, как старому

знакомому: «О! Мерси, месье» – и скрылся за воротами. Надо было видеть восторженную физиономию Анатолия. Я тут же посоветовал ему засесть за роман «Рядом с Шарлем де Голлем»...

Улица Сен-Дени. Ночь. На улице – полчища представительниц древней профессии. К самой эффектной крупной «даме» подходит пьяненький, хроменький, с палочкой мужик-замухрышка. Очевидно поторговавшись, удаляется с «дамой» в отель. У Толи на лице «гамма»: «ревную!»

Задержавшись на концерте в театре «Олимпия», нанимаем такси. На голове водителя симпатичная кепка в клеточку с круглым помпончиком.

ПАПАНОВ (тихо). Видел кепочку? Мне бы такую. «Жертва капитализма», а одет лучше нас, и кепочка... Ну где такую достать? Буржуй с помпончиком!

Приехали. Расплачиваемся.

ВОДИТЕЛЬ ТАКСИ (на чистом русском языке). Пожалуйста, сдача. А кепочку такую можно завтра купить на улице Триволи в доме 18. Всех благ.

Дал сигнал, уехал.

На лице Папанова «гамма»!

Как-то в Москве, не рассчитав в гостях своих возможностей за столом, еле-еле добрались с Папановым до такси. Едем.

– Ты кто?

– Весник.

– Как зовут?

– Женя.

– Не ври! Он мой друг! (Пауза.) Ты кто?

– Весник...

И так до самого дома...

Назавтра я напоминаю Папанову приведенный текст.

ПАПАНОВ (*на лице «гамма»*). Не ври! А еще друг!

Никогда не забуду «гамму» и слезы на лице Папанова после моего рассказа о трагедии моих родителей, арестованных в проклятом 1937 году. Никогда не забуду его сказочно красивую «гамму» после сообщения о том, что у него родилась дочь! Никогда не забуду строгую «гамму» каждый раз, когда праздновали День Победы.

Анатолий Дмитриевич Папанов – это красивая человеческая, истинно художническая «гамма»! Нам всем очень не хватает Папанова, его таланта, его святого отношения к своей профессии, его юмора, его обаяния, его умения не отвлекаться на суету мирскую. Очень и очень не хватает Папановых сегодняшнему театру!

Александр Николаевич Вертинский

*И залезли мне в сердце девчонки,
Как котята в чужую кровать.*

А. Вертинский. «Доченьки»

Я горжусь знакомством с Александром Николаевичем Вертинским. Я влюблен в его дар, в его уникальное искусство. Знакомство наше состоялось случайно, по пословице: «Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло».

...Летим в одном самолете из Москвы в Адлер на съемки в разных фильмах. Из-за непогоды в Адлере – внезапная посадка в Ростове-на-Дону. Вечер, вылет нашего самолета задерживается до утра. Слоняясь по зданию аэропорта, разговорились.

С ночлегом складывалось все благополучно, хуже оказалось с деньгами: и у Вертинского, и у меня бренчала какая-то мелочь в карманах, и все. За одно место следовало заплатить пять рублей. А где их взять?

Говорю Вертинскому:

– Александр Николаевич, у меня в Ростове знакомые. Я возьму машину, «слетаю» в город, быстренько достану денег и вернусь. А вы пока можете заказать ужин в ресторане. Все будет в порядке.

– Хорошо, – соглашается Вертинский, – а по прибытии в Адлер, как только получим жалованье, рассчитаемся. – И записал мои координаты.

Я выскакиваю на улицу, ловлю такси, еду в город. Никаких знакомых, конечно же, у меня в Ростове не было, но на руке были хорошие часы «Москва». Цена им четыреста рублей (в старых деньгах), если бы я их

продал даже за триста – что я и задумал, – нам вполне бы хватило и на ночлег, и на ресторан.

Пока доехал до центра, на счетчике уже отстучало семьдесят рублей.

Обращаюсь к милиционеру:

– Где здесь можно продать часы?

– А сегодня скупка не работает – воскресенье.

– Что же мне делать?

– Здесь недалеко часовой мастер живет, – продолжает милиционер. – Зайдите к нему домой. Может, он у вас купит.

Рассказал, как найти этого мастера. Быстро нашел квартиру, звоню. Мастер, к счастью, дома. Рассказываю ему все, как есть: про посадку, про Адлер, про съемки, о Вертинском.

– Боже мой! Как я его люблю! – кричит мастер. – Но могу дать максимум двести рублей. Больше никак!

Уговариваю – ни в какую. Делать нечего, беру деньги. Хватило их только на то, чтобы расплатиться за такси и за ночлег.

Нашел Александра Николаевича в ресторане. Сидит, ждет. Хорошо ждет: «Рябиновая на коньяке», всевозможная закуска, вплоть до икры. Я холодею. Чем платить? Но вида не показываю, держусь бодрячком.

– Александр Николаевич, все прекрасно. Чокнулись, выпили, закусили.

– Прошу прощения, – говорю я, – одну минуточку. Иду на кухню и спрашиваю:

– Кто обслуживает Вертинского?

Подошла молодая девушка. Все ей рассказал. Отдал паспорт, она мне свой адрес, я ей свой. Договорились: как только прилечу в Адлер, тотчас вышлю ей деньги, а она – мой паспорт.

– Только Вертинскому ничего не говорите! – попросил я ее. На том и разошлись. Я вернулся за

столик, сказал, что рассчитался с официанткой. Поужинали, пошли спать.

Нам дали комнату на двоих – при сложившихся обстоятельствах, можно сказать, повезло.

Рано утром меня разбудил Александр Николаевич. Он был уже одет – явно встал намного раньше! Было немного неловко оттого, что заспался дольше старшего товарища. Оделся быстро – и на самолет. Улетели. В Адлере Александра Николаевича встречал директор его картины, меня – моей. Мы поблагодарили друг друга, попрощались и разъехались. Я не обратил внимания на то, что директор Вертинского на мгновение подозвал к себе моего директора.

Снимался я в поселке Псоу под Адлером. Проходит день – денег не платят. Не платят и на второй, третий, четвертый. Прошла неделя. Влез в долги. На мои вопросы к администрации, когда зарплата будет выдана, один ответ: денег нет. Наконец на девятый день, ехидно улыбаясь, подходит директор:

– Иди к бухгалтеру, получай.

В бухгалтерии, помимо зарплаты, мне вручили коробку из-под зефира, перевязанную голубой лентой.

В коробке – мой паспорт, новые часы «Москва» и записка от Александра Николаевича. Передаю смысл написанного, так как дословно не помню.

«Молодой коллега! Вы наивны. Надо было продать мои: у них браслет золотой!»

Теперь-то я понял, почему Вертинский в то утро, пока я спал, бодрствовал и был одет. Он, конечно, заподозрил что-то в ресторане, а утром тайком все выяснил у болтливой официантки.

И мой паспорт был выслан не мне, а ему. Много лет спустя – Александра Николаевича уже не было в живых – я рассказал о нашем приключении его супруге.

Она рассмеялась и сказала:

– Он никогда не носил никаких часов!

Пока летели из Ростова в Адлер, многое узнал из удивительно интересной жизни великого мастера. Спрашиваю Вертинского:

- Александр Николаевич, были времена, вы выступали в цирке в костюме Пьеро. Болтают, что вы были подвержены наркомании, что-то нюхали или курили, пили нечто «потустороннее». Это правда?

- Никогда я не был наркоманом, никогда ничего такого не нюхал и не пил. А вот у женщин успехом пользовался. И это было моей наркоманией. Правда, один раз я потерпел фиаско: у меня, как говорят, отбили красотку. Был 1918 год, белогвардейский Киев, Крещатик. А кто ее отбил, я узнал через некоторое время, увидев ее в компании этого человека - моего соперника. Ну его к черту. И вспоминать-то о нем не хочу. Но вот, отбил...

- Александр Николаевич, ваш рассказ совершенно теряет смысл, если я не узнаю, кто это? Что за человек ва-ам (!) нанес такой удар? Причем единственный раз в жизни...

- Ну хорошо, я вам скажу. Это был генерал Шкуро.

Несмотря на чуть ли не всемирную популярность, Вертинский в тяжелые дни Отечественной войны вернулся на Родину после долгой эмиграции. Это говорит о многом! Рассказывают, что по возвращении в Москву был организован общественный просмотр его концерта. В зале - яблоку негде упасть. Половина зала - театральные и официальные деятели. Третий звонок. Торжественная тишина. Медленно открывается занавес. Пауза... Никого... Затем величественно выплывает из-за кулис фигура Александра Николаевича. Бледное лицо, висящие, как плети, длинные выразительные руки. Он доходит почти до рамп, осматривает зал. И вдруг опускается на колени. Слышен гулкий удар их по деревянному полу сцены. Вертинский произносит:

– Родина! Прости меня!

В зале кто-то всхлипывал, затем шквал аплодисментов! Зал встал! Вертинский на коленях...

Родина ни в чем его не винила. Она приняла его в свои объятия. Она была благодарна за возвращение талантливого «блудного сына»!

Федор Иванович Шаляпин

- Однажды, - рассказывал Александр Николаевич Вертинский, - мы сидели с Шаляпиным в кабачке после его концерта. После ужина Шаляпин взял карандаш и начал рисовать на скатерти. Рисовал он довольно хорошо. Когда ужин кончился и мы расплатились, хозяйка догнала нас уже на улице. Не зная, что это Шаляпин, она набросилась на Федора Ивановича, крича:

- Вы испортили мою скатерть! Заплатите за нее десять крон!

Шаляпин подумал.

- Хорошо, - сказал он, - я заплачу десять крон, но скатерть возьму с собой.

Хозяйка принесла скатерть и получила деньги, но, пока мы ждали машину, ей уже объяснили, в чем дело.

- Дура, - сказал ей один из приятелей, - ты бы вставила эту скатерть в раму под стекло и повесила в зале как доказательство того, что у тебя был Шаляпин. И все бы ходили к тебе и смотрели.

Хозяйка вернулась к нам и протянула с извинением десять крон, прося вернуть скатерть обратно. Шаляпин покачал головой.

- Простите, мадам, - сказал он, - скатерть моя, я купил ее у вас. А теперь, если вам угодно ее получить обратно... пятьдесят крон!

Хозяйка безмолвно заплатила деньги и взяла скатерть.

В Париже в начале тридцатых годов после благотворительного концерта с участием Шаляпина группа актеров приехала в один из русских кабачков. В нем выступал хор балалаечников в шелковых косоворотках. Под стук вилок, ножей и гул общего

разговора солист затянул: «Степь да степь кругом»... Федор Иванович стал тихонько подпевать. Тогда кто-то с соседнего стола возмутился: «Не мешайте петь! Безобразие! Не умеете себя вести!»

Ревнителю хорошего тона шепнули что-то, он поперхнулся и сконфуженно замолчал. Но еще больше был смущен Шаляпин. Впервые в жизни его попросили перестать петь.

Шакен Айманов

Шакен Айманов принадлежал к тем редкостным людям, которые своей естественностью, откровенностью, своим актерским и человеческим талантом и обаянием лишают плохих людей возможности контакта с ними. Где бы вы ни встретили Шакена – в Доме кино, на улице, в театре – вы могли быть уверены в том, что окружавшие его люди – интересные собеседники; что тема разговора – серьезная, связанная или с проблемами театра, кино, или с творческими задумками, или с впечатлениями от чего-то увиденного, прочитанного. Других тем в арсенале Шакена не было. Меркантилизм, сплетни – это все было чуждо ему, как, впрочем, каждому истинному художнику. На чепуху не хватает времени.

У Шакена было столько творческих задумок, что он ощущал нехватку времени на их реализацию. Поэтому даже в минуты его веселого настроения я улавливал и в интонациях его с легким казахским акцентом русской речи, и в выражениях его глаз и лица – круглого, открытого, необычайно обаятельного – легкую, почти незаметную грустинку. Я понимал, что ее происхождение идет от необходимости тратить большое количество времени на дела, отвлекающие от творческого процесса. Огромное число подчас ненужных заседаний, симпозиумов, коллегий, консультаций, встреч, командировок нарушают ход творческого процесса, иногда совсем его прекращая или в лучшем случае продлевая. Это ужасно раздражает, а порой просто угнетает.

В Москве Шакен бывал часто, чувствовал себя как дома, и его принимали как «своего», москвича.

У себя в Алма-Ате и в Казахстане вообще Шакен был легендарной личностью. Его популярность, родившаяся из сплава его деятельности в театре, кино и на общественной ниве, была широкой и мощной. Она рождала удивительные рассказы об уважении к нему, влюбленности в него, гордости за его поступки, его внимательное отношение к людям.

...Гастроли Малого театра в Алма-Ате. А у меня – ангина, самочувствие ужасное, температура под сорок. Болеть в гостинице – дело пренеприятное. В больницу не хочу, боюсь. Узнав о моей болезни, Шакен сразу же навестил меня, да не один: с ним пришли девять человек. Как сейчас помню – шесть женщин и трое мужчин.

– Женя, мы все твои «рабы», выбирай из нас любого. Выбранный будет тебе служить во время болезни, организует покупку еды, лекарств. Выбирай!

Я робко показал рукой на одну из шести женщин.

– Извини, ее нельзя отдать «в услужение». Это моя жена! А я очень ревнивый!

– Хорошо, – ответил я. – Тогда я выбираю тебя!

Шакен был отличной «няней»: врачи посещали меня ежедневно, еду мне варили диетическую, сам шеф-повар заходил ко мне каждое утро и принимал мои заказы, лекарства все под рукой. Узнав о том, что я дружен с Шакеном, и видя, с каким трогательным вниманием Шакен ко мне относился, повар потом пригласил меня на свою свадьбу в качестве не то шафера, не то почетного гостя, не помню точно. Шакен каждый день находил час-другой, чтобы забежать ко мне и рассказать о своих делах.

Болезнь не позволила мне участвовать в очередном спектакле «Ревизор», в котором я играл Городничего. И я договорился с дирекцией Малого театра, что вместо меня сыграет народный артист СССР Шакен Айманов: он играл Городничего на казахском языке в Алма-Ате в

местном театре. Все согласились на этот практиковавшийся эксперимент совмещения исполнителей из разных театров.

Например, на гастролях в Киеве я, как один из постановщиков пьесы А. Корнейчука «Мои друзья» (Евгений Симонов и я были режиссерами этого спектакля), вводил в него народных артистов СССР О. Куценко и А. Пономаренко. В Москве эти роли играли народная артистка РСФСР И. Ликсо и народный артист СССР Н. Рыжов. Этот «сплав» артистов разных театров, говоривших на разных языках, имел огромный успех, особенно в тех местах, где наши исполнители, говорившие, естественно, на русском языке, находили возможность вставлять в диалоги с украинскими артистами слова на украинском языке. Например, А. Пономаренко говорит: «Вы нэ бачилы мою жинку?», а М. Жаров неожиданно отвечает: «Ни! Нэ бачив!..»

Гром аплодисментов, хохот. Когда Пономаренко по ходу спектакля без всякого текста поклоном головы приветствовал Жарова, а последний выпалил:

«Здоровэньки були!» – трудно себе представить, что творилось с публикой!

Я предложил Шакену от имени руководства театра сыграть вместо меня Городничего. «Я подумаю до завтра», – был ответ Шакена. Все были уверены в положительном ответе и готовились к репетиции с Шакеном.

Но Шакен отказался играть, сказав, что темпоритмический рисунок спектакля и моя – Весника – трактовка роли не позволяют ему – Шакену – пластично вписаться в ансамбль. Художественный уровень спектакля он ставил выше сенсации, связанной с его участием в спектакле Малого театра. Сказал также, что если в украинском и русском языках есть слова, звучащие узнаваемо, то в языках казахском и русском этот выгодный элемент отсутствует и будет раздражать

зрителей, да и на русском языке роль Городничего он наизусть не знает.

Этот отказ только подтвердил профессиональный, художественный, высокий класс Шакена. После моей болезни, за бешбармаком, который он сам приготовил, Шакен признался мне, что очень хотел сыграть в нашем спектакле.

Во время болезни в моем номере как-то зазвонил телефон. Шакен снял трубку:

- Нет, не Весник, это его товарищ артист Шакен Айманов. Сейчас спрошу. Женя, сможешь ли ты через два дня подняться и поехать на рыбалку?

- Конечно, нет! - ответил я.

- Он не сможет - высокая температура. А вы куда собираетесь? На форель? Вы ничего не поймаете. Здесь нужна специальная снасть и нужно знать места... Как ваша фамилия? Буренков? Вы, очевидно, целой компанией собираетесь на рыбалку? Я вам постараюсь помочь... Сегодня поздно вечером, после вечерних съемок, я вам позвоню. Сколько человек поедет? Хорошо. До свидания.

Шакен повесил трубку.

- Это наша традиционная компания рыбаков: артисты Оболенский, Харченко, Буренков, - пояснил я.

Через три дня, поздно вечером, в мой номер ввалились наши рыбаки, загоревшие, счастливые, с обильным уловом разной рыбы, но не форели. Они рассказали, как Шакен организовал эту рыбалку. Сопровождающим, организатором, заведующим юмором и хорошим настроением, инструктором по рыбной ловле «в условиях Казахстана» Шакен назначил своего коллегу, кинооператора Марка Исааковича Берковича.

Шакен сам обзвонил моих друзей, сам организовал все, что связано с поездкой, сам в четыре часа проводил рыбаков:

- Хорошего вам улова! Я это делаю, чтобы мой друг Женя Весник имел возможность поесть свежей рыбки, которая быстро поставит его на ноги. В добрый путь!

Несмотря на то, что он снимал сложную картину, Шакен нашел для моих друзей время. Его доброту и гостеприимство мои товарищи и я восприняли как частицу большого сердца казахского народа!

Я много езжу со своими творческими вечерами, знаю многих людей. Каждый человек вызывает во мне разные ассоциации, сравнения. Встречая человека казахской национальности, я всякий раз испытываю теплое чувство, которое породил во мне один из обаятельнейших людей, встречавшихся на моем жизненном пути, - Шакен Айманов.

Ростислав Янович Плятт

Счастье приходит в дом, где слышен смех.

Японская пословица

Высочайшего класса артист должен быть одарен Богом «набором» из, ну, скажем, двенадцати совершенно необходимых элементов облика и внутреннего содержания. И если это так, то Ростислав Янович Плятт соответствовал этому «ассорти» безоговорочно и в полной мере – выше высшей: рост, юмор, темперамент, непосредственность, обаяние, эрудиция, образованность, такт, культура, общительность и так далее и так далее. Ну все, все из ряда банальностей выходящее... Даже в концовке своей фамилии не мог остановиться на спокойном одном «т» и приписал, конечно, от неумемного жизнелюбия, второе... Звучит не слабо – Плятт!

Был он, как все грешные, «обделен» такими способностями, как грубость, хамство, неумение слушать других, безразличие во всем и ко всему, ложная общественная деятельность, интриганство и прочее, то есть всеми теми качествами, которые доставляют радость и возможность «править бал» определенному очень мощному и организованному обществу.

С уходом от нас таких, как Плятт, мы теряем высокую родословную или, извините, породу артистов! Именно породу!

Плохо просматриваются сейчас новые Качаловы, Садовские, Варламовы, Давыдовы, Тархановы, «нэма»

Бучмы, куда-то подевались Алейниковы, Переверзевы, Меркурьевы, Яншины, Ильинские, Мордвиновы, Симоновы, Дикие, Гарины, Остужевы. Все больше среди нашего брата – деятелей: депутатов, предпринимателей, говорунов, но не очень «борзых», не очень «доберманов» и «догов», а все больше милых, неплохих, но «бобиков» и «манюнь»...

Не зная близко Плятта трудно было угадать в этом элегантно, ладно скроенном интеллигентном человеке отчаянного доброго балагура-заводилу (даже в солидном уже возрасте) и тонкого поэта, преданного мужа и философа...

Встречался я с Ростиславом Яновичем чаще всего в работе на радио и дубляже иностранных фильмов. Очень горжусь тем, что считался «членом» клуба «асов» в этом трудном, интересном и полезном для артиста занятии и стоял в ряду таких мастеров, как О. Н. Абдулов, В. В. Кенигсон, Р. Я. Плятт, В. И. Караваева, И. Карташева, Л. Пашкова и другие. Иногда встречались в концертах. Трудно было заметить колебания в его настроениях, в манере вести себя на людях всегда раскрепощенно, но предельно тактично, открыто, по-детски искренне. Хотя отлично понимал – жизнь и работа его, конечно же, раскачивали туда-сюда маятник самочувствия. Но тем не менее был он почти всегда как бы одинаков: подтянут, приветлив, радостен, остроумен, доступен, мгновенно включался во всяческие разговоры, имевшие отношение к юмору, творчеству, – и всегда элегантно, с юмором, уходил от интрижных пошептываний по углам и за дверь, от истерических жалоб и претензий, от актерской болтовни, проявлений самоуверенности в суждениях о ком-то или о чем-то.

Не было случая, чтобы при встрече с Ростиславом Яновичем мы не обменялись анекдотами. Ни разу! За

многие годы встречи были частые, если учесть, что работали мы в разных театрах.

Ну наверняка одна встреча в месяц, по самому что ни на есть скромному подсчету. Следовательно, за 40 лет – 480 анекдотов рассказывал я и столько же – он. 960! Минимум! Если случалось мне или ему повториться – тут же раздавалось: «Было!» или: «Борода!» – и приходилось начинать новый анекдот. Хороший, остроумный оценивался словами: «Беру!», «Годится», «Зачет» или: «Не слабо!» Средний – «Ну-ну» или: «Бывает лучше». А плохой – или «М-дааа», или «Финиш», или «Это не номер для Ялты» (наш пинг-понг в анекдоты служил отличной подзарядкой для встреч с Анатолием Петровичем Кторовым, с которым велась та же игра, но со значительно меньшим напряжением, ибо встречи были редкими).

Идет очередная работа в шестой студии Дома звукозаписи на ул. Качалова. Режиссер объявляет паузу артисту Плятту. Лето. Жара. Духота. В упомянутой студии есть лесенка, ведущая на полэтажа вниз в своеобразный подвальчик. Там прохлада. Плятт опускается в этот «рай». Минут тридцать работаем без него. Вдруг команда режиссера: «Плятта, Плятта! Срочно! Кончается время, надо успеть записать очередную сцену. Срочно Плятта! Срочно! Ростислав Янович! Ростислав Янович!» Все забыли или не видели, что он опустился в «рай». «Ростислав Янович!» Кто-то ищет его на этаже выше, кто-то – ниже... И вдруг из полуподвальчика, из прохладной сказки поднимается Плятт в чудесных цветных плавках и с галстуком на голой шее. В руках брюки, рубаха и пиджак...

ПЛЯТТ. Извините! Слышу: срочно, срочно, срочно! Не смел задерживать. Я человек аккуратный, пунктуальный, обязательный. Извините.

Гомерический хохот до коликов. Запись, конечно, продолжать невозможно. Сидя в подвале, Ростислав

Янович всех нас прекрасно слышал. Чувствовал по интонации, что устали невероятно.

ПЛЯТТ. Языком еле ворочали. Взмокли, наверное. Дикция никудышная. Раскисли, сникли. Если бы стали дальше писать – наверняка был бы брак, в корзину все пошло бы. Одним словом, был бы это «Нумер не для Ялты».

И действительно, предстояло записать очень сложную сцену. Плятт – в главной роли. Времени оставалось минут двадцать.

ПЛЯТТ. Я прекрасно знаю привычку режиссера Х использовать время (часто во вред качеству) до последней секунды, и поэтому пошел на крайнюю меру и... спас вас от каторги!

На следующий день актеры явились свеженькими, как огурчики-корнишончики, в хорошем настроении, и прекрасно сыграли и записали сложную сцену.

Режиссер был на седьмом небе, благодарил нашего вчерашнего «пляжного героя» за прекрасный сеанс шоковой терапии!

Старая радиостудия в помещении Центрального телеграфа. Срочная предновогодняя радиозапись. Заняты: Ростислав Плятт, Никита Подгорный, Анатолий Папанов, Виктор Хохряков, Валентина Серова и я. Страшно жмут и скрипят мои новые ботинки. Стою перед микрофоном в одних носках. 23 часа 40 минут. Режиссер всех отпускает домой к новогоднему столу. Всех, кроме меня. Прощаюсь с коллегами, поздравляю с наступающим. Продолжаем работу. Записываем текст «от автора». 23.45–23.50 – 23.53. Закончил! К новогоднему столу, где ждут друзья и родственники, успеваю, потому что накрыт он в двухстах метрах от телеграфа – в ресторане «Арагви». Стол, благоухающий шашлыком, сациви и специями, манит, дразнит. Текут слюнки... 23.55. Ха-ха! Что ж я за пять минут двести метров не пробегу! Ерунда! Режиссер, оператор,

редактор, ассистенты, мило улыбаясь, поздравили меня и удалились в местную столовую (этажом ниже), где и произойдет у них встреча Нового года. Ищу ботинки – ботинок нет. Выбегаю из студии. На лестнице стоит пожарный – серьезный, пожилой усатый человек со старыми тапочками в руках, протянутых в мою сторону: «Вам». Кто? Что? Почему? Откуда? Зачем? Ничего не понимаю. Тапочки так тапочки – черт с ними, надеваю. Бегу вниз на выход. Пожарный кричит вслед, что пальто внизу у дежурного милиционера... Спасибо! Ура! Успеваю! Мороз ерундовый. Тапочки – не помеха. Двести метров можно спокойно пройти за две минуты! Время на часах при выходе – 23.57. На ходу вталкиваюсь рывками в пальто, выскакиваю на улицу.

Какофония ревущих сигналов двух автомашин-такси, как новогодняя елка светящихся всеми имеющимися на их бортах лампочками, фарами, подсветками подфарников, табло и т. д. Двери авто широко распахнуты. У всех сидящих в машинах широко раскрыты белозубые ржущие пасти – точь-в-точь как на зазывных авторекламах «Форда», «Кадиллака», «Бьюика» или наших «Жигулей» (в переводе на русский – «Фиат», что означает на английском – «Лада»). В одной руке Плятта – мой скрипучий ботинок, в другой – полный бокал шампанского. В левой руке Подгорного – второй ботинок, в правой – тоже бокал шампанского. В руках Папанова – два фужера, один – себе, другой – мне. Водители с полными бокалами лимонада (Хохрякова и Серову увезли по домам поджидавшие их родственники). В радиоприемнике одной из машин бьют куранты и... «С Новым годом, дорогие товарищи!»

Мы чокаемся, осушаем бокалы, целуемся, хохочем, снова наливаем шампанского из бутылок, стоящих прямо под ногами на тротуаре. Ноги мерзнут, надеваю свои скрипучие, отдаю дежурному тапочки. Узнаю, что друзья приобрели в здешней столовой восемь бутылок

шампанского, бутылку водки, восемь ирисок и один соленый огурец... 00 часов 30 минут. Байка за байкой, анекдот за анекдотом, стихи, отрывки из ролей. Хохот. Два часа ночи. Я захожу в «Арагви». Кислые физиономии объевшихся «пассажиров» почти съеденного стола, ревность, нравоучения, банальные тосты. Скучно. Жмут ботинки. Хочу спать.

Вспоминая под старость все свои новогодние встречи, не могу не признаться в том, что та – в такси на тротуаре – была самая сердечная, самая талантливая, поставленная режиссером Ростиславом Пляттом.

«Можно забыть того, с кем смеялся, но никогда не забыть того, с кем вместе плакал» (Д. Джебран).

Легко себе представить, как тяжело и как в то же время мужественно Ростислав Янович переносил приближение неминуемого проигрыша в предначертанном всем нам трагическом, безнадежном сопротивлении наступающему расставанию с... цветами, людьми, зверюшками, воздухом, с возможностью снова и снова встречать Новый и снова Новый год...

Видеть его чуть согбенным, неважно передвигающимся с палкой в руках было просто непереносимо больно! Безжалостно колющее чувство человеческой беспомощности перед роком. Лишь сознание того, что везде и всюду он ощущал наисердечнейшее к себе отношение, истинную любовь зрителей и коллег, позволяет надеяться на то, что в последние дни душа его наполнялась не только печалью и досадой, и это (если это так) хоть на чуть-чуть, но все же смягчает чувство горечи от потери такого редчайшего и красивого человека!

Ольга Александровна Аросева

Движущая сила человечества - дух творческой неудовлетворенности.

Айзек Азимов

Первое знакомство с героиней моего рассказа состоялось в те далекие времена, когда ходили по московским улицам в валенках, ездили на извозчиках, в людных местах торговали мочеными яблоками, мороженым в вафлях и ирисками, по расчудесным бульварам Садового кольца водили дрессированных медведей, выкидывавших на радость зевакам смешные «кренделя», когда по дворам домов ходили скупщики старых вещей и пронзительно, все на один манер, кричали: «Старье берем, старье берем»... Познакомились мы в одном из учреждений на маленькой, ласковой, очень симпатичной старинной площади, зажатой со всех сторон, почти по кругу, разностильными небольшими особняками. Называлась она - Собачья площадка.

Ее уже давно нет - расковыряли, снесли, застроили - и сейчас невозможно без старых карт точно определить место ее бывшего расположения. Но она все-таки существует - в памяти старожилов и в их рассказах. Судя по тому, что гулял я с героиней по площадке, непременно держа ее за ручку, - она мне очень нравилась, и совсем не важно, что ей было тогда уже три года, а мне - ого-го-го - все пять с гаком... Общались мы ежедневно (кроме воскресных дней, которые надо было посвящать домашним делам), но кабинеты у нас были разные: ее назывался - «младшая группа», а мой - «старшая группа», а само

государственное учреждение называлось «Детский сад» – номер, кажется, шесть...

Шли годы, и когда героине стукнуло аж пять лет, мне, кхе-хе-хе-кхе – страшно вспомнить – все семь, мы «сговорились» и... вывезли своих пап и мам в Германию, где, как выяснилось позже, оба папы, тайком от нас, устроились на работу в качестве представителей СССР, но от разных ведомств... О, это было прелестное время! Наш роман развивался довольно бурно: я назначал своей подруге частые свидания в доме нашего торгпредства в Берлине... Особенно содержательной и трогательной была встреча в день годовщины Великого Октября в 1930 году... Снова держал ее за руку и тогда, когда танцевали под рояль, и тогда, когда вместе с другими парами нашего уже солидного возраста разучивали и русские, и немецкие песенки... Самую глубокомысленную и лиричную помним до сей поры, и совсем недавно, выступая на телевидении, спели ее на немецком языке...

В переводе на русский ее главный куплет звучит так:

«Ах мой Бог, как хорошо, что вовремя пришел приятный мужчина – доктор Слюнкин, и чудесным образом склеил раненое колено своей волшебной СЛЮНКОЙ!» (Для любопытных: фамилия доктора на немецком языке – Шпукеманн.)

Эту смешную фамилию постепенно из наших голов вытеснила дьявольская – Шикльгрубер (Гитлер), а затем она вытеснила и нас самих из Германии вместе с папами и мамами. Судьба, к сожалению, раскидала нас в разные стороны, и ручку героини держали уже другие мальчики... Я так и не успел объяснить ей в... глубочайшем уважении и почтении, и даже в... вообще не успел... Вот что наделал проклятый Шикльгрубер! М-даа, это тебе не доктор Шпукеманн! Но вот что удивительно: оба мы стали артистами. И хотя долгое

время не встречались, все же оригинальнейшую компенсацию за несостоявшееся объяснение в любви судьба мне послала: сводила нас в качестве партнеров, а действующие лица, роли которых мы исполняли, не то что объяснялись в любви, а даже любили друг друга.

Например, в фильме Юлия Яковлевича Райзмана «Урок жизни» моя подружка играла роль студентки, за которой я – тоже по роли студент – ухаживал, танцевал с ней на вечеринке в общежитии, держал за ручку, ну точь-в-точь как во времена доктора Слюнкина!.. Я в очередной раз готовился к объяснению в... (не по роли), но стеснялся, не решался, а съемки завершились и... Одним словом, опять не состоялось объяснение.

Вскоре мой сценический герой – Остап Бендер – в спектакле Театра сатиры «Двенадцать стульев» объяснялся в любви мадам Грицацуевой, роль которой исполняла моя подруга, и уже тогда – в пятидесятых годах – я понял, что девочку из детского садика на Собачьей площадке ждет счастливая артистическая судьба. В интерпретации роли «мадам» она заняла позицию адвоката, а не прокурора, что позволило создать образ, освобожденный от шаржа, примитивного оглупления, наделенный естественными человеческими чувствами. Объяснялся в любви этому существу мой герой, но опять – не я...

Вскоре за меня это делал и роллановский Кола Брюньон в сценах с Ласочкой, роль которой блистательно, но несколько неожиданно для зрителей и непривычно для себя исполнила дорогая подруга в телефильме «Кола Брюньон» (постановка А. А. Гончарова)... Блистательно – потому что была в сложной роли, требовавшей мгновенных «переключений» из покоя в гнев, из грубости в ласку, из самоуверенности в незащищенность, из смеха в слезы, и главное, из пожилого возраста в девчачий и наоборот. А «неожиданно для зрителей и непривычно для себя» –

потому что уже тогда, то есть тридцать лет тому назад, сделала убедительную заявку на роли «возрастные», что в большинстве случаев не удается актрисам молодым и даже среднего возраста!

Затем кинофильм «Трембита» (режиссер Олег Павлович Николаевский) снова подарил нам роли когда-то влюбленных друг в друга – Параськи и Сусика... Подруга моя дорогая в новой роли проявила такую внутреннюю энергию, такую физическую силу и напор, что объясняться в любви мне показалось занятием тщетным. Какое там, к дьяволу, объяснение, когда она меня чуть не пронзила насмерть железякой на конце багра, пытаюсь стащить с крыши сельской хаты... Сцену стаскивания с крыши снимали много раз, так как мешали то собака, пытавшаяся укусить мою подругу, может быть, защищая меня, сидевшего на крыше и подвергавшегося нападению незнакомой женщины с багром; то вошедший в кадр крупно подвыпивший грозный мужчина, требовавший бумагу, разрешающую съемки дома или плату за, как он сказал, «амортизацию объекта»... Оказался он бывшим полицейским (съемки производились в селе Пилипец на территории бывшей Западной Украины), работавшим теперь сторожем церкви и по совместительству, через день – пастухом частных коров и овец. Но основной его работой оказалось употребление «горилки» в таком чудовищном количестве, которое «возвращало» его на прежнюю престижную службу сельского блюстителя порядка. И вот в этой, казалось бы, безнадежной для нас ситуации проявилось еще одно уникальное качество таланта моей маленькой подруги – умение контактировать с любым человеком, обаять его и ненавязчиво, элегантно (а если нужно, и неэлегантно) добиться от него чего угодно, в зависимости от обстоятельств... Это свойство, по-моему, гипнотического характера и опять же подтверждающее наличие выдающегося таланта! Она

заговорила с нарушителем нашего покоя, взяла его под ручку (не «за ручку», как я ее держал, а «под»), отвела его в сторону. Тот внимательно слушал, затем его лицо расплылось в совсем «неполицейской» улыбке, обнаружившей единственный во рту зуб, но покоившийся в золотой коронке, он закивал часто-часто – согласительно – головой и даже по-дружески обнял собеседницу. Она кокетливо пальчиком постучала по его синеватому носу, позвала директора кинокартины. Тот выдал «полицмейстеру» сумму, которая, как потом выяснилось, соответствовала цене двух сосудов «горилки» и полностью гарантировала «вырубание» настырного блюстителя.

Потом снималась сцена, когда Сусик, спасаясь от преследовавшей его Параськи, прыгает в костюм-тройке с мостков в реку, надеясь на то, что место неглубокое, и с головой уходит под воду. Вовремя подоспевшая Параська багром (опять этим чертовым багром!) нащупывает «свою любовь» на дне и вытаскивает на свет божий. В момент счастливого спасения лицо Параськи снова показалось мне достойным объяснения в... Но, как бы это сказать, э... настроение и внешний мой мокрый вид не соответствовали классическому облику объясняющегося в... В общем, не решился... Объект тайных вздыханий вечером улетел, и признание не состоялось...

Между тем время неумолимо делало свое дело: пролистывало дни, месяцы, годы...

Ни совместная работа над ролью Матери, как всегда блистательно сыгранной подругой в спектакле по пьесе Говарда Лоусена «Чудеса в гостиной» в моей постановке, ни более или менее частые встречи на радио, телевидении, в концертах, на театральных премьерах, в которых «девочка из садика» на Собачьей площадке неизменно из роли в роль продолжала

радовать все новыми и новыми гранями своего удивительно заразительного таланта, ни телефонные переговоры – ничто не располагало к объяснению... И вот – юбилей девочки! Тик-так, тик-так, тик-так и... 70. Еще только – 70. Вот и настал тот миг – самый уместный, самый своевременный, самый серьезный для объяснения в искреннем уважении и любви, что я с большим волнением и делаю, написав этот маленький рассказ. Да хранит тебя Бог, дорогая Ольга Александровна Аросева! Поздравляю!

Коленопреклоненный Евгений Весник.

Андрей Александрович Гончаров

Если бы Бог наградил меня способностью рисовать, а затем одушевлять рисунки и наделять их способностью жестикулировать и говорить – я изобразил бы Андрея Александровича стоящим на макушке высоченной горы или на крыше руководимого им замечательного академического Театра имени Маяковского – или даже на самой высокой точке крыши – на трубе, похожей на заоблачной высоты скалу, и в спортивном костюме (он увлекался восхождениями на горные высоты), непременно с длинной бородой, развевающейся на разнонаправленном сильном репертуарном ветру, то рычащим, как лев (от неудовлетворенности, в основном собою, он часто повышал голос), то неистово и радостно смеющимся на высоких хрипучих нотах и с дикой энергией быстро-быстро трущим ладонь о ладонь и громко-громко спрашивающим у летающих над ним и театром ласточек, ангелов и орлов, очень похожих на лики Островского, Горького, Арбузова, Миллера, Шекспира, а также у членов художественного совета, сидящих на своих зарплатах, званиях и самомнениях и очень похожих на женщин, летающих на метлах, и на мужчин, важно заседающих в органах по дезорганизации организаций:

– Ну как, а? Хорошо, правда, а? Молодцы артисты, правда, а?

Затем в моем воображении он, радостный и возбужденный, распахивает свою спортивную куртку, под которой неожиданно обнаруживается красивый детский слюнявчик, очевидно потому, что Гончаров в мгновения восхищения талантами артистов всегда похож на счастливого ребенка, получившего конфетку,

велосипед или ботиночки для скалолазания за отличное поведение или за аккуратно выполненное домашнее задание!

Борис Андреевич Бабочкин

В качестве эпиграфа к предстоящим воспоминаниям о большом артисте и режиссере привожу цитату из статьи А. Н. Островского «О театре»:

«Актер не должен иметь на сцене своей походки и посадки, а должен иметь всякие, какие требуются ролью и положением. Кто не любит освобождаться от своих привычных жестов, ТОТ НЕ АКТЕP...»

Добавлю от себя: речь идет о высочайшем назначении профессии артистов – перевоплощении!

К примерам высочайшего класса «перевоплощения» можно отнести работу Б. А. Бабочкина над образом легендарного Чапаева...

Одаренный артист и режиссер, наделенный, как всякий истинно талантливый художник, сложным характером с элементами как природными, так и приобретенными в сложных житейских катаклизмах; замкнутый, трудно сходящийся с людьми, порой грубый, жесткий, но умевший быть верным другом того, кого допускал в свое сердце, – вот эскизный набросок образа народного артиста СССР Бориса Андреевича Бабочкина!

В роли Чапаева он – сама откровенность, доброта, мягкость, обаяние! Высший класс внутреннего психологического перевоплощения. Честно говоря, наблюдая Бабочкина в разных предлагаемых жизнью обстоятельствах, будь то застолье или собрание, концерт или репетиция (на репетициях, которые вел он, – один Бабочкин, на тех, когда он был исполнителем роли и воли не своей, а другого режиссера, – другой Бабочкин), – наблюдая и слушая его в закулисных разговорах по поводу спектаклей, деятельности

артистов, театров, режиссеров, – я терялся в точном определении того, какие же его человеческие качества и проявления можно было считать перевоплощением: те, что он проявлял в обыденной жизни или, скажем, в знаменитой роли Чапаева?

Можно было допустить, что мягкость, обаяние, доброта, открытость душевная, даже какая-то детскость, проявленные в роли легендарного красного командира, были его личными, природными человеческими качествами, а проявляемые в коллективе, в общении с коллегами – жесткие, аскетичные, несколько даже надменные – качествами перевоплощения...

Творческая жизнь талантливого артиста, знаменитого, маститого, была, между прочим, не без «непогоды», не без «шипов»...

Однажды его спросили: «Борис Андреевич, репетиции идут хорошо, актеры довольны, а вы какой-то мрачный, суровый. Может быть, вы плохо себя чувствуете?» – «Все хорошо, – ответил мастер, – я тоже доволен тем, как идут репетиции, и актерами очень доволен, но все дело в том, что я опасаюсь „подпрыгивать“ от радости – могут из-под тебя стул стибрить!»

...Вот вроде бы пустячок, а ведь он очень многое объясняет в судьбе мастера... Были и паузы в работе и в театре, и в кино, были неудачи, сопровождавшиеся тяжелыми переживаниями, и ох как трудно было оставаться на той художественной высоте, на которую поднял его созданный им образ Чапаева! Не могу сказать, что ему удавалось подниматься выше в какой-либо другой работе! Были большие удачи, но... И это своеобразная трагедия! Начинать со своего «потолка» – трагедия! Такая же, как учиться у гения, а затем не встретить равного ему до конца жизни – тоже трагедия.

Кстати, я испытал ее на себе. Я учился у А. Д. Дикого и за всю свою творческую жизнь не встретил равного ему по уму и таланту режиссера ни в театре, ни в кино! Что это? Конечно, трагедия! Мне еще повезло, так как судьба сводила меня в работе с очень и очень талантливыми людьми... Но... равных Дикому среди них не было! Значит, и я начал со своеобразного «потолка», но в общении с режиссурой...

Борис Андреевич относился ко мне – не могу жаловаться – довольно внимательно и даже старался помочь советами и делом. Он, например, назначил меня на роль Басова в «Дачниках» Горького, но, к сожалению, тогда, когда спектакль был уже в течение многих сезонов более 150 раз сыгран. Да еще в очередь (играть в очередь) с первым исполнителем этой роли – народным артистом СССР Н. А. Анненковым, артистом, которого я никогда не понимал и не понимаю, игравшим Басова как всегда эффектно, но и как всегда и во всех ролях предлагая зрителям наблюдать больше за тем, какой красивый голос и внешность у артиста Анненкова (девичья фамилия Кокин), а не за сутью очень сложного человека – Басова. Поэтому вводиться в спектакль пришлось, преодолевая и трактовку роли, и привычные наигранные связи с партнерами, и даже некоторые мизансцены... Осуществить все это до конца мне не удалось по многим причинам, а в основном потому, что вводился уже после смерти Бориса Андреевича и не имел поддержки его личной, как постановщика, разделявшего некоторые мои размышления по поводу несколько иной от анненковской трактовки роли...

В гоголевском «Ревизоре» в постановке И. В. Ильинского (1966) мы были партнерами: Бабочкин играл Почтмейстера, я – Городничего, и... на каждом спектакле после сыгранной им сцены в первом акте он не уходил к себе в гримуборную, а оставался в кулисах, наблюдая за исполнением мною чертовски трудного

монолог моего героя в конце первого акта... Мне это льстило, меня это мобилизовывало, подстегивало... И каждый раз в антракте Борис Андреевич делился со мною своими впечатлениями, давал советы, предлагал все новые и новые приспособления, детали и краски... Я был ему чрезвычайно благодарен за это, гордился его вниманием и считал, что аплодисменты зрительного зала после исполненного монолога адресованы не только мне, но и Борису Андреевичу... Внимание, которое он проявлял в мой адрес, я лично объясняю тем, что мы оба были влюблены в талант и ум Алексея Денисовича Дикого, тем, что в наших, очень разных судьбах Дикий сыграл огромную, если не решающую (для меня уж точно!) роль. Эта влюбленность в третьего человека как бы сближала нас двоих! «ДИКИЙ» – пароль в атмосферу ДОВЕРИТЕЛЬНОСТИ. Дикий сыграл большую роль в судьбе Бабочкина – режиссера в Большом драматическом театре в Ленинграде; в очень трудное для Бабочкина время Дикий пригласил его на главную роль в свою гениальную постановку по пьесе «Тени» Салтыкова-Щедрина в московском Театре имени Пушкина, блестяще сыгранную Борисом Андреевичем! Театральный мир вспомнил «Чапаева», и о Бабочкине снова заговорили как о блестящем актере, продемонстрировавшем высочайший класс перевоплощения, так как «Чапаев» и главный герой «Тени» – совершеннейшие антиподы («Каждый артист должен быть характерным», – сказал К. С. Станиславский).

Состоявшийся режиссер и подтвердивший свой высокий класс артист Бабочкин был принят в труппу Малого театра, на сцене которого он создал целую галерею артистических и режиссерских шедевров.

А обо мне и говорить нечего: я до сих пор влюблен в Дикого, всегда посвящал ему свои удачи, всегда в

процессе работы внутренне как бы советовался и сверял себя с А. Д. Диким!

Я уверен – немногие видели Бабочкина растерянным, а я... видел. И был приятно удивлен открытием новой, неожиданной краски его сложного характера...

«Борис Андреевич! Жена Алексея Денисовича Дикого – Александра Александровна – просила передать вам, что вы...» – далее шли совсем нелестные слова. «За что же так сурово?» – спросил, насторожившись, мастер. «Вчера был день смерти Дикого. Она по традиции ждала вас или хотя бы вашего звонка. Все собравшиеся были обеспокоены, не случилось ли с вами, не дай Бог, чего-либо. Звонили вам, никто не отвечал...»

Бабочкин заплакал. Ей-ей! Отменил репетицию, поехал к Александре Александровне и... стоял перед ней на коленях! Бабочкин – на коленях! Это невероятно! Но факт...

...Работа Бабочкина в роли Почтмейстера прошла незамеченной – и очень-очень зря! Потому что она подарила зрителям замечательного комедийного артиста! Невозможно забыть, как уморительно смешно, по-ребячьи искренне, не моргнув глазом, он опровергал самого себя в коротком диалоге с Городничим в первом акте «Ревизора».

Последняя реплика: «А если так, то не будет войны с турками» – всегда произносилась с такой верой в свою безапелляционную правоту, с таким удивлением по поводу того, что присутствующие должностные лица не разобрались в сложившейся международной обстановке, что сдержать себя и не рассмеяться (что совершенно не вязалось со сценическими предлагаемыми обстоятельствами) было делом далеко

не простым! Уморительно смешно играл Бабочкин!
Лучший Почтмейстер!

К. С. Станиславский об одном из качеств, определяющих артистический талант: «...бесстрашие, в смысле отречения от своего мира мыслей и отдачи своего „я“ во власть предлагаемых обстоятельств пьесы»... Этим качеством Борис Андреевич был одарен щедро, потому и остался в памяти людей крупнейшим русским артистом.

Марчелло Матространны

У меня, право же, есть некоторые основания попытаться написать легкий «акварельный эскиз» моих впечатлений от «контактов» с одним из лучших в мире артистов – Марчелло Матространны, так как навряд ли кто-либо из нашего русского актерского братства так серьезно «прочувствовал» и «продегустировал» нюансы его ювелирных творческих перевоплощений в многочисленных сложнейших ролях, как я, – скрупулезно, из кадра в кадр следовавший за ним «по тропинкам» его неожиданных разнообразных артистических средств выражения и таинств удивительной, колдовской силы заразительности.

Я имел честь «озвучивать», то есть дублировать мастера в таких заслуженно нашумевших фильмах, как «Брак по-итальянски», «Развод по-итальянски», «Вчера, сегодня, завтра», в которых он исполнил главные роли совершенно не похожих друг на друга пятерых мужчин. «Пятерых» – потому что в последнем фильме, состоящем из трех никак не связанных между собой сюжетной канвой новелл, он сыграл соответственно три роли... и преподал уроки перевоплощений, причем минимальными артистическими средствами.

Я утверждаю, что решающий инструмент в процессе перевоплощения – всегда – наблюдательность.

Первая новелла: физически изможденный мужчина с взъерошенными волосами и впалыми глазами, жена которого за спекуляцию сигаретами должна быть судима и посажена в тюрьму. Но она беременна, поэтому, согласно закону, – неприкосновенна. Задача мужа: непрерывно в течение многих лет поддерживать ее неприкосновенность! Тип: уставший неврастеник, на

границы нервного срыва... говорит, чуть не плача, отрывисто...

Вторая новелла: журналист с прилизанными волосами, покрытыми лаком и с ровно-ровным выложенным пробором. Сдержан, аскетичен, малословен, холоднодушен – сама индифферентность... Говорит тихо, медленно...

Третья новелла: стаккатированно-синкопированный, капризно-темпераментный, глуповато-восторженный, слегка курчавенький и подзавитый провинциал. Говорит быстро-быстро...

Прически, качества темпераментов, разные темпоритмы речи – вот основные средства гениальных метаморфоз!

Пользуется Мастроянни этими средствами словно пинцетом – осторожно, маленькими дозами, легко, ненавязчиво: настоящая психологическая и техническая эквилибристика! Чувствуется, что фильм задуман специально для демонстрации великим артистом возможностей человеческих перевоплощений!

Браво, Мастер!

Вторя ему на дубляже, «идя» за ним след в след, – признаюсь, я обогащался артистическим опытом!

Спасибо, Мастер!

Несколько акварельных мазков к эскизу... Мастроянни начинал в театре.

Влюблен в чеховскую драматургию.

В Италии играл Соленого в «Трех сестрах».

Москва. Гостиница «Метрополь».

Я в гостях у Мастера. В... соответствующей комнате в калейдоскопе туалетных принадлежностей не обнаруживаю зубной щетки... Через переводчика спрашиваю – почему ее нет?

Ответ Мастера: «Вредно... Ломтиками лимона надо чистить зубы».

Очень, очень и очень знаменитая французская киноактриса – «секс-бомба» – решила покорить сердце итальянского богатого гениального артиста.

Предложила партнерство в кинобоевике. Мастер прибыл в Париж, был приглашен в кинопавильон и самой «секс-бомбой» усажен в удобное кресло с просьбой: внимательно просмотреть одну из сцен фильма, в которой в предстоящих съемках он должен будет лежать в постели...

Мадам в полутьме сыграла всю сцену обольщения с воображаемым партнером... Зажгли свет. «Сексбомба», уверенная в своей неотразимости, неоднократно с успехом проверенной, не сомневалась, что услышит аплодисменты гостя, но... взглянув на Марчелло, обомлела, возмутилась и буквально вылетела из павильона... Мастер, чуть похрапывая, спал...

Обольщение не состоялось. Партнерство – тоже.

Хорошо знавшие Мастроянни утверждали, что и похрапывание, и сон были им сыграны!

Еще раз браво, Мастер!

Раньше на радио существовали разнооплачиваемые передачи: наименьшей суммой денег оплачивались те, которые звучали один раз – «разовые». За сохранявшиеся от месяца до года платили более щедро, а вот сохранявшиеся как бы «навсегда», так называемые «записи» в «Золотой фонд», были самыми высокооплачиваемыми: артист получал гонорар в зависимости от количества минут звучания его голоса в эфире.

Было замечено, что некоторые артисты, в том числе и очень известные мастера, говорили в разных передачах в разных темпах, в зависимости от вида оплаты. Предположим, реплику: «Добрый вечер! Как уютно сегодня у вас! Но к сожалению, извините меня,

ради Бога, петь сегодня я не смогу - немного простужен!» - артист произносил в нормальном, спокойном темпе в низкооплачиваемой передаче - за 9 секунд, а вот в передаче для «Золотого фонда» эта же реплика могла звучать целую минуту и даже, при желании, больше: «О-о-о! Добрый вечер! (кашляет: кхе-кхе-кхе)... звините... (снова: кхе-кхе-кхе...). Ах-ах-ах! Как уютно...(теперь чихает: ап-чхи!)... Извините (тяжело дышит несколько секунд). Сегодня у вас (опять: кхе-кхе-кхе... ап-чхи! Тяжело дышит...). Извините. Но, к сожалению, извините меня (снова: ап-чхи!). Ради Бога (снова: кхе-кхе-кхе...), петь сегодня (пробует голос: „Люди гибнут за металл...“ кхе-кхе-кхе...) нет-нет-нет... Не смогу, не смогу, не смогу... Немного (кашляет: апчхи!) простужен!»

Во втором томе «Опытов» в главе «О пьянстве» великий Мишель Монтень рассказывает о деревенской женщине-вдове, славившейся своей добродетелью, вдруг заметившей у себя признаки начинающейся беременности. «Если бы у меня был муж, - сказала она соседям, то я решила бы, что точно беременна...» С каждым днем подозрение относительно беременности все усиливалось и усиливалось, и, наконец, дело стало явным. Тогда она попросила, чтобы с церковного амвона было оглашено, что она обещает тому, кто сознается в своем поступке, простить его и, если он захочет, выйти за него замуж. И вот один из ее младших работников, ободренный ее заявлением, рассказал, что однажды, в праздничный день, он застал ее около очага, погруженной после обильной выпивки в такой глубокий сон и в такой нескромной позе, что сумел овладеть ею, не разбудив... Они и поныне живут в честном браке...

С точки зрения нашего XX века изложенная история весьма и весьма благородная, лиричная и даже высоконравственная. А вот я расскажу несколько трагикомических историй, случившихся с

очаровательным человеком, конкретным, не выдуманным. (К чему выдумывать, когда сама жизнь придумывает столько придумок, что выдумывать, говорю, незачем. И потому еще незачем, что красочнее придумок природы, сколько ни выдумывай, не выдумаешь...)

Фамилия человечка - Муганов, а звали его по паспорту - Петр, а кличка - Питер или Пьер...

Итак...

Питер Муганов

Запутался он, болезненный, в очень серьезном процессе изучения смысла происхождения и трактовки «первомайского праздника». Узнал о том, что это – международный праздник всех трудящихся и «день солидарности рабочих всего мира», а также «день боевого смотра сил трудящихся всех стран»; что этот день отмечается именно 1 мая после принятого в июле 1889 года решения 1-го (Парижского) конгресса 2-го Интернационала о ежегодном праздновании этого дня в память о героическом выступлении и борьбе с полицией рабочих города Чикаго в майские дни 1886 года; узнал также, что в Российской империи впервые этот день праздновался в 1890 году. Он, естественно, знал, что в Советской империи он праздновался ежегодно – помпезно и под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Одним словом, Питер перенапрягся, сник и стал невоздержан в отношениях с некоторыми русскими национальными напитками... Он стал напоминать забеременевшую женщину, не заметившую как и когда... Он перестал чувствовать и помнить, сколько, где и с кем осушал емкости «напитков»...

И вот в 1956 году во время гастролей Театра сатиры во Владивостоке на одной из центральных улиц Питер был замечен главным режиссером театра Валентином Плучеком, а также артистами театра Анатолием Папановым и вашим покорным слугой, шедшими на утреннее погружение своих тел в прохладные океанские воды, за весьма странным занятием: стоя на середине проезжей части дороги, наш родимый Петечка совершал загадочные манипуляции обеими руками.

Создавалось такое впечатление, что он то ли пересчитывал проходивших мимо него людей, то ли поторапливал кого-то, показывая, куда надо идти. Одним словом, пантомима феноменальная и непонятная! Троица перечисленных любителей ранних заплывов приблизилась к манипулятору, и Папанов тихонечко спросил: «Петюня! Ты что делаешь?» Петюня нервозно ответил: «Подожди, подожди... Сейчас первомайская демонстрация пройдет... Мы улицу перейдем и тогда поговорим...» «Демонстрация» вскоре прошла, мы перешли улицу, и Петечкины руки-манипуляторы вскоре успокоились. Он был сопровожден в свой номер гостиницы, уложен в постель, укутан и убаюкан... Последние его слова перед сном: «Любит народ Первомай!» Надо сказать, что происходило все это 17 сентября 1956 года.

...Я на минуточку отвлекусь от манипулятора и, чтобы не забыть, быстро расскажу, что произошло с троицей спасателей» исследователя первомайского праздника. Троица наша быстренько дошла до городского пляжа, окунулась в океанские воды, поплыла в сторону буйка, ограничивающего заплывы самых смелых, ловких, бойких и ретивых, к коим в то время можно было причислить и нас... Доплыли до буйка.

ПЛУЧЕК. Все... дальше нельзя. Поплыли обратно...

ПАПАНОВ. Нет-нет... поплыли дальше, как можно дальше...

ВЕСНИК. Зачем?

ПАПАНОВ. О политике поговорим!

Плучек и Весник чуть не утонули... Вернемся к Питеру.

Он отдохнул, откупался, подлечился и стал снова замечательным русским среднепьющим любимцем

всего театра...

В Москве как-то стала модной фраза: «И прекрасно себя чувствую». Предположим, вы говорите кому-нибудь: «Жаль, что ты не был на собрании». Ответ: «И прекрасно себя чувствую». Вопрос: «У тебя неважный вид. Поссорился с женой?» Ответ: «И прекрасно себя чувствую». По аналогии можно напомнить: «Нормально, Георгий?» – «Отлично, Константин» – из Жванецкого.

Так вот автором фразы: «И прекрасно себя чувствую» был Петя Муганов, которому казалось, что если он аккуратно причешется, то никто не догадается, что он выпил. И мало того, чем больше он выпивал, тем лучше был причесан. В театре, естественно, об этом все знали. Однажды я увидел его причесанным, ну прямо-таки волосок к волоску.

– Здравствуй, Петечка! Как я рад тебя видеть! Ты прекрасно выглядишь! Молодец! Вот ты на месткоме дал слово, что не будешь больше пить, и не пьешь.

– И пекасно сия чуссую, – заплетающимся языком сказал Петечка.

Фраза полетела по Москве...

Однажды с ним решил серьезно поговорить директор театра Михаил Семенович Никонов.

– Послушай, Муганов! Мне надоели твои выпивки! Ты мне весь цех позоришь. Работник ты хороший, терять тебя жалко... Давай с тобой так договоримся: наступает у тебя желание водку пить, подавай заявление об уходе. Отпей ты ее, треклятую, а затем подавай заявление о приеме на работу. Буду зачислять. Говори, когда ты хочешь выпить?

– Сейчас, – мгновенно отвечает Муганов.

– Ну, знаешь... – взорвался директор, – мне... мне надоело! Придется нам с тобой расстаться!

– А вы что, Семеныч, уходите? – Муганов заплакал.

Этот разговор с директором, немного переработав, я использовал в радиопередаче «С добрым утром», фамилии, разумеется, я не называл. Муганов передачу услышал и в этот же день, встретив меня в театре, вместо «Здравствуйте» с ходу потребовал: «Авторские!»

И наконец, новелла, имеющая прямое отношение к рассказу Монтеня о зачавшей в крупном подпитии женщине.

Директор театра Михаил Семенович Никонов сдает государственной комиссии результаты ремонта здания театра. Показывает обновленное фойе, зрительный зал и новый автоматически открывающийся люк на сцене.

- Пожалуйста, откройте люк, - просит директор машиниста сцены.

Комиссия склоняется, заглядывает в люк и на глубине пяти-шести метров видит, как наш Питер Муганов и пожарница театра занимаются физическим выражением своих пылких чувств друг к другу...

...Комиссия ушла, директор вызвал к себе Питера.

- Ты что? С ума сошел? Как тебе не стыдно? Это надо же дойти до такого... морального и физического... падения?! Открывается люк, и ты... ты... на глазах государственной комиссии... Что ты делал, а? Во время работы! Что ты делал с пожарницей, а? Как тебе не стыдно! И во время работы, а?

Взлохмаченный Муганов с сознанием своей неопровержимой правоты, ничуть не смутившись, заявил:

- Михаил Семенович! Был обеденный перерыв!

Позже Михаил Семенович, вспоминая эту историю, говорил:

- Кто знает, может быть, без «романа» в люке комиссия и не приняла бы реконструкцию сцены. Спасибо Питеру Декамероновичу Муганову!

Пожарница не зачала, заявлений с церковного амвона не делала, мужем и женой «влюбленные» не

стали... Двадцатый век - не шестнадцатый!

Павел Николаевич Поль

В Театре сатиры, о котором я упоминал в рассказах о Муганове, служили замечательные артисты, вошедшие в историю высокого искусства. Одним из них был народный артист РСФСР Павел Николаевич Поль – исполнитель множества главных ролей в репертуаре театра...

Начал он свою карьеру с того, что отказался от своей родной фамилии – Синицын... Когда-то, в далекие времена нашего века, такие метаморфозы были модными. За броскими «Бим и Бом», «Два-Бульди-Два», «Фотограф Паола», «Польди со своими собачками» или «Польди-парикмахер», «Кио», «Карандаш», «Девять-Инго-Девять» и т. д. и т. д. скрывались простейшие «заземленные» фамилии! Такие, как, например, Румянцев, Скалов, Рубинштейн, Ратковский или, скажем, Иванов... А за фундаментальным обликом серьезнейшего Павла Николаевича скрывалась натура непредсказуемо озорная, с огромным и оригинальнейшим чувством юмора...

– Павел Николаевич, в чем секрет вашего постоянного и большого успеха у публики? Стоит вам появиться на сцене – аплодисменты, уйти – аплодисменты! В чем тут творческая собака зарыта?

– Золотце мое, все очень просто. Когда артисты на сцене говорят тихо-тихо, я выхожу и говорю гроо-о-мко-о-о! И когда говорят громко-громко, я выхожу и говорю ти-и-и-хо-о-о! Вот и вся моя система Станиславского и его друзей – «Немировича и Данченко»!

Мастера очень часто приглашали в концерты. Всякий раз он просил приезжать за ним namного

загодя... часа за полтора до начала. Но тем не менее каждый раз звучали одни и те же слова:

- Все кончено... Мы опоздали. Наверняка... Ну зачем ехать, если мы опоздали?! Бессмысленно! Опоздали! О-п-о-з-д-а-л-и! И все! И не спорьте со мной! Не спорьте! Я опытнее вас! Не спорьте - опоздали!

Но при всем том он смотрел в зеркало, аккуратно повязывая галстук, причесывался, накладывал легкий-легкий грим-тон и чуть-чуть припудривался... Кто-то однажды полюбопытствовал:

- Павел Николаевич! Почему вы всегда так говорите? Ведь никаких оснований для волнений нет. Времени до начала концерта - уйма, да и, в крайнем случае, вас-то уж наверняка подождут: или потянут концерт, или антракт объявят...

- Золотые мои! Во-первых, я никогда не волнуюсь, а говорю одни и те же слова для... страховки, чтобы не сглазить, не дай Бог, чтобы в струне себя держать... Да и скучно молча собираться, верно ведь? И тебе, золотенький, есть чем позабавиться во время нудного ожидания!

...В самом начале Отечественной войны Театр сатиры гастролировал в Минске. Рано-рано утром в номер к Павлу Николаевичу буквально вломился бледный Владимир Яковлевич Хенкин - великий комедийный артист и трагическим шепотом произнес:

- Пашка, слышишь, Минск бомбят!

Облаченный в халат, величественный «Пашка» после малюсенькой паузы ответил:

- Золотой мой, ну что я могу сделать?!

На старости лет мастеру было категорически запрещено употреблять спиртное! Ни грамма! Самая маленькая рюмочка даже легкого сухого вина могла для него обернуться катастрофой. Но посидеть час-другой после спектакля в ресторане Дома актера, в кругу друзей - только посидеть! - он очень любил.

Однажды он пригласил с собой молодого актера Юру Хлопецкого, который не был осведомлен о состоянии здоровья Павла Николаевича и о «трагическом запрете»... Поль заказал водки, маслины, тарталетки с печеночкой и жареным лучком, налил Хлопецкому «огненной», а себе – минеральной водички... Чокнулись...

– Ну, Юрочка, будьте здоровы! Только, пожалуйста, медленно, медленно-о-о-о-медленно-о-о-о пейте... Так-так-так. Хорошо! Закусывать не торопитесь! Не торопитесь! Посидите немножко... Подождем... подождем... так... так... Ну что? Захорошило?

– Да... немножко...

– Вот и хорошо... Возьмите, пожалуйста, одну маслиночку... одну... одну... Во-о-... И пожалуйста, косточку проглотите... Это единственная косточка, которая растворяется в желудке, даже лечит разного рода болезни... Даже язву... Та-ак... Ну посидим... Отдохнем немножко...

Минут пятнадцать пролетели в полном безмолвии... Хлопецкий в недоумении... полном...

– Ну что, Юрочка? По-моему, пора! – Поль выливает в фужер Хлопецкого оставшуюся водочку, а в свой – опять водички... – Умоляю, не торопитесь! Не торопитесь, пожалуйста! И ради Бога, не запивайте водой... Эх... хорошо... кхе-кхе-кхе... Эх! Теперь сразу маслиночку... И немножко печеночки... маслица, маслица, лучку... так... Хорошо! Хорошо! Запивать не нужно... не нужно... не нужно... Теперь посидим, поговорим...

Поговорили минут тридцать о театре, о банкетах, о здоровье...

– Ну что ж, – говорит Поль, – можно идти домой. Встают из-за стола. Хлопецкий совершенно трезвый! Павел Николаевич сильно охмелевший!

Старожилы поговаривали о том, что Поль очень напоминал знаменитого артиста императорского Малого театра Федора Горева, совершившего ко всему еще и как бы педагогический, истинно христианский подвиг: он воспитал в своей семье одаренного еврейского мальчика-сироту и, дав ему всестороннее образование, подарил русской культуре одного из лучших дирижеров страны - Юрия Федоровича Файера...

Для полного сходства двух мастеров сцены в биографии Поля не хватало факта воспитания еврейского мальчика, а Гореву необходимо было бы иметь модную для того времени фамилию-псевдоним... Скажем, Федор Горио!

Петр Мартынович Алейников

Он был человеком, которого в зоопарке лизнул (поцеловал, значит) волк!

Он был очень любим народом. Никто другой не пользовался такой популярностью, как он, – никто! Желание людей увидеть его у себя дома за столом (если бы только дома!), широкие русские угощения и возлияния надломили раньше времени его могучее здоровье.

Он был удивительно богато Богом одаренный человек с гипнотической силой обаяния! Его манере говорить с истинно русской мелодикой многие его коллеги, находясь под его влиянием (сами за собой и не замечая этого), явно подражали.

Не все ладно было в его жизни, дома. Мне кажется, что такому человеку всецело принадлежать только семье – ну просто невозможно. Да и, может быть, несправедливо: ведь он, говоря избитыми словами, «принадлежал народу». Люди хотели приблизиться к нему, увидеть его покоряющую всех, знаменитую, добрейшую и неповторимую улыбку!

И если за доброту его поцеловал волк, то люди официальные за то, что он был равнодушен к «великой партии», проводили этого гениального артиста на небеса без наград, без званий (слава Богу, он сам был наградой людям!) и еле-еле, под нажимом друзей, особенно Бориса Андреева, дали согласие похоронить его на Новодевичьем кладбище. И... забыли. Бог с ними, он не им принадлежит.

Но те, кто работал с ним, кто способен объективно разбираться в людях – тем более в людях могучего таланта, – никогда не смогут вычеркнуть его из своей памяти. Поэтому я – с искренним преклонением перед

его личностью, с глубоким восхищением перед его талантом – решаюсь на написание немногих строчек, посвященных одному из ярчайших русских лицедеев-самородков – Петру Мартыновичу Алейникову!

Я не был его приятелем, не был частым партнером, не был в числе тех, кто регулярно посещал его дом и разделял с ним во многом погубившие его застолья. Для того чтобы полюбить его и восхищаться его даром, мне было достаточно совместных съемок всего в одном фильме («Стежки-дорожки» режиссера Артура Войтецкого), концертной поездки по Донбассу да общения с ним в нескольких сборных концертах.

Село Селище, в двадцати километрах под Винницей. Съемки кинофильма «Стежки-дорожки» киностудии имени Довженко. Петр Алейников – в роли почтальона, я – председатель колхоза. (Кстати, в этом фильме главного героя играл молодой, ныне, увы, уже ушедший от нас Олег Борисов.)

Текст снимавшейся сцены примерно таков:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Зачем пьешь?

ПОЧТАЛЬОН. Ну как же мне не пить? Я тетке Мане телеграмму приношу. Внук ее звание полковника получил. Ну как не выпить? Или вот к пастуху Степану прихожу с письмом. В нем сообщение о том, что сынок в казахстанских степях на целине Героя Соцтруда получил. Ну что делать? Не отметить? Нельзя! Обида! Выходит – я за могущество государства пью!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ладно. Мужик ты хороший. Ищи замену. Расстанемся по-доброму. Может быть, я тебя сторожем правления возьму.

Репетируем, репетируем. Очень хорошо все получается, задушевно, трогательно... Наконец – команда «Мотор!». Все идет нормально. И вдруг у меня, любителя импровизаций, после слов почтальона: «Я пью за могущество государства!» вместо того, чтобы пойти дальше по тексту и сказать: «Ну ладно, мужик ты

хороший. Ищи замену», появилось (почему, не знаю) желание переспросить сочувственно: «Значит, за могущество?» Уверен, 90 из 100 артистов или остановили бы съемку, так как текст этот не был срепетирован, или растерялись бы, смешливые – не сдержались бы, фыркнули, а злые запросто затеяли бы «высокопрофессиональный» скандалчик.

Боже, что произошло с Петром Мартыновичем! На его лице засветилась озорная, обворожительнейшая улыбка, заискрились глаза. Он, казалось, помолодел! Он был сама надежда на благосклонное к себе отношение председателя, на прощение своих грехов. Мгновенно, рефлекторно на мой переспрос: «За могущество?», на высокой ноте, словно желая показаться не запятанным ни в чем, чуть ли не ребенком, выпалил: «Да-а-аа!»

Я не смог сдержать своего восхищения его импровизационным даром и рассмеялся, что никак не мешало характеру и смыслу сцены. Даже наоборот – обогатило ее. (Все могло войти без помех в фильм, но, увы, не удалось Петру Мартыновичу доснять в этой картине.) После его гениального «Да-а-аа!» я рассмеялся и в перерыве между съемками рассказал ему, что подобное со мной бывает крайне редко, что меня трудно рассмешить, что многие любыми путями пытались меня, как мы говорим, «выбить из образа», но добивались этого крайне редко.

– Веня, ну расскажи, расскажи (обращение ко мне «Веня» составлено из первых букв моей фамилии и двух последних из имени). Я тебе тоже кое-что смешное подарю.

Я поведал ему историю из своей студенческой жизни. Моя первая роль в Малом театре... Играю в «Горе от ума» молодого офицера – гостя в доме Фамусова. Роль маленькая, бессловесная: выхожу на заднем плане и стою, прислонившись спиной к

бутафорской колонне. Следом за мной появляются два актера постарше и прогуливаются подле меня, имитируя тихую беседу. На первом же спектакле один из них остановился и, глядя на меня, осведомился:

- Это вы Чацкий?

Я, студент, первый раз вышел на сцену Малого театра! Волнуюсь, а тут: вы Чацкий? Чтобы не рассмеяться и тем самым не осрамиться, мелкими, как мне казалось, незаметными шажками скрываюсь за колонной, а затем тихонько ухожу со сцены. Первое выступление и такой провал! Однако все прошло благополучно: ни помощник режиссера, ни сам режиссер замечания мне не сделали. Обошлось.

Через день спектакль давали снова. Я поймал тех двоих моих мучителей и слезно попросил:

- Умоляю! Не надо таких реплик! Не губите!

- Больше такого не будет, даем слово, - пообещали они. Во втором акте оба опять подходят ко мне:

- Пардон, любезнейший, вы нам не подскажете, где тут у Фамусовых туалэт?

- ???

Я снова сбежал! После спектакля ко мне подошел режиссер-постановщик. Понимаю, что с роли он меня, конечно, снимет, но вдруг:

- Вы знаете, неплохо, Женя, очень неплохо. Вы чувствуете мизансцену. Так и впредь: постояли и уходите. Вы правы - чего стоять как пень? Эдак у нас значительно живее получается, динамичнее. Молодец, Женя!

- Да-аа, браток, так ведь запросто можно инфаркт схватить! Раз плюнуть... Я вот редко выхожу на сцену, в концертах разве что. Для меня вообще-то жизнь - это сцена, а люди все - артисты! Это не я сказал, а я тебе скажу, что с автором подружился бы! Меня ведь тоже рассмешить трудно, человек я, по-моему, мрачноватый.

Не веришь? Правда, правда. Иногда, конечно, смеюсь, когда смешно. Редко. Но бывает... иногда...

Снимался я как-то в Свердловске, не помню, в какой картине, и простудился. Зашел мрачный-мрачный в аптеку за лекарством, а вышел веселый-веселый – насмеялся, ну прямо, как дурачок! И не в театре, а в аптеке, понял? Стою, значит, я у прилавка, разглядываю чего-то там против гриппа. Смотрю – заходят двое. Один у входа остался, другой к прилавку подошел. Важные, хорошо одетые. Этот, который к прилавку подошел, оглядел товар, повернулся к тому, который в дверях-то, и так, знаешь, солидно говорит: «Тройной» и «Эллада». Это название одеколонов, понял? В дверях который физиономию недовольную такую сочинил, не выговаривая букву «л», отвечает: «Я “Элладу” не пью!» Понял? Гурманом оказался! Ну тут я и зашелся. Вспомнил одного известного артиста, фамилию не скажу. Он, как только приходил на киностудию, так сигналы по этажам народ подавал – дескать, внимание, такой-то пришел! И все гримеры одеколон прятали. Умора! Так вот, значит, я с гурманами свердловскими вместе до гостиницы прошелся. Познакомились, разговорились. Они мне много поучительного, я тебе скажу, наговорили. Правда, правда. Всю дорогу смеялся – даже простуды поубавилось. Я их спросил, отчего это они на парфюмерию глаз положили, везде же родную беленькую, да еще разнокалиберную предлагает наша советская торговля? Спрашиваю: не нравится, что ли, наша привычная; она, что, по-ихнему, нехорошая, что ли, стала? «Нет, – говорят, – что вы, водка всегда вкусная, плохой она не бывает, только хорошей или очень хорошей»... А почему, спрашиваю, за одеколоном охотились? «Так это потому, что на свидание идем и не хотим, чтобы от нас плохо пахло. Одеколон, – говорят, – интеллигентностью пахнет...»

– Ну вот, видишь, Веня, и ты смеешься!

В творческой биографии Алейникова было несколько попыток прибегнуть к средствам перевоплощения. Одна из них кончилась комично. В кинофильме «Глинка» он предстал перед зрителями в образе Александра Сергеевича Пушкина! Грим – идеальный. Похож! Но стоило ему появиться на экране, как зрители в кинотеатрах любого города, узнав своего любимца, дружно реагировали: «Ва-а-ня Кур-с-кий». Это была фамилия его популярнейшего героя из кинокомедии «Большая жизнь» (1940 г.).

Вторая попытка была успешной и принесла Алейникову его единственную в жизни премию – специальную, Грамоту Всесоюзного кинофестиваля в 1968 году (да и то посмертно), «за отлично сыгранную сложную роль старого рабочего Марютина в кинофильме „Утоление жажды“... Возраст и состояние здоровья Петра Мартыновича уже не позволяли пользоваться проверенными красками образов остроумных, общительных, полных заразительной жизнерадостности парней, за напускной бравадой которых угадывались доброта и благородство. Потребовалось позаботиться о перевоплощении. Удача!

Сухой закон, которому мы подчинялись на съемках в селе Селище, не поддаваясь ни на постоянные приглашения в гости, ни на частые предложения «культурно отдохнуть» с областным или районным советско-партийным руководством (конечно же, за счет государственной казны и бедных колхозников), очевидно, породил желание поговорить о том, что закон запрещал. Это желание закономерно: воспоминания пьянят!

Как-то я рассказал Петру Мартыновичу, как в ресторане «Метрополь» мой сосед по столику, говоривший на чистом русском языке, выпив за обедом

три бутылки сухого грузинского вина, заговорил – верьте не верьте – с легким грузинским акцентом. Рассказал, что задумал эстрадную сценку, в которой посетитель ресторана заказывает вина из разных стран и, в зависимости от того, что пьет, говорит на разных языках, а в конце, выпив русской водки, заводит русские частушки, пляшет, приглашает всех к столу...

Последовал мгновенный ответ:

– Веня, это сложно поставить. Нужна массовка на роли посетителей кабака, нужны исполнители на роли официантов, нужны преподаватели иностранных языков. Я тебе так скажу: это не для нас, это для капиталистов, потому дорого. Делать надо все это не на сцене, а в кино... Я тебе попроще сюжет про русака предлагаю. Давай вдвоем и сыграем. И затрат-то никаких.

Дело, значит, было летом в Малаховке. Я был в гостях у дружка моего. Смеркалось. Неподалеку, за забором в зелененькой травке лежали двое – «атлеты!». Рядом бутылок шесть-восемь портвешка (Алейников только так называл портвейн – портвешок!). Ну притомились трудяги. И вот слышим такой диалог:

– Вася, если мы сейчас встанем – пойдем еще пару пузырей возьмем.

– Коля, а если не встанем?

– Тогда пойдем домой.

– Вот так. Голь на выдумки хитра. Вот видишь, как просто! Никакого ресторана, никакой массовки не нужно...

Поселили на съемках нас с Алейниковым в одной хате. Сцен в фильме, в которых мы оба заняты, было немного, и Петра Мартыновича часто снимали без меня. В очередной раз, оставшись дома, я готовил обед и с нетерпением ожидал моего кумира. Приехал он счастливый.

- Веня! Я такое место для рыбалки нашел! Сказка! Затопленная старая мельница! Омуты! Течение легкое. Я тебе скажу - лучше не бывает! Мечта!

Три оставшихся дня до выходного все свободное время потратили на подготовку к рыбалке. Из Винницы привезли необходимые снасти: удилица, леску, крючки, поплавки, грузила, подсак. Накопали червей-рекордсменов, подготовили подкормку, разные насадки, каши. Вязали, точили, вымеряли поплавки в ведрах, пересматривали лески, взвешивали, варили, мешали, потели, спорили... Наступил долгожданный свободный день. Встали в три часа ночи. Подъехали на «газике» к мельнице. Остановились метрах в двухстах. Рассвет. Подошли к заветным местам.

- Тихо! По-балетному иди, нежно... Вот здесь я сяду, а ты во-о-он там. И молчок. А черт! Самолет полетел (ударение на первом «е»), всю рыбу расшумит, аппетит напугает. Ну да ладно. До вечера-то успокоится. Для ухи все взяли? Молодцы!

Закинули удочки. Молчок. Проходит 15-20 минут.

- Веня, - шепотом обращается ко мне заядлый рыбак, - клюет?

Я руками, плечами, физиономией отвечаю, что - нет!

Проходит еще минут 10-15, повторяется та же игра. Прошло еще минут 5-10. Вижу, партнер сматывает удочки.

- Мартыныч, вы куда?

- Веня, надоело, пойду домой. Ты сиди, сиди... Я пойду. Неудача.

Готовились три дня, встали в три часа и вернулись в четыре тридцать домой!

В этой непоседливости, в неумении ждать, проявлять терпение, организовывать себя на большой отрезок времени, на какую-нибудь цель проявилась, по моему, самая большая беда великого артиста - отсутствие силы воли. Очевидно, беда эта не позволяла

ему отказываться от частых застолий или вовремя покинуть их. Поэтому эта беда надломил его, и он ушел из жизни в возрасте, когда артистическая деятельность только входит в пору зрелости, когда жизненный опыт только-только начинает шлифовать мастерство.

...Он не успел отпраздновать 51-й день своего рождения.

В самом начале 50-х годов маленький коллектив артистов Театра имени Станиславского (и я в том числе) вместе с Алейниковым выехал на десять концертов в Донбасс. Афиша наша выглядела так: красной строкой, то есть большими буквами, была набрана фамилия Петра Мартыновича и маленькими-маленькими – наши фамилии, как сказано было в афише: принимавших участие в концерте. Нас придали мастеру, так как сольными концертами Алейников не занимался.

К сожалению, та же беда – безволие да еще русская лень-матушка – не позволяла ему блистать на эстраде с интересным репертуаром. Алейников ограничился лишь рассказом «Ленин и печник» и редким исполнением в паре со Степаном Каюковым рассказа Чехова «Дорогая собака». Если и были еще какие-то работы для концертных выступлений, то они, очевидно, были настолько эпизодичны, что мало кто из артистов о них знал.

Итак, гастрольная поездка. Первый концерт в Донецке, каждый следующий – в другом городе. Везде на больших, чаще всего открытых площадках. Зрителей – ну просто паломничество! Петр Мартынович появлялся на сцене последним. Все концертные номера, шедшие до его появления, – соло на рояле, сценки из спектаклей, инсценированные рассказы Чехова и Зощенко – принимались сдержанно: чувствовалось, что ждут «явления Христа народу». И вот наступал момент,

когда наконец нужно было объявлять фамилию главного артиста. Ведущему не удавалось ни разу этого сделать. Он успевал сказать лишь начало фразы: «И наконец...», или «Ну вот настало время...», или «Вы, конечно, заждались...», или «Я с особым удовольствием...» И все! Дальше у него дело не шло. Везде, как по команде, разражалась овация, зал вставал и не давал Алейникову раскрыть рта. На сцену выскакивали женщины, мужчины, старые и молодые, с цветами, иногда с бутылками вина, водки или шампанского, или все вместе. Его обнимали, целовали, бывало, даже качали на руках (а однажды уронили), наливали прямо на сцене зелье, отрывали пуговицы, преподносили подарки – самые разные: от корзины с фруктами и овощами, сала, бутылки молока до целого жареного барана или поросенка. Не надо забывать, что происходило все это в шахтерских местах, где Алейников был особенно любим благодаря кинофильму «Большая жизнь», посвященному жизни шахтеров, в котором он блистательно сыграл своего знаменитого Ваню Курского...

На двух или трех концертах зрители вели себя поспокойнее, но тем не менее доводили его до слез, что не позволяло ему совладать с собой, успокоить зал и что-либо читать. Иногда он успевал, вытирая слезы, произнести в микрофон лишь несколько слов: «Братцы, да разве ж можно так?» или «Милые, что же это вы со мной делаете?» Это еще больше подогревало ажиотаж зрителей, и, постояв минут пятнадцать на сцене в обнимку с цветами, Алейников, заплаканный, уходил и быстро-быстро уезжал на машине, которая всегда ждала его прямо у ступенек сцены. Теперь, надеюсь, понятно, почему в каждом городе давался только один концерт, а где будет следующий, зрители не знали. Ни на одном концерте гастролер ничего не читал и ничего не рассказывал, но тем не менее в каждой рецензии (а

их было десять – соответственно количеству концертов) присутствовало сообщение о том, что наибольшим успехом пользовалось выступление «нашего доброго и любимого Петра Алейникова».

Мы, молодые артисты, были, конечно, влюблены в мастера и в течение всей поездки испытывали чувство некоторой неловкости: дескать, при чем тут мы, сопляки? И только сознание того, что мы до некоторой степени как бы выручали его – все-таки мы держали внимание зрителей довольно долгое время, – успокаивало и позволяло с восхищением наблюдать ежевечерний психологический спектакль «Сила таланта и любовь народа». Это – сильнейшая драматургия! Драматургия, совершенно освобожденная от необходимости что-либо натужно придумывать, врать, приспособливаться, заниматься «измами», уставать и нести язык на плечах в погоне за модой.

«Талант и народ» – и все!

Всего на четыре дня я улетел по личным делам в Москву. Вернулся и... не застал Петра Мартыновича в нашей хате. В роли почтальона снимался другой артист. Все снятое – переснимали...

Когда мы были вместе, я развлекал его разного рода историями, иногда печалил рассказами о войне, о людях, погибших в 1937 году, в том числе и об отце своем, – словом, отвлекал его от внутреннего позыва прикоснуться к дьявольскому зелью... Но, как только я уехал, в хате – тут как тут – появился рыжий сельский кинемеханик – самый активный зазывала на «пиво з ракамы», чи на «сим капель», чи на «трошки вздрогнуть»... Маэстро без меня немножко загрустил (так сказал хозяин хаты), хилая воля совсем сникла, и победили в нем «семь капель»...

Его нашли одного в лесу, еле-еле выходили и, больного, ослабевшего, отправили в Москву. Все! Трагедия!

Прошло много лет... Петра Мартыновича уже давно нет с нами. Живу я около зоопарка. Часто туда заглядываю, и всегда страшно смотреть на тюрьмы для животных. Познакомился со сторожем. Он рассказал мне, что был хорошо знаком с Алейниковым. Тот часто приходил к нему рано-рано утром, до открытия, и немного пригубливал заготовленное им, сторожем, загодя горячительное. Потом гулял по территории, подружился с волком Нориком. Сначала просто наблюдал за ним, любовался. Затем стал с ним разговаривать, угощать, бросая в клетку что-нибудь вкусненькое: колбасу, сырок. Как-то дал волку кусочек хлеба, смоченного в водке. Тому понравилось. Дружба крепла. Зверь стал брать гостинчики прямо из рук и... в один прекрасный день лизнул – поцеловал друга. Сторож видел это. Видел, как Мартыныч еле-еле сдержал слезы и каким-то прерывистым доверительным шепотом произнес, почесывая бок хищника: «Норик, ты лучший среди людей»...

«Потому что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что все – суета».

Книга Екклесиаста. Гл. 3, стих 19.

Борис Федорович Андреев

Как-то сидя в поликлинике в ожидании своей очереди и читая газету, обратился к рядом сидевшему и тоже читавшему какой-то журнал пожилому человеку. Отложив газету и тяжело вздохнув, я спросил: «Дела! А вообще, что творится? Для кого страна наша?» Сосед захлопнул журнал и с готовностью к разговору ответил: «Как для кого? Была для идеологии, а сейчас для борьбы множества идеоложек». И беседа началась.

- Нельзя ли опыты делать на животных? - спросил я.

- Можно.

- Почему же не делают?

- Жаль животных - нельзя быть жестокими.

- А нас не жалко?

- Некому жалеть. Кстати, животные знают, что мы хуже, мы более испорченные, чем они.

- Каким же образом они это узнали?

- Мы им доказали это своим поведением, особенно в их тюрьмах - зоопарках.

- Пожалуй, верно. Животные умнее нас.

- Конечно, умнее. Понаблюдайте за жизнью муравейника. Какая дисциплина! Какая организация труда! О пчелах я уж не говорю - они гениальны! Животные по-своему видят мир, более логично, чем мы!

- Да, пожалуй.

Я почему-то вспомнил две маленькие новеллы артиста Андреева Бориса Федоровича, Бэ-Фэ, как мы его называли любя. «Лев открыл пасть. Укротитель засунул голову, и все зрители вдруг увидели, насколько дикое животное умнее и великодушнее человека». И еще. «Я гулял по зоопарку, и животные нехотя разглядывали меня». Если бы Бэ-Фэ был жив, я бы объяснил ему,

почему «нехотя»: им неинтересно разглядывать то, что для них уже пройденный этап!

Бэ-Фэ Андреева нельзя было не любить. Это была парадоксальная личность, неожиданная, непредсказуемая. Могучего телосложения человек был сентиментален. Мог, сочувствуя кому-либо, заплакать. Мог быть страшен во гневе, но быть ребенком в покаянии. Мог солидно загулять или вообще ничего не пригубливать, кроме чая. Был очень простым, как говорят, от земли, но и мудрым философом.

Рассказы о Бэ-Фэ, как правило, рождены восхищением его габаритами. О нем охотно вспоминают как о герое, который не позволил кому-то в каком-то городе составить на него акт за не совсем интеллигентное поведение, выпив все содержимое чернильницы; который, не получив номера ни в одной из гостиниц другого какого-то города, разбил витрину мебельного магазина и улегся спать в чудную кровать из выставленного там спального гарнитура; который добился похорон гениального Петра Алейникова на Новодевичьем кладбище, лишив себя этого права (действительно, после кончины Бэ-Фэ похоронить его там не разрешили). Но редко кто рассказывает и кто знает, какой лирик, почти ребенок жил в этом огромном сердце и человеке.

В Киеве был организован творческий вечер Бэ-Фэ. Зал почти на 2500 мест во Дворце труда рядом с гостиницей «Москва». Лето. Чудный вечер. Встречаю его выходящим из гостиницы в концертном костюме с несколькими орденами и знаками лауреата тогда еще Сталинских премий:

– Веня! (Он, как и Алейников, соединял в одно мои имя и фамилию.) Пойдем со мной на концерт. Скучно на душе. Буфет там хороший, по окончании отметим событие.

Пошли. До начала 30 минут. Публике собираться еще рано. Мы за кулисами. Бэ-Фэ очень волнуется, возбужден до предела. Это верный признак истинного таланта: когда артист перестает перед выходом на сцену волноваться, начинается его закат. Первый, второй, третий звонок!

- Бэ-Фэ! Ни пуха ни пера!

- К черту, к черту!

Последние откашливания на нервной почве, последние оглядки на себя в зеркале. И вперед на сцену! Слышу жидкие аплодисменты, начинаю волноваться. Ухожу в гримуборную. Не успеваю снять пиджак, как появляется угрюмый, вот-вот заплачет, Бэ-Фэ. Плюхается в кресло и жалобно говорит:

- Веня! В зале - человек двадцать... Я отменил встречу. - И уже еле-еле, сдерживая плач: - Я никому не нужен!

Вскоре выяснилось, что, понадеявшись на огромную популярность Бэ-Фэ, администрация Дворца и филармонии палец о палец не ударила для того, чтобы хоть как-нибудь прорекламирровать этот творческий вечер. Оказалось, что они ограничились одним незаметным газетным анонсом за день до концерта.

Бэ-Фэ долго переживал этот случай и страшно боялся повторения подобного «конфуза».

Как-то в Свердловске мы жили в одной гостинице и снимались на киностудии в разных картинах. Я заболел ангиной - температура 39,5. Ночью звонок:

- Веня! Это я - Андреев! Меня обворовали. Получил под расчет, и все украли! Зайди.

Больной, хриплый, небритый иду к нему в номер.

Сидит на ковре и плачет:

- Угощал в ресторане товарищей по киногруппе, прощались. Пришло время платить, я в карман - денег нет. Веня! Сумма большая. Сколько планов было по дому. Семья ждет. Обворовали!

- Спокойно, спокойно! - говорю я. - Где брюки, где пиджак, где плащ, чемодан?

- Все осмотрел, все перерыл. Нет денег, обворовали. Веня! Что делать?

И вдруг я замечаю, что дальний угол ковра на полу почему-то пухлый, приподнят: явно что-то прикрывает. Я к углу, приподнимаю ковер и... вижу пачки денег.

- Да вот они, Бэ-Фэ! - радостно хриплю я.

Он в одно мгновение прекращает плакать, как маленький ребенок, когда ему неожиданно что-то показывают. И со счастливым выражением бодро почти выкрикивает:

- Правильно! Я их спрятал от горничной, чтобы не сперла! Нашел место!

Наш большой ребенок Бэ-Фэ...

Несколько афоризмов Бориса Федоровича: «В отличие от тыквы, голова человека в потемках не дозревает». Или: «Душа, оскудевшая в персональных условиях!» Или: «Великий страдал отложением солей своего величия». Или: «Укушенный зубом мудрости!»

Но самая замечательная его мысль: «Трагедия человечества заключается в том, что оно изобрело атомную бомбу до своего объединения!»

Умный, большущий, добрый Бэ-Фэ!

Эраст Павлович Гарин

Вся разница между умным и глупым в одном: первый – всегда подумает и редко скажет; второй – всегда скажет и никогда не подумает. У первого язык – секретарь мысли, у второго – ее сплетник или доносчик.

В. Ключевский

Меня часто посещает какая-то внутренняя тревога, когда слышу безапелляционную болтовню актеров по любому поводу, по любой проблеме – политической, государственной. Человек должен, по моему разумению, заниматься в основном делом, но не болтать, не пополнять ряды дилетантов, которых так много развелось в наше время! Моему сердцу милее мастеровые, умельцы, актеры, художники, изобретатели, спортсмены, отдающие себя любимой профессии. Как правило, они из тех, кого называют добрыми чудаками, никакого отношения к болтунам не имеющими. Болтовня и дело – несовместимы.

Одним из самых талантливых чудаков был незаметный в жизни и быту, но только не на экране и сцене, производящий впечатление какого-то недотепы, – умнейший Эраст Павлович Гарин. Трогательный, беззащитный фанатик театра и кино, загадочный для одних и очень понятный для других. Человек, по свидетельству хорошо знавших его, не произносивший лишних слов, напрочь лишенный риторичности. Все им произнесенное было всегда связано с конкретными проблемами, всегда относилось к сути режиссерской или актерской работы. Он не

говорил лишнего и никогда не врал, следуя словам Монтеня: «Как только язык свернул на путь лжи, прямо удивительно, до чего трудно возвратить его к правде».

Он был великим профессионалом и не мог себе позволить отвлекаться на треп, лень. Эраст Павлович был человеком размышляющим, и это качество во многом объясняло его замкнутость и малословие. Невозможно представить Гарина, произносящего с трибуны пламенную речь по поводу работы и судьбы каких-нибудь партий. Это было бы гомерически смешно или... трагично!

Еще: он почти никогда не пользовался иностранными словами. Прекрасно обходился родным языком. Вместо «ромштекс» говорил – «кусоч жареного мяса», вместо «бифштекс» – «кусочек мяса с кровью», вместо «коктейль» – «петушиный хвост», что соответствовало буквальному переводу этого английского слова. Не «плагиат» – а «похитил» или просто «спер», вместо «плюрализм» – «несколько мнений», «множество мнений»; не «трактовать» – а «толковать»; не «виртуоз», а «умелец», «мастер», «артист своего дела».

Я не хочу с этими примерами спорить – стоит ли и хорошо или не очень так говорить. Я привожу их только для более конкретного восприятия сути человеческой.

У меня были неоднократные творческие контакты с Эрастом Павловичем Гариным. Я снимался в его картине «Обыкновенное чудо», играл в его спектаклях «Тень», «Двенадцать стульев», часто встречался с ним в его доме. Чаще всего он был сосредоточен, неразговорчив, и лишь внимательный взгляд на собеседника выдавал процесс энергичной душевной работы.

Был строг в работе. Помню, как Гарин снял с роли известного артиста, который и по годам, и по званию был старше его. Снял за два незначительных опоздания на репетицию и нетвердое знание текста. Артист

извинялся, но Гарин своего решения не изменил. Сейчас могу твердо сказать, что это заметно укрепило творческую и производственную дисциплину в театре.

На репетиции сам Эраст Павлович приходил всегда первым, задолго до начала, с тетрадкой в руках, перевязанной веревочкой крест-накрест. Бродил по сцене, проверял ранее изобретенные мизансцены. Графическое решение спектакля для него было если не главным, то одним из важных принципов в постановках. Порой жестом, мизансценой он выражал смысл происходящего на сцене гораздо ярче и доходчивее, нежели словами...

Рассказывать Гарину - комедийному актеру, человеку с очень развитым чувством юмора - анекдоты, смешные истории было занятием неблагодарным. Даже на «шлягерные», как мы говорили, анекдоты он реагировал слабо. А увидев, к примеру, на экране телевизора промахнувшегося или упавшего от неловкого движения футболиста, мог долго от души хохотать, как мальчишка!

Потерпев несколько раз фиаско как рассказчик смешных историй, я стал присматриваться к нему: в чем дело? И понял. Во время рассказа Гарин, хоть и смотрел на тебя, но не слушал, оставаясь в плену своих мыслей. Позже я все-таки нашел способ, как заставить его улыбаться. Все оказалось просто: надо было рассказываемую историю сопровождать показом, подключая мимику и жест. Если история ему нравилась, он хитро улыбался и готов был тут же сам ее пересказать, но на свой лад и уж обязательно с неожиданным, другим концом.

Он нередко бывал рассеян. А ведь известно, что рассеянность - высшая степень сосредоточенности.

Спал на старой железной кровати, провисавшей, как гамак, и никому не позволял ее заменить. В той же комнате, где была эта кровать, находилась богатейшая

библиотека, на полках которой можно было увидеть редчайшие книги по скульптуре. Он коллекционировал все издания, имевшие отношение к выразительности рук и кистей, недаром был большим мастером динамики тела, которой увлекся со времен совместной работы с Всеволодом Эмильевичем Мейерхольдом.

Он не гнушался застоля. Но мало ел, любил селедку и чай. При жене он не позволял себе и рюмочки водки. Без нее, бывало, позволял то, что иногда приводило к нежелательным результатам.

Его Хesia Александровна – чудо-человек, сказочной доброты и ума. Она часто занималась режиссурой на озвучании иностранных фильмов и была в этом деле ведущим мастером на киностудии имени Горького, да и вообще в стране. А Эрасту Павловичу очень не нравилось заниматься дублированием какого-то актера, он не считал это творческой работой. Я думаю, что здесь он ошибался, так как дублирование большого актера означает – прочувствовать вместе с ним суть создаваемого им образа. Я испытал и сложность, и полезность этой работы, с восхищением вторя таким мастерам, как Марчелло Мastroяни, Альдо Фабрицци, Луи де Фюнес, Тото, Фернандель и многие другие.

Изредка, не без труда, Хесе Александровне удавалось уговорить мужа хотя бы попробоваться на чудесную роль в столь же чудесном исполнении большого иностранного актера. Он приходил, волновался, как школьник, мучился – не по нем была эта трудная и занудная работа. Сердился при всех: «Отпусти меня, не унижай! Больше не вызывай меня! Я тебя ненавижу!»

А сам без нее жить не мог. Бывали в их отношениях весьма экстравагантные сценки. Как-то Хesia Александровна долго что-то объясняла артисту на репетиции в театре – она всегда совместно с Гариным ставила и спектакли и фильмы. Он ждал, ждал и

наконец выпалил: «Хеська, припопь себя», что, по Гарину, означало: «сядь»! И не было в этом никакой грубости, была какая-то ребячья удаль.

Анатолий Дмитриевич Папанов записывал за Гариним его немыслимые каламбуры.

- Эраст Павлович, что-то душно в помещении, трудно репетировать!

- Пра-а-авильно! Нужно открыть форточку и устроить проветрон в смысле кислородизма.

- Эраст Павлович, в этой сцене напрашивается лирический музыкальный фон.

- Пра-а-авильно! Душещипательность хиловата. Яша! - обращался Гарин к заведующему музыкальной частью театра. - В этой сцене должны нежно зачесать скрипки! Для слезорождения!

Жена Анатолия Дмитриевича Надежда Каратаева рассказывала, что часто в минуты отдыха, расположившись уютно в кресле под лампой, Папанов с наслаждением вслух перечитывал гаринские каламбуры, смеясь от всей души.

Ялта. Снимается фильм «Обыкновенное чудо». День рождения Гарина - постановщика фильма. В номере гостиницы накрыт богатый стол: невероятная хлебосольность жены Эраста Павловича общеизвестна. Мое непродуманное поведение за столом привело к тому, что сниматься на следующий день я не смог. Съемка была отменена.

Эраст Павлович сказал мне лишь одну фразу:

- Не умеешь ходить в гости - не ходи! Слаба-а-ак! Палочка Коха!

Кстати, о Хесе Александровне. Вместе с Гариним она ставила мою инсценировку «Двенадцать стульев» в Театре сатиры. Анатолий Папанов - Воробьянинов, я -

Остап Бендер. На одной из репетиций Папанов говорит мне:

- Что-то я неважно себя чувствую. Подпростыл немного. Как бы не разболеться. Надо бы за водочкой послать - немного согреться.

- У нас не хватило рубля до полного счастья. В перерыве одалживаю рубль у Хеси Александровны. Узнав, зачем он мне нужен, она сказала:

- Пожалуйста, возьмите меня в компанию, я тоже что-то продрогла немного!

- Пожалуйста, - соглашаюсь я.

После репетиции накрыли стол: бутылка водки, три стаканчика и три скромных бутербродика. Папанов командует:

- Приглашай!

Привожу Хесю Александровну, хрупкую, болезненную, перенесшую несколько инфарктов и множество воспалений легких. Предположить, что она может на равных разделить с нами зелье, было просто невысказано.

- Пожалуйста, Хesia Александровна. Стаканы наполняются.

- Какой мой?

- Любой, - улыбается Папанов, и я тоже. Переглядываемся.

- Ваше здоровье, - говорит Хesia Александровна, чокается с нами и спокойно выпивает весь стакан.

- Большое спасибо, - говорит нам она и, не притронувшись к бутерброду, покидает нас.

Переглядываемся снова. Папанов, не успевший, как и я, выпить свою порцию, говорит:

- Рубль не отдавай!

На другой репетиции «Двенадцати стульев» мы с Гариным заговорили о том, что в «Золотом теленке» прекрасно описано, как Бендер не мог с толком потратить свой миллион в такой стране, как наша.

- Ерунда-а-а-а! Это слабость романа! Что значит не мог потратить миллион. Ерунда! Вы мне дайте миллион, я за неделю найду, куда его пристроить. Только чтобы Хесе не участвовала в операции!

Опять ребячество. Он, как послушный сынок, все деньги отдавал мамочке Хесе, никогда не знал что почем, везде его обсчитывали, вечно он терял зарплату, а уж в миллионеры и в деловые люди ну никак не годился.

Гарин и Пырьев когда-то очень хорошо относились друг к другу. Может быть, даже дружили, но...

Что-то между ними произошло, отношения стали натянутыми. И я невольно оказался первопричиной начала их примирения.

Снимался я одновременно у Гарина в «Обыкновенном чуде» и у Пырьева в «Свете далекой звезды». Договор с Пырьевым я подписал раньше, и съемки пырьевской картины начались раньше. Поэтому, когда начал сниматься у Гарина, то предупредил, что могу быть на какое-то время отозван к Пырьеву под Москву, в Монино. Гарин дал согласие.

В Ялту, где я снимался у Гарина, приходит телеграмма: меня срочно вызывает на съемки Пырьев. Иду с телеграммой к Гарину. Тот, согласно договоренности, отпускает меня, но просит:

- Скажи Ивану, что я его прошу отснять тебя не за десять дней, как у тебя в договоре сказано, а за пять. Передай ему, что у меня горит картина. Что я надеюсь, что он еще хороший, что сохранил какие-то человеческие качества, несмотря на то, что мы в ссоре. Передай ему, чтоб он был человеком, а не дерьмом.

- Так и передать?

- Так и передай.

Прилетаю в Москву, еду в Монино. Приезжаю почти ночью, иду к Пырьеву, у того - посиделки. Увидев меня, обрадовался:

- Прилетел! Молодец! Завтра немного погуляй, оглядись, текст подучи. Послезавтра начнем снимать.

- Иван Александрович, вот какая история. Мне Эраст Павлович велел вам сказать...

И передаю дословно весь текст, который сказал Гарин. Пырьев замер, нахмурился, глаза стали недобрыми.

- Он прямо так и сказал: сохранилось во мне что-нибудь человеческое или не сохранилось?

- Да.

- Директор, расходимся! Давай тревогу! В семь утра съемка! Будем снимать Весника! Чтоб к семи часам на съемочной площадке все было готово! И никаких разговоров! Самолеты чтоб взлетали, приземлялись! Санвзвод, солдат, всех подготовить!

- А был уже первый час ночи.

- Текст выучишь? - обращается ко мне.

- Да. Сейчас буду учить.

От такого напора я даже несколько растерялся.

- Давай. В семь часов - на съемочной площадке. Директор, устройте его поспать, дайте текст. Расходимся.

Мне дали комнату. Я, конечно, не спал: учил текст. Восемь страниц. Полтора часа поспал, в семь часов был на съемочной площадке.

А там уже все готово к съемке: рельсы для операторской тележки проложены, самолеты гудят, санвзвод на месте. И началось...

Взлетали и садились самолеты, бегали люди, ко мне подходили, что-то докладывали. Говорю громче, говорю тише, куда-то иду, смотрю в разные стороны, как велит оператор, санвзвод бегают, камера трещит... Съемка!

Вместо десяти запланированных дней все было сделано к четырем часам дня! Вместо пяти дней, которые просил Гарин, меня отсняли за девять часов!

Подошел Пырьев и почти сорванным от адской работы голосом прокричал:

- И передай ему, что дерьмо он, а не я! Я-то человек! А вот в нем сохранилось ли что-нибудь? Сегодня же лети, пожалуйста, обратно. Директор! Отправить его немедленно из Москвы в Ялту. Срочно!

Меня сажают в машину, в аэропорту - сразу к начальнику перевозок, потом в самолет. В одиннадцать часов вечера я уже в Ялте. Появляюсь перед Гариным. Он не верит собственным глазам. Я подробно ему все рассказал.

- Ты врешь! Неужели за девять часов? Не может быть! Надо мириться!

После этого случая у Гарина и Пырьева началось новое сближение, возродилось их товарищество.

Эраст Гарин и Хesia Локшина - святая пара. Друг без друга они жить не могли. Детей у них не было. Она относилась к нему, как к сыну, к брату, а Эраст ее заботы принимал с важной и гордой безропотностью, как само собой разумеющееся. Она часто болела, лежала в больницах, и в эти дни можно было ощутить, кем была Хesia для Эраста. Он сникал, худел, мрачнел, старел, обрастал бородой, делался мятым, неуютным и даже злюкой с глазами, полными тревоги, печали и растерянности.

Когда он ушел из жизни, Хesia Александровна сгорела очень быстро. Без Эраста Павловича она стала потерянной, вскоре ушла к нему. Такие пары не забываются. Голубки!

Иван Федорович Переверзев

Улыбнись над своими горестями – горечь их исчезнет. Улыбнись над своим противником – исчезнет его озлобление. Улыбнись над своим озлоблением – не станет и его.

Ян Райнис

Из его письма ко мне: «Здорово, маенькая моя! (Мой друг любил так обращаться к собеседнику, независимо от того, к какому полу он принадлежал). Пишу тебе из больницы... Опять что-то заболело внутри... Даже, если бы не улегся в это заведение, не смог бы сам себя озвучить... потому что стал совсем плохо слышать. Выручай... Тебе позвонят... Не отказывайся... Заранее благодарю тебя. Надеюсь, увидимся и посидим за столом, но... впервые без чарки. Вот так вот, маенькая моя.

Будь здоров. Твой Перевэ».

Подписывая неофициальную корреспонденцию или называя себя по телефону, он не тратил время на то, чтобы выговаривать полностью имя, отчество и фамилию, а оперировал коротким – «Перевэ». Все к этому привыкли, и было бы странным услышать из его уст или прочесть в конце его письма – «Иван Федорович Переверзев».

Мало кто знает, что в картине «Чисто английское убийство» Иван Федорович говорит со зрителем моим голосом. И уж наверняка никто не знает, что это озвучание сопровождалось моими большими усилиями скрыть наворачивавшиеся слезы. Мне трудно было смотреть на экран: я видел там красивого, прекрасно

игравшего свою роль, здорового Перевэ, но знал, что он лежит в больнице уже в тревожном состоянии здоровья.

Иван Переверзев! Он из тех русских, чья душа нараспашку, у кого удаль, буйный темперамент, работоспособность, независимость, доброта, смекалка; кто умеет грешить и каяться, широко, красиво загулять, но при надобности вести аскетический образ жизни; кто умеет влюбиться, помогать, дарить, сопереживать. Он из тех русских, которые составляли и составляют неповторимый национальный колорит человеческого характера.

В самые тяжелые дни жизни правдолюбца Виктора Некрасова, автора лучшей книги об Отечественной войне, затравленного только за то, что он честнее и умнее «их», в те дни, когда многие боялись с ним общаться, Иван Федорович, прихватывая с собой меня, фронтовика и поклонника автора книги «В окопах Сталинграда», навещал испытывавшего материальные затруднения писателя. Он приносил с собой и еду, и зелье, тем самым морально поддерживая сникавшего порой талантливейшего художника.

В трудные времена для Владимира Дудинцева, тоже затравленного теми же «цепными псами», Иван Федорович осчастливил меня, взяв с собой на свидание с писателем, преподав таким отношением к опальному урок смелости, добра и сострадания. Трижды прав Василий Шукшин: «Культурный человек – это тот, кто в состоянии сострадать, это горький мучительный талант».

Легко представить себе, как необходимы были подобные визиты людям, попавшим под пресс гонений за правду и ум, за благородство. Никогда не забуду книжную полку в квартире Дудинцева со множеством иностранных изданий его всемирно известного романа

«Не хлебом единым». Эта полка, я уверен в этом, была тем эликсиром жизни, который не дал сломаться психологически тонкому, интеллигентнейшему русскому литератору.

Легко представить себе его радость от посещения его дома такими людьми, как Переверзев.

Получив на «Мосфильме» приличные деньги за роль в очередном фильме, в торговой палатке у Киевского вокзала я выбрал себе хороший галстук. Расплачиваюсь и вдруг чувствую на плече чью-то руку. Оборачиваюсь – передо мной Иван Переверзев.

– Здорово. Ну что, отоварился?

– Да.

– Надо «обмыть», а то носиться не будет.

– Надо, – с удовольствием соглашаюсь я.

Пошли в привокзальный ресторан, встретили там компанию знакомых актеров, тоже посетивших кассу киностудии. Просидели в ресторане до закрытия. Как всегда, показалось, что свое еще не досидели, и дружно двинули в аэропорт. В те годы аэропортовский ресторан работал до утра. За все платил я – обмывали мой галстук. К шести утра от полученных денег почти ничего не осталось. Наконец, закрыли и этот ресторан. Наши товарищи разъехались по домам, остались я и Переверзев.

У Ивана было одно удивительное свойство – обаятельнейшая безапелляционность! Даже если он говорил что-то не всегда верное, не согласиться с ним было очень трудно.

– В Ленинград! – скомандовал он.

Почему в Ленинград, зачем в Ленинград? Казалось бы, надо было задаться этим вопросом. Не задался! Иван идет к дежурному, нас сажают в маленький самолет ЛИ-2, салон которого завален мясными тушами, и утром мы уже в Ленинграде. Оказываемся перед

дверью квартиры Василия Васильевича Меркурьева – актера Театра имени Пушкина, народного артиста СССР. Иван нажимает на звонок.

– Кто там?

– Это я. Перевэ!

Меркурьев, припав к замочной скважине, громким полусшепотом:

– Ты что, с ума сошел?! В такую рань! Ирина сейчас скандал поднимет!

– Выходи! Это я, Перевэ...

– Вы что?! Взбесились, что ли? Я детей воспитываю, как не стыдно? Я же чувствую, в каком вы состоянии. Я никуда не пойду!

– Если ты не выйдешь, – категорически заявляет Иван, – я с тобой разговаривать больше не буду!

Меркурьев за дверью покряхтел, повздыхал и решился:

– Иду.

В кафе у гостиницы «Европейская» собралась интересная артистическая компания. Просидели весь день, весь вечер. Денег ни у меня, ни у Ивана уже нет, кончились. Пора ехать домой. Меркурьев купил билеты. Приехали в Москву.

– Маенькая моя, а где твой галстук?

Я обыскал все карманы – галстука нет! Он стоил 13 рублей, наша поездка – более двух тысяч (в старых деньгах). Ни денег, ни галстука было не жаль!

Замечательный пограничный городок Ужгород. Часть съемок фильма – здесь. В гостиничном «люксе» Перевэ и я.

Восемь утра. Болит зуб. Адски! В девять утра приходим в поликлинику. В девять пятнадцать уже сижу в кресле. Надо мной колдует зубной врач женского пола и очень симпатичный. По-русски говорит с легким акцентом, что придает ей еще больший шарм.

Мадьярка... Рядом, в ожидании клиента, не менее симпатичный доктор, тоже слабого пола, но не венгерского, а чешского происхождения. Не менее неотразимый, нежели тот доктор, который убивает мышьяком мой нерв, а своим видом – меня.

Иван же своим видом, по-моему, убивает того доктора, который с ним беседует. Но и сам он – я вижу – под легким... мышьяком. В десять закончена экзекуция... Несу себя и мышьяк в гостиницу. Говорю Перевэ, что моя отравительница назначила мне свидание на завтрашний вечер по случаю удаления мышьяка.

– А я, маенькая моя, им обеим. На сегодняшний вечер... На восемь. Поболтаем, а потом на вечерний сеанс в кино сходим, меня, молодого, вспомним – «Парня из тайги» посмотрим.

Я, несмотря на мышьяк, высказал предельный восторг. С 11.00 до 20.00 безвылазно сидели в номере гостиницы, так как на улице несусветная жара, а в номере всего 30 градусов (не считая 40-градусного зелья, которое мы для уравнивания температур позволяли себе «дегустировать»). Меню: два огурца, яблоко и несколько слив.

В 20.00 – стук в дверь, а мастера-дегустаторы в плавках, в номере накурено, на столе не убрано.

Перевэ открыл дверь, не осведомившись, кто стучит (про назначенное свидание, конечно же, в «трудах» запомнили). Открыл и... вдохнул в себя аромат духов! Две принцессы – зубных дел красавицы! Та, которая «отравила» меня, сказала: «О Боже!», а та, которая – Ивана: «Иезус, Мария! Який кошмар!» И, захлопнув двери, обе феи улетучились...

Перевэ почему-то очень медленно закрыл дверь... и сел в кресло, стоявшее тут же. В плавках он напоминал мне дежурного лодочной станции, безразличного ко всему, с потухшим взглядом на перспективу сдать

лодки в прокат. Почему именно похожего на лодочника – не знаю. Пути нашей фантазии неисповедимы... Я почему-то включил транзистор, из которого – никто же не поверит! – зазвучал медленный марш, похожий на траурный, и присел на стул.

Минут двадцать мы вот так и сидели, глядя друг на друга и не сказав ни слова. Затем одновременно, как по команде невидимого волшебника, глянули на сосуд, молча поднялись, подошли к зелью, налили... Но раздался стук в дверь.

Боже! Если бы кто-нибудь мог увидеть, какие метаморфозы произошли с двумя ухажерами! В бешеном темпе, в мгновение испуганного и виноватого ока, хлопчики оделись, и только на третий стук один из нас робко и заискивающе спросил:

– Кто там?

– «Скорая помощь», – с каким-то новым для нашего уха акцентом (как потом оказалось – польским) ответил мужской голос.

За столом – молодой доктор в белом халате и два ухажера. Все солидно навеселе. Все рассказано-переговорено. Оказалось, что появление «скорой» было инсценировано оскорбленными мастерами зубных дел...

Конечно же, наш вид (оголенный до предела) в глазах принцесс показался признаком явных – помешательства или вспышки хамства, требовавших медицинского вмешательства, то есть «смирительной рубашки»!

Побеседовав с нами, доктор убедился, что мы вполне нормальные пациенты, и, даже признавшись в любви Переверзеву, согласился пригубить «семь капель», как он сказал, за наше здоровье. Очевидно, наш веселый настрой притупил его гражданскую бдительность настолько, что «семь капель» превратились граммов в четыреста, а скромная наша закуска довела его организм до такого неправильного

обмена веществ, что он впал в состояние философской анемии и, приложив щечку к радиоприемнику, «бросил якорь» и заснул. Иван Федорович, узнав по телефону у администратора гостиницы, что нашего дружка-медика ждет машина с двумя санитарями, попросил их зайти к нам в номер с носилками...

Выносили доктора любовно, бесшумно, заботливо. Чуть-чуть – и мы бы заплакали: у нас отобрали что-то, ставшее родным...

...А мышьяк из моего зуба вытаскивали в другом лечебном заведении – и мужчина... Принцесс и доктора «Семь капель» мы больше не видели...

К зубным врачам-женщинам я больше никогда не ходил. Если и приезжала ко мне где-нибудь «скорая», прятал алкогольные напитки. Так спокойнее!

P.S. Через 16 лет в Ессентуках в антракте моего сольного концерта за кулисы зашла очень солидная дама и с легким венгерским акцентом спросила: «Вы не забыли из зуба удалить мышьяк?»

Иван Переверзев, производивший впечатление благополучного, счастливого, всеми любимого красивого мужчины, сводившего, как говорится, с ума многих женщин, не будучи ни на йоту ловеласом, на самом деле был весьма далек от устроенности в жизни, почти до конца своих дней не имея крепкого уютного уголка. В откровенных мужских разговорах признавался в том, что сам никогда не одерживал побед над женщинами, что все его увлечения, романы и даже «семейные гнезда» – результат побед женщин над ним. Как-то признался, что чувство истинной любви испытал лишь однажды, в молодости, и носил это неразделенное чувство в сердце своем тайком от всех на протяжении всей жизни.

В самые последние годы судьба принесла ему успокоение от суеты, подарив в жены красивую, внимательную, оберегавшую его от легкомысленных поступков и компаний, от дурных привычек дымить табаком и по всякому случаю позволять себе поднимать бокал, следившую за его здоровьем, родившую красавца-сына Федю – Ольгу Соловьеву.

Боже! Как недавно, совсем недавно раздавался телефонный звонок, и в трубке звучал знакомый, дорогой моему сердцу голос:

– Маенькая моя! Это я – Перевэ.

Павел Борисович Луспекаев

Этот рассказ об одном из тех, кто помогал видеть, слышать и понимать, что такое справедливость, труд и красота душевная, о Павле Луспекаеве.

Отгремели пушки Великой Отечественной войны. Я расстался с фронтовыми друзьями, вернулся в театральное училище и загрустил без дорогих моей душе боевых товарищей. Трудно было сходиться с молодыми людьми, не нюхавшими пороха, не знавшими смертельной опасности. И вдруг – Павел! Студент, побывавший в партизанах, раненый. И сразу дружба. Родство душ, интересов и, мне так казалось, общность взглядов на жизнь, на искусство. Мы даже и вели себя в чем-то похоже.

Влюбленность в выбранную профессию, огромный темперамент, неумная фантазия, оригинальное видение ролей и жгучее желание нарушить банальность трактовок той или иной роли, доброта, резкость, уживавшаяся в характере с лиричностью, – все эти качества Павла импонировали мне. Мы сразу же стали хорошо понимать друг друга.

Он был человеком, который своей личностью, всем своим поведением заставлял тебя корректировать свои поступки, даже чувства. Бескомпромиссность! Любить – так любить! Ненавидеть – так ненавидеть! Работать – так до самозабвения! Драться – так по-настоящему! А уж если помочь – так даже часы заложить в ломбард, но помочь!

Может быть, он был неуравновешенным. Было от чего! Тяжелая хроническая болезнь – неизлечимое заболевание сосудов. Сердце не прокачивает кровь до конечностей – холодные руки и ноги, адские боли.

Ощущение безнадежности и... жизнелюбие, улыбка, общительность, энергия, энергия во всем!

Я был одним из немногих, кому Павел писал письма. Он не любил их писать, и я знаю почему. Его темперамент, неумная натура, не укладывавшаяся в рамки общепринятого, и к тому же еще далеко не каллиграфический почерк, которого он стеснялся, мешали ему сесть за письменный стол. Все-таки изредка я получал от него письма. И как же я теперь ругаю себя за то, что не сохранил их! Это были листочки, исписанные милыми каракулями, со словами иногда сентиментальными, но всегда искренними, говорившими о муках – не физических, нет, никогда! – а о духовных, связанных с работой над новой ролью. И в каждом листочке неизменно: «Ну вот и все. Давай быстрее приезжай – есть о чем поговорить!» Как будто в письме нельзя поговорить? Нет, нельзя! Павлу нужны были живые глаза, темпераментный диалог, застолье и обязательно во время разговоров актерские показы, пробы. Письмо для него – тесная каморка.

В начале 50-х годов я был в Тбилиси на съемках одного из первых советских широкоэкранных фильмов «Пять дней» (студия «Ленфильм»). Я играл в нем роль комментатора Орехова. Павел работал тогда в Русском драматическом театре имени Грибоедова. Играл много, был любим публикой, но не переставал искать и часто бывал недоволен собой. Последний день моего пребывания в Тбилиси, прощальный ужин – Павел, я и несколько его друзей. Когда нечем помянуть застолье, всегда рассказывают, что было, чем угощали, было ли вкусно. Я не помню, что мы ели и пили в тот вечер, но ясно помню, как весь вечер Павел пробовал роль Незнамова, которую ему предстояло играть и очень хотелось сыграть. Он читал монологи, проигрывал сцены, да так, что нам делали замечания по поводу шума в нашем кабинете, – мы сидели в отдельной

комнате. Так, что была разбита тарелка, вилка улетела в открытое окно, так, что вино, стоявшее на столе, осталось недопитым!

Вечер был испорчен мною: я сказал, что Павел наигрывает. Говорить неправду, говорить ни к чему не обязывающие комплименты было не в наших правилах. Рассказывали, что впоследствии Павел играл эту роль очень сдержанно и производил большое впечатление.

Через много лет был мой творческий вечер во Дворце культуры имени Кирова в Ленинграде. Павел тогда уже работал в Большом драматическом театре у Г. А. Товстоногова. Выступление мое принимали тепло, много смеялись. По окончании концерта за кулисами вдруг появился Павел и сказал:

- В общем ничего себе, но пора, Женя, быть серьезнее в выборе репертуара.

После этой встречи я в корне изменил программу своих концертов.

Павел всегда стеснялся давать интервью, рассказывать о ролях, сыгранных и тем более предстоящих, писать статьи. Я был в этом вопросе с ним солидарен и стою на этих позициях и сейчас. Особенно сейчас, когда актеры стали много писать и публично разговаривать на любую, подчеркиваю, любую тему. Очень многие - увы, боюсь попасть в их число - лучше пишут и разговаривают, чем играют. Я вспоминаю, как Алексей Денисович Дикий всегда говорил артистам, начинавшим много разговаривать по поводу роли:

- Стоп! Все это покажите! Сыграйте!

Очевидно, горячее желание быть, а не казаться и в роли, и особенно в жизни делало Павла незаурядным актером, человеком, товарищем.

Белые ночи. Последняя ночь после моих гастролей в Ленинграде. Конечно, я с Павлом. Три часа, безлюдный

Невский проспект. Павел устал от ходьбы, присели на скамеечку около Гостиного Двора.

- Палка моя нравится? - спросил Павел (он ходил с палкой).

- Нравится.

- Так вот, - продолжал, чуть улыбаясь, Павел, - это мой талисман. Люблю ее, привык к ней. Чувствую, если потеряю, ей-Богу, не смеяться, - умру!

И положил палку на краешек скамейки. Так Павел никогда не говорил: грустно и очень серьезно. Подошла компания молодых людей.

- Спички есть?

- Есть. Пожалуйста.

- Спасибо.

Покурили. Шумно подошли и шумно ушли. Пора идти и нам. Ждем такси, авось повезет. Идет! Поднимаю руку, остановился.

- Садись, Павел!

- А палка? - спрашивает побледневший Павел.

Палки не было. Компания молодых людей исчезла. Я отвез Павла домой. Дорогой, как мне показалось, он тихо плакал. Через несколько месяцев он умер.

Когда мне сказали, что он лежал с улыбкой на лице, я подумал: так оно и должно было быть. Через какие физические страдания и творческие муки нужно было ему пройти, чтобы умереть с улыбкой на лице!

Василий Иванович Чуйков

1 февраля 1973 года в 20.00 в моей квартире раздался звонок из ЦК КПСС: «Просьба срочно вылететь в Волгоград. Самолет в 23.00. Машину пришлем. В местном театре завтра премьера по пьесе Юлия Чепурина „Сталинградцы“, посвященная 30-летию Сталинградской битвы. Исполнитель главной роли – командарма маршала В. И. Чуйкова – не справился с задачей и с роли снят. Отменять спектакль нельзя, он транслируется по телевидению на всю страну. Вы – фронтовик, опытный артист и, как выяснилось, очень похожи на маршала в молодости. И с возрастом все нормально. Чуйкову в 1943 году исполнилось 43 года, а вам сейчас 50 лет. Нормально»

2 февраля 1973 года. 1 час 45 минут ночи. Волгоград. Гостиница. В моем номере – постановщик спектакля «Сталинградцы», главный режиссер театра заслуженный деятель искусств РСФСР Владимир Владимирович Бортко (отец ныне интересно работающего на «Ленфильме» режиссера Владимира Владимировича Бортко. Кстати, я снялся, с моей точки зрения, в хорошей его картине «Единожды солгав» в роли отца киногероя и очень-очень старался быть похожим на старшего Бортко. Сын уверял меня в том, что старания увенчались успехом).

В номере уже собрались биографы маршала, суфлер, гример, костюмерша, портной. Рассказывают о привычках и характере Василия Ивановича Чуйкова. О том, что главное в спектакле. Одновременно снимают мерку с моего торса, головы. Все в ужасе: моя башка – 63,5 см в окружности. Такого размера фуражки не найти. Но к счастью, все сцены происходят в интерьере, можно обойтись без головного убора. Кто-то приносит

кипяток, заваривает чай, нарезает хлеб, делает бутерброды. В этой суматохе я успеваю заглядывать в текст роли.

5.00 утра. Остаюсь один, ложусь спать. Засыпаю, поставив будильник на 7.00.

7.00. Будильник проявляет бдительность – будит. Снова зубрежка текста.

8.30. Пришли костюмеры, примерили военный костюм, сапоги. Сообщили, что от парика решили отказаться.

9.00. Легкий завтрак с В. В. Бортко.

10.00. Первая репетиция на сцене. Партнеры предельно внимательны, даже шепотом подсказывают, когда нужно, текст. Режиссер – ну прямо отец родной: ласков, заботлив. А ведь славится суровым нравом.

13.30. Обеденный перерыв. Снова беседы с биографами Чуйкова и режиссером спектакля.

14.00. Отдых на кушеточке в гримуборной. Зубрежка текста.

15.00. Вторая репетиция.

17.00. Засыпаю в номере гостиницы.

17.45. Часовой-будильник на страже. Зубрежка текста.

18.30. В гримуборной театра показывают фотографии Чуйкова. Ей-ей, я похож на него, на молодого! Причесывают. Весь грим – только общий тон. Загоревшее, обветренное лицо, более мужественное, чем мое без грима, – замечательно!

19.25. Узнаю, что в зале сам Чуйков. Ноги чуть-чуть того...

19.30. Третий звонок для зрителей и для нас. Надо идти на сцену. Собранность предельная.

19.35. Занавес открыт. Мой выход. Аплодисменты. Понимаю – не мне, а Чуйкову «через меня». Это посредничество придало уверенности. А когда перекрестился кулаком (эту привычку Чуйкова

подсказали его биографы), раздались аплодисменты. Но теперь уже в мой адрес, ибо зрительный зал не мог знать о такой привычке и счел это за смелую актерскую находку. Ну а когда после какой-то реплики, беззвучно, только артикуляцией губ, обозначил слегка, вполоборота к зрительному залу, «те самые», наши «родные» (так часто на войне звучавшие и из моих уст, и из уст солдат, сержантов, маршалов) слова, тут-то зал по-настоящему взорвался и от смеха, и от аплодисментов. А я совсем осмелел и повел себя так, будто играю роль в сотый раз! Текст не путаю. В темпераментных диалогах несколько раз брал в руки палку (подсказанная деталь) и энергично ею размахивал, что придавало ощущение возможности применения ее в самых неожиданных моментах.

20.45. Антракт. Я мокрый, как мышь. Костюмеры дали новую нижнюю рубаху, гладят китель. В мою артистическую входит маршал Чуйков.

Первые слова:

- Чертяка! Ну тебя!

Вошел адъютант. На гримерном столике появилась бутылка коньяку, две рюмочки, две конфетки и нарезанное ломтиками яблоко.

- Давай, со знакомством!

Я говорю, что не могу: «Мне ведь вас доиграть надо. Что же я... э-э-э, того...»

Василий Иванович слегка толкнул меня животом:

- Не расстраивай меня. Фронтовик ведь! По сто граммов принимали и как воевали, а? Будь здоров! И спасибо тебе!

- Ваше здоровье, спасибо, что зашли. - Ну и согрешил: 50 граммов похоронил в себе.

- Кто тебе сказал, что я с палкой воевал и что словечки разные нехорошие знаю, а? Кто?

- Ваши биографы. Те, кто о вас книги пишут. Маршал улыбнулся с хитринкой:

- Чертяки. Болтуны!..

Он обнял меня, попридержал в объятиях, похлопывая рукой по спине, и прошептал:

- Спасибо, чертяка! Я слезу даже пустил. Ну тебя...

И ушел, чтобы на людях не расплакаться... Мне так почувствовалось.

21.00. Начался второй акт. Играл свободно, в охотку, чувствовал себя настоящим Чуйковым.

22.15. Финал спектакля. Поклоны артистов, режиссера Владимира Бортко и автора - Юлия Петровича Чепурина. Зал аплодировал стоя. Маршала нам не было со сцены видно. Но по тому, как большинство зрителей аплодировали, стоя вполоборота, а иные и спиной к нам, догадались, что он в зале.

23.00. Бутылка маршальского коньяку очень пригодилась. Выпили за его здоровье. На долгие годы подружился с В. В. Бортко-отцом...

3 февраля 1973 года. 10 утра. Я дома, в Москве. Смотревшие телевизионную трансляцию спектакля рассказали, что во время бурных аплодисментов зрительного зала на экране появились на миг лица то маршала, то мое, и мы оба - со слезами на глазах.

Когда маршал ушел из жизни, я переживал потерю по-настоящему дорогого человека. А общался-то с ним ведь всего две-три минуты...

а) Александр Павлович Ленский (1847-1908), русский актер, режиссер:

«Врач, предписывающий больному чистый воздух, прогулку, удобоваримую пищу, никогда не пользуется таким успехом, как врач, прописывающий дорогие лекарства на малопонятном для пациента языке».

б) Жан Луи Барро (р. 1910), французский актер и режиссер:

«Мы живем среди стольких противоборствующих течений, что не знаешь – что же делать; не лучше ли довольствоваться мыслями, идущими из собственного сердца?».

с) Константин Николаевич Батюшков (1787–1855), русский поэт:

«Человек в пустыне свободен, человек в обществе *раб*, бедный еще более *раб*, нежели богатый!»

Начало 80-х годов. Гастроли Малого театра в Ставрополе.

Артист Р. Ф-в отличался могучим, богатырским телосложением и поэтому, естественно, играл всегда персонажей сильных, добрых и широкой души, но... тем не менее... Рано утром решили с женой посмотреть кинофильм, на который днем или вечером было трудно попасть, да и дышать было трудновато... Около кассы встретили Р. Ф-ва.

Ф-в. Вы в кино?

Мы. Да.

Ф-в. Я тоже, но надо же, как назло забыл в номере гостиницы деньги. Если вернуться за ними, на сеанс не успею. Надо же... М. Ерунда какая! Возьмем тебе билет... Не волнуйся. (Билет стоил 80 копеек.)

Посмотрели фильм. Обменялись впечатлениями. Прогуливаясь, подошли к шашлычной, одаривающей своими ароматами.

Ф-в. Зайдем, а?

Мы. Не хочется... Мы хорошо позавтракали...

Ф-в. А я зайду... манит! Слюнки текут! Всех вам благ!

Сказал и скрылся в ароматизированном заведении. (Порция шашлыка стоила 6 рублей.)

80-е годы. Гастроли Малого театра в Новосибирске. Гостиница «Обь».

...Я чуть задержался с прибытием на гастроли; соскучился по коллегам, а потому, узнав, что на первом этаже в специальном помещении кормят нашего брата завтраками и ужинами, не заходя в предоставленный мне номер, попросил накрыть стол всякого рода снедью и напитками. Всех, приходивших на завтрак, приветствовал, обнимал, целовал, приглашал к столу, чокался с желающими – отмечал свое прибытие! (Я приехал после концертной поездки по Дальнему Востоку и потому чувствовал себя богачом. Если бы я назвал сумму заработанных денег современным новым эстрадным певцам и певицам, – они, наверное, не сели бы со мной за один стол!)

Артист Р. Ф-в никуда не спешил, был свободен от репетиций, поэтому не вставал из-за стола. Могучий его организм позволял употреблять довольно «веселое» количество напитков и закусок, но он все же обмяк, сник и вдруг... заплакал! Этакая махина и заплакал! Трогательная картина! Блистательный парадокс: пьяная «Кутафья башня»!

– Что с тобой? – спросил я.

Ф-в. Мне очень... (икнул) жаль... (икнул) твоих денег! (*Вытер слезы, допил оставшуюся «жидкость»*). Ты иди, иди... Не беспокойся за меня... Я посижу, отдохну немножко. Попроси, пожалуйста, чтобы принесли яишеньку... очень захотелось яишеньки с ветчинкой...

Я заказал яичницу, пожелал ему всех благ, искренне позавидовал его здоровью, но распрощался с ним и отправился к себе в номер...

Вечером отправился на ужин...

За тем же столом сидел Р. Ф-в, слегка посиневший...

Его угощали повара и официантки. Меня он не заметил. И слава Аллаху, а то, не дай Бог, я испортил бы ему аппетит...

Позже я узнал, что за весь день Р. Ф-в ни на секунду из кафе не отлучился! Феномен...

Зиновий Ефимович Гердт

Космический комочек талантов – вот что для меня Зиновий Ефимович. Это человек-калейдоскоп, наглядное пособие – доказательство того, что талантливый человек остается ярким в любых предлагаемых судьбою обстоятельствах. Столькими качествами, сколько было заложено в Гердте, в этом маленьком человечке, среди моих знакомых, по-моему, не владел никто. Это был и клоун, и философ, это был артист, и лирик, и поэт, и драматург. Это был очень остроумный человек, очень остроумный...

Он мне подарил одну остроту, которую я запомнил на всю жизнь. Отмечалось 60-летие Театра Вахтангова, и по сценарию Турандот должна была спросить меня на сцене, почему я расхваливаю Театр Вахтангова, а сам работаю в Малом театре. «Зиновий, что мне на это ответить?» – спросил я Гердта. И он мне сказал: «Отвечай, что надо уметь довольствоваться Малым...» Потрясающая острота!

Зиновий – это, конечно, эквилибрист, эквилибрист на канате жизни. Он мог все.

Говорят, когда человек наделен многими качествами или увлекается многим, он не достигает совершенства. Однако Гердт везде пользовался успехом: пьесы его шли в театрах, стихи его печатали, остроты его летали по всей стране и, может быть, по миру, его доброта в общении с людьми доказана на экране... Он был отменным кавалером и нравился женщинам весьма и весьма...

Так что для меня Гердт был таким комочком, космическим комочком удивительно разнообразных талантов и качеств.

Помню смешной эпизод. Мы были с ним на рыбалке в Одессе (он любил рыбалить), ловили бычков и каждой рыбешке давали имя. Выловили все Политбюро, всех испанских коммунистов и русских белогвардейцев, всех царей и правителей. Имя давали в зависимости от того, как бычок себя вел, как он клевал... Мы перебрали всех, кого знали, у нас была полная лодка рыбы. И как вы думаете, чем же это закончилось? Я выловил с мизинчик бычка и назвал его «Гердт». Зиновий чуть не утонул! Вот так закончилась наша с ним рыбалка...

Познакомились мы давно, оба были фронтовиками, знали друг друга. А подружился, когда я ставил в Театре сатиры «Проделки Скапена» и мне нужны были песни в спектакль. Я помню, мы сидели с Зиновием в кафе «Метрополь» – это было лет сорок назад – и я говорил ему о психологической подоплеке вот этих песен... Он задумался, а потом сказал: «Я даже не мог предположить, что можно так трактовать Скапена... Ты знаешь, Женя, я не подниму этого, ведь это же Мольер, милый мой, это Мольер! Я просто боюсь. Я поговорю с Мишей Львовским, обратись к нему, у него получится. Он такой – более думающий, что ли...» И меня это потрясло – то, что Зиновий – такого огромного ума человек – и вдруг испугался. Он был совершенно искренен...

Вот видите, какие разные вещи: бычок «Гердт» – когда он чуть не задохнулся от смеха, и Мольер... Это подтверждает мои слова о том, что Гердт многогранен...

Его справедливо и заслуженно любили. Очень печально терять таких людей...

Мое самое большое впечатление от Гердта – его глаза, в любых ситуациях всегда светившиеся РАДОСТНОЙ ПЕЧАЛЬЮ.

Вечная память умному, печально-радостному, талантливому ЗИНОВИЮ ГЕРДТУ.

а) Иммануил Кант (1724–1804), немецкий философ:
«Мыслить – значит говорить с самим собой, слышать себя самого».

б) Людвиг Фейербах (1804–1872), немецкий философ:

«Мыслитель лишь потому диалектик, поскольку он противник самого себя. Усомниться в самом себе – высшее искусство и сила».

с) Ф. М. Достоевский:

«Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время...»

Махмуд Алисудтанович Эсамбаев

1965 год. В Малом зале Кисловодской филармонии сольный концерт Махмуда Эсамбаева, а в Большом зале – мой. И там и там – аншлаги. Для меня это фурор.

Вечером после концертов я в гостях в люксе Махмуда, моего соседа по гостинице «Кавказ». За столом – шестнадцать человек. На столе почему-то только сладкое десертное вино... Много вина... В спальней комнате про запас еще два ящика. Много разной зелени, овощей. Все это, как и повар – из Грозного. Хозяин номера весел, улыбчив, хлебосолен... Увлекательно рассказывает о своих гастролях по всему миру... Папаху так ни разу и не снял.

Гости разошлись очень поздно. Мы остались в номере вдвоем. Махмуд немного сник и сказал, тяжело вздохнув:

– Старею, черт побери... Уже сорок первый год мне, дорогой...

В январе 1980 года встретились в Москве уже в одном концерте. И снова Махмуд посетовал:

– Эх, не хочется стареть... А ведь мне уже пятьдесят шесть, дорогой ты мой...

В марте 1985 года встретились с ним на одном из официальных приемов.

– Ты знаешь, дорогой мой, о старости даже не думаю, черт побери! А ведь уже шестьдесят первый годок!

В январе 1990 года:

– Забот и дел всяких ой как много, я чувствую себя молодым, черт побери! Дорогой мой, а ведь мне шестьдесят шесть лет!

В 1995 году газета «Московский комсомолец» писала: «Махмуд Алисудтанович отпраздновал свой

день рождения. Говорит, что на Кавказе мужчина в 71 год – это юноша. Утверждает, что будет танцевать, как минимум, еще двадцать лет».

Я тогда мысленно пожелал Махмуду: «Дай Бог тебе здоровья, дорогой мой!»

Не услышал меня Бог... Ушел от нас Махмуд... Ушел великий артист и жизнелюб...

Из записок артиста

Было это и в Одессе...

Я люблю слушать хорошие анекдоты, остроумные, с неожиданными развязками, фантазмагорические, абстрактные... Но вот рассказывать их не люблю. Я считаю, что для актера важнее, интереснее и полезнее наблюдать и слушать жизнь во всех ее многокрасочных проявлениях, а затем в лицах воспроизводить увиденное в устных или письменных рассказах. Тогда отпадает увлечение анекдотами, так как они «дистрофичны» в сравнении с гигантом – жизнью.

Анекдот – это память и техника; это предмет многоразового использования; это стадность и мода.

Наблюдательность – это творческая позиция; это отбор, это самостоятельность, плоды которой твои, родные, потому что ты и только ты автор их «появления на свет»...

Есть истории на грани невероятности: очень трудно уверить слушателя в их реальности, в том, что они невыдуманные, что они никакие не анекдоты...

1950-е годы. Очередные гастроли в Одессе, но уже в составе Театра сатиры. Первый час ночи. Иду по Дерибасовской. Повсюду реклама театра, фотографии артистов, сцен из спектаклей «Золотой теленок», «Клоп».

Ко мне подходит компания молодых людей, окружают. Стало немного не по себе. Оказывается, узнали.

– Это вы будете в оперном театре Бендера играть? (Наши спектакли шли на сцене Одесского оперного театра.)

– Я.

- Очень приятно, - вполне дружелюбно продолжают парни. - А вы будете на сцене говорить, как мы в Одессе говорим, или с акцентом, как вы в Москве говорите?

- Я буду говорить как в Москве.

- Ну так шо это за Бендер? Барахло! Пошли, ребята.

1967 год. Нижеследующий диалог мне подарила билетерша Малого зала Кисловодской филармонии...

Зрители:

ПЕРВЫЙ. Первый раз я здесь и не могу себе объяснить происхождение названия города Кисловодска...

ВТОРОЙ. Если я не ошибаюсь, один из архитекторов, создавших город, носил фамилию не то Кислое, не то Кислых или чуть ли не просто Кислый, точно не помню. Вы уж, ради Бога, извините...

ПЕРВЫЙ. Ну что вы... Большое вам спасибо. А то смешно - Кисловодск, Кисловодск... и не знаю, почему так, а теперь вот все ясно... Спасибо, спасибо...

Я спросил у билетерши: «Что же вы их не просветили?» Она ответила: «Постеснялась. Уж больно солидны оба были. Сразу видно: большие люди! стыдно их поправлять!»

Шестидесятые годы. Самарканд. Приехали на съемки. Десять часов утра. Вышел из гостиницы, ищу, где можно перекусить. Нашел шашлычную. Очередь из шести человек. Стою. Из-за стойки высовывается человек.

- Больше там не становись. Тебе не хватит. Делаю вид, что не понял. Стою. Подходит моя очередь.

- Я тебе сказал, что не хватит!

- Пожалуйста... Я приезжий... Артист. Снимаем в ваших местах кинофильм. Есть хочу.

Продавец насторожился.

- Слушай, ты откуда, из Москвы?
- Да.
- Ты знаешь товарища Косугонова?
- Кого?
- Косугонова.
- Косыгина? Председателя Совета Министров СССР?
- Да.
- Нет, не знаю.
- А у тебя есть такая человека, которая знает товарища Косугонова?
- Да, есть.
- О, ты мне нужна. Заходи черный ход. Захожу. Вино. Шашлыки... Все есть... Изобилие!
- Садись. Мне нужно передать товарищу Косугонову, что есть один неправильный закон. Каждый человек у нас имеет право иметь двадцать шесть баранов. Почему двадцать шесть? Я не могу сам кушать двадцать шесть баранов. Я делаю для людей счастье, мясо. Понимаешь? Кости, клей...
- Все идет, все надо. Кишки надо. Правда, у нас каждый человек есть больше барашков. Не важно, есть указ, нет указ. У mine штук девятьсот баран есть.
- А где же вы их держите?
- Держим в високогория. Высоко в горах, никто не знает. - Мечтательно: - Вот сейчас такая погода, может, новые рождаются барашков. Надо сказать, чтобы увеличение делать количество барашков на человека. Закон должна быть!!
- За вами следят, наверное?
- О-ой, следят. Нюхают-нюхают.
- А кто?
- На мотосыхле. Обэхэсэс едет-едет, истит-ис-тит, нюхает...
- Находит?
- Не-ет, он не находит. Потому что высоко. Он едет по тропинке на мотосыхле. Тропинка кончается, он

дальше не едет, не может ехать, у нас выше барашки ходят.

- Но он может сойти с мотоцикла, пойти пешком?

- Не-нет, нет! Он пешком не может дальше идти.

- Почему?

- Это наше дело... Секретная... Тебе не нужна запчасти? Там «Ижевец» есть, другая мотосыхли, «Ява» есть... любые запчасти! Там целый склад есть. Хочешь - пожалуйста. Я для людям счастья делять всегда рад!

Очень нарядный бульвар в центре города Бишкека, тянущийся с легким подъемом вверх. Где-то посредине - бюст человека киргизской национальности.

Я. Девочка, как тебя зовут?

ДЕВОЧКА (*лет двенадцати, русская, в школьной форме*). Лена.

Я. Ты не знаешь, кто изображен на этом постаменте?

ДЕВОЧКА. Извините, не знаю. Мы здесь всего месяц живем. Извините. (*Уходит.*)

Я (*приближающейся киргизской девочке того же возраста*). Ты не знаешь, кто изображен на этом постаменте?

ВТОРАЯ ДЕВОЧКА. Ой! Не знаю! Стыдно, правда? Ой! (*Ушла.*)

Я (*приближающемуся старшему лейтенанту милиции - киргизу*). Скажите, пожалуйста, кто изображен вот здесь?

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ (*отдав честь, на ходу*). Меня это не интересует!

Но самое некрасивое в этой истории - то, что автор этих строк уехал из города, так и не узнав, кто на постаменте. А мог бы быть понастойчивее! Поэтому: «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива».

Я. Дедушка, скажите, пожалуйста, как раньше назывался ваш город?

ДЕДУШКА. Ленинабад. Всегда была Ле-ни-на-бад.

Я. И до революции был Ленинабад?

ДЕДУШКА. Ленинабад всегда была Ленинабад.

Я. И пятьсот лет тому назад – Ленинабад?

ДЕДУШКА. Всегда, всегда, и тысяча лет назад – Ленинабад!

Я. Спасибо.

Дедушка отходит от меня на несколько метров. Останавливается, поворачивается.

ДЕДУШКА. Э-ээ-э! Приходи сюда! (*Я подхожу.*) – Сейчас на базаре я слышал, что новые власти хотят новое имя дать Ленинабаду, кажется Ходжент.

Я. Спасибо, спасибо, дедушка. Дай Бог тебе здоровья.

Дедушка ушел.

Слава Аллаху – гора с плеч. Ходжент, конечно, Ходжент. Город, связанный со славой Александра Македонского.

Резюме народного артиста РСФСР Никиты Подгорного: «Самое смешное то, что ты разговаривал с самим Александром Македонским!»

Перед спектаклем стараешься не есть: на пустой желудок играть легче. И естественно, после спектакля очень хочется сесть за обильный стол.

Малый театр на гастролях в Тбилиси.

Буквально за пятнадцать минут до закрытия влетаю в кафе на четырнадцатом этаже гостиницы «Иверия».

– Ради Бога, извините, что так поздно... Только что закончился спектакль.

– Что ви, что ви! – успокаивает официант, молодой красавец грузин. – Ви дорогие наши гости. Вот вам меню, выбирайте, пожалуйста, что хотите. Пожалуйста...

- У вас какая-нибудь зелень есть?

Смеется:

- Зелень - это трава, она растет на земле, а здесь четырнадцатый этаж.

- Понятно. Тогда дайте кусочек сыру.

- Ой-ой-ой, дорогой! У нас не гастроном: пришел, взвесил, скушал. У нас был во-о-от такой кусок сыра утром, ваши скушали за завтраком.

- Тогда, если можно, традиционный шашлык!

- Ой, и-и! Вам не везет! У нас давно мангал не работает...

- Тогда дайте, пожалуйста, жалобную книгу! Никаких записей я делать в книге не собирался.

Решил сострить: дескать, съем на ужин эту книжку. Официант шутки не понял. Он на какое-то мгновение чуть опешил... Но довольно быстро нашелся:

- В таком случае один шашлык я вам, наверное, найду... Как-нибудь...

- Тогда вы, может быть, и сыр найдете?

- Конечно! Большой кусок возьмем - маленький отрежем!

- Ну вот видите. Значит, у вас наверняка и зелень есть?

- Конечно! Во дворе растет. Сметанкой польем, дорогой мой друг!

- Оказывается, у вас все есть?!

- В Грузии все есть! Жалобной книги нет у нас!

- А что, если попадется вам недобрый клиент и действительно напишет жалобу на вас?..

- Нет, этого не может быть. Мой папа врач. Он говорит: «Не надо кушать на ночь, это вредно... Так всем и говори, а если клиент будет скандалить - пожалуйста, дай ему покушать, что хочет - дай. Пусть сам себя убивает. У тебя совесть чиста будет - ты предупредил...» Так что? Принести вам шашлык?

- Нет, не надо. Мне салатик - и все. Жить хочу...
Привет папе!

Тбилиси. Пожилой грузин продает цветы. - Сколько стоят ваши чудесные цветочки?

- Три рубля дэяток.
- Нет-нет, сколько стоит один цветок?
- Одын цветок в Грузии ничего не стоит.
- Можно взять?
- Нэльзя!

Скорый поезд Тбилиси - Москва. Возвращаемся с гастролей. В моем купе - трое мужчин и миловидная дама. Выхожу в коридор покурить. У окна - милиционер.

- Товарищ милиционер, у нас в купе трое мужчин и одна дама. На почве ревности могут разгореться страсти, может дойти до поножовщины. Вы вмешаетесь?

- Нэт.
- Почему?
- Я в отпуску.

Шестидесятые годы. Латвия. Дзинтари.

Местный житель знакомит меня и артистов Малого театра Бориса Горбатова и Геннадия Сергеева с достопримечательностями чудесного курорта: «Это дача знаменитого писателя, вы видите забор с национальным орнаментом, ему уже 120 лет, это очень красиво, правда? Мы очень гордимся такими красотами - это наше, национальное! Вот костел старинный - это типично наше...»

Подходим к железнодорожному вокзальчику: «Этот вокзальчик типично нашей архитектуры... А вот ларечек с национальным орнаментом на крыше... Это все наше... И пиво в ларечке... вкусное-вкусное... наше пиво!»

Наливают нам по кружке пива. Заходим за ларек, чтобы не мешать другим... На земле валяются обгрызанная вобла, несколько рыбьих голов, рваные пакеты, окурки, пустые пачки из-под сигарет и даже использованный резиновый противозачаточный «препарат»... Наш гид холодно сказал: «А это – ваше...»

а) Лев Николаевич Толстой (1828–1910), русский писатель:

«Самый лучший человек – тот, кто живет преимущественно своими мыслями и чужими чувствами, самый худший сорт человека – который живет чужими мыслями и своими чувствами». (Если это так, то толстовская концепция – простейшее доказательство пагубности политических партий и их дисциплины. – *Е. В.*).

б) Иоганн Вольфганг Гете (1749–1832), немецкий писатель:

«Перед Великим умом я склоняю голову, перед Великим сердцем – колени».

(Идеал: склонить и голову и колени! – *Е. В.*).

с) Тель-Авив. Пляж. Тонет мальчик. Никто из пляжников не двинулся с места...

Плавают женщина на расстоянии 20–25 метров от берега... На берегу – маленькая собачка, чрезвычайно осторожно наблюдающая за хозяйкой, очень смешно подпрыгивая на задних лапках...

Женщина удаляется от берега чуть дальше – собачка тревожно скулит и лает, пытается броситься в море, но не может – ее выбрасывает на берег безжалостная и сильная волна...

Я склоняю и голову, и колени перед... собачкой!

а) Перикл (ок. 490–429 до н. э.), афинский стратег:

«Довольно, граждане! Мы слишком долго занимаемся пустяками!»

Бенджамин Дизраэли (1804-1881), премьер-министр Великобритании:

«Жизнь слишком коротка, чтобы растрчивать ее на пустяки!»

Юридический закон:

«Закон не занимается пустяками».

б) Дейл Карнеги, ученый:

«Пустяки лежат в основе большинства несчастных браков. Почти половина уголовных дел, разбираемых в судах, начинается с пустяков: бравада в баре, домашние пререкания, оскорбительные замечания, неуважительное слово, грубый выпад – это именно те пустяки, которые ведут к нападению и убийству».

с) Уильям Джеймс (1842-1910), американский философ и психолог:

«Согласитесь принять то, что уже есть. Примирение с тем, что уже случилось, – первый шаг к преодолению последствий всякого несчастья».

50-е годы. В филиале Малого театра – спектакль «Богдан Хмельницкий». В главной роли – знаменитый народный артист Николай Николаевич Рыбников, у которого в его семьдесят с гаком лет остались две роли: упомянутая выше и князь Тугоуховский – на основной сцене.

Разговорившись за кулисами с ведущим спектакля, помощником режиссера Иваном Александровичем Толокиным Николай Николаевич чуть не прозевал свой выход, но, спохватившись, слава Богу, вышел на сцену с пятисекундным опозданием и разволнованный до такой степени, что, забыв, какую роль играет, вышел в шикарном красочном костюме Хмельницкого, шаркая ногами, покашливая, сгорбившись, держа руку около уха, то есть в образе князя Тугоуховского... Помощник

режиссера, увидев оплошность артиста, зашипел из-за кулис: «Коля! Коля! Хмельницкий! Хмельницкий!» Доковылявший до середины сцены Николай Николаевич, услышав шипение, мгновенно разогнулся во весь свой великолепный рост, лихо расправил пышные усы, отчеканил шаг и буквально «заржал» в полный голос. Зал оценил артистическую метаморфозу громкими аплодисментами и приписал ее оригинальному характеру Богдана Хмельницкого.

Студент прославленному русскому актеру Мамонту Викторовичу Дальскому (1865–1918):

- Студенчество ждет вас в актовом зале университета! Пожалуйста, не разочаруйте ваших поклонников – обязательно выступите!

- Не могу, – ответил великий артист, – никак не могу, хриплю, температуру... Вот мой приятель выручит меня! Спойет вам! Чудесный голос! Бас!

Перед выходом на сцену студент спросил приятеля Дольского:

- Как вас объявить?

- Федор Шаляпин.

- А я – Василий Качалов, – представился студент.

Станиславский, играя в «Трех сестрах» Вершинина, представился на сцене артисту Лужскому, игравшему Андрея Прозорова: «Прозоров!»

...Лужский поперхнулся и ответил сдавленным голосом: «Странно! Я тоже – Прозоров»...

Станиславский, играя Аргонта в «Мнимом больном», поправляя отклеивающийся нос, приговаривал на глазах у публики: «Вот беда, вот и нос заболел, надо же! Это, наверное, что-то нервное...»

Сара Бернар играла роль нищенки. Ее монолог кончался словами:

- Дальше идти нет сил, я умираю от голода...
- Продай золотой браслет, что у тебя на руке, - ехидно крикнул из зала зритель.
- Ой, я хотела его продать, - не растерялась великая актриса, - но он оказался фальшивым!

В провинциальном русском театре на роль статиста, лежащего в гробу, наняли отставного солдата с пышными усами... По бокам гроба горели две свечи. Воск одной из свеч капал ему на усы. «Покойник» сел в гробу, загасил свечу, сказал: «Извините» и снова улегся в гроб! Зал гоготал! Объявили антракт...

Во МХАТе шел «Юлий Цезарь» Шекспира. Статист, выносивший свиток и передававший его Станиславскому, игравшему Брута, куда-то исчез. Немирович-Данченко приказал переодеть рабочего сцены и дать ему вынести свиток. Рабочий вышел на сцену и громким голосом возвестил:

- Дорогой Константин Сергеевич! Тут вот вам Владимир Иванович передать чевой-то велели!

...Все обошлось. Вот только Немировичу-Данченко стало плохо и был вызван врач. Но и это обошлось...

(Рабочий до конца своей жизни рассказывал, как он играл вместе со Станиславским на сцене прославленного МХАТа).

1950-е годы. Ялта. На съемках картины «Отелло».

Когда постановщик фильма С. И. Юткевич уставал на съемках, он объявлял маленький перерыв и каждый раз просил позвать ассистентку художника картины...

ЮТКЕВИЧ. Мария Иосифовна, что вы сейчас делали?

М. И. Я пульверизировала вавлараривала...

ЮТКЕВИЧ. Замечательно! Продолжаем съемку!
И ободрившийся Юткевич продолжал творить...

В ответах Марии Иосифовны были вариации в зависимости от задававшегося вопроса:

ЮТКЕВИЧ. Под солнцем выцвела вот эта часть декорации. Что делать?

М. И. Я сейчас подпулливизировывалававаю...

ЮТКЕВИЧ. Скажите, как называется ваша основная обязанность на съемках?

М. И. Пульвирививизаватория...

ЮТКЕВИЧ. Вы куда идете?

М. И. Пульвиризивоварививаривать...

И так далее, и так далее... Для Юткевича Мария Иосифовна была стимулятором энергии!

50-е годы. Ялта. На съемках картины «Отелло».

Постановщик фильма народный артист СССР Сергей Иосифович Юткевич. Я – в роли Родриго. Снимается сцена гибели моего героя, которого прокалывает шпагой Яго – Андрей Попов.

Текст Шекспира:

РОДРИГО. Проклятый пес, Яго! (*Умирает.*)

Я решаюсь заменить запятую точкой, а восклицательный знак на вопросительный.

РОДРИГО. Проклятый пес. Яго? (*Умирает.*)

Юткевич, очень довольный, скомандовал: «Снято» и подарил мне бутылку шампанского... Подобные жесты мало вязались с манерой жить и характером мастера, поэтому подарку не было цены...

Все дело в том, что в чисто шекспировском изложении предсмертной реплики Родриго читается свершившееся его предположение... А в моей трактовке

текста исключается всякое предположение поступка Яго, поэтому лишь в самое последнее мгновение жизни он потрясен поступком Яго, что лишний раз подчеркивает чистоту, наивность, честность, жизненную неопытность Родриго: спасибо Юткевичу за поддержку моей находки.

а) Владимир Галактионович Короленко (1853–1921), русский писатель:

«Ценность художественного настроения, художественная искренность вся целиком зависит от гармонии между образом и сознательно и бессознательно присутствующей в душе художника концепцией природы и мира!»

б) «Всякое художественное произведение должно быть ВЕРНО с действительностью, но не все, что ВЕРНО передает действительность, – художественно!»

с) «Основным законом искусства всегда будет простота».

В Малом театре в 50-е годы роль Городничего играл артист Ст. К-в.

...Открывается занавес. Чиновники ждут появления градоначальника. Большая пауза... Наконец появляется. Подходит к столу и долго-долго молчит, глядя в одну точку... И наконец, произносит текст, отсутствующий в пьесе Н. В. Гоголя:

– Бдень...

Всеобщее замешательство... Кто-то робко спросил:

– Что вы сказали?

– Бдень! – повторяет исполнитель заглавной роли и продолжает смотреть в одну точку, держась за стол...

Артисты тревожно переглянулись: что, дескать, делать?

В Малом театре у каждого ведущего артиста отдельная гримуборная, и что там перед спектаклем

делает артист, никому не известно... А то, что артист Ст. К-в был подвержен широко распространенному русскому «жидкому греху», было общеизвестно, поэтому артисты, мгновенно оценив степень физической «усталости» артиста Ст. К-ва, взяли инициативу в свои руки...

- Вы пригласили нас для того, чтобы сообщить нам пренеприятнейшее известие? Да?

- Бдень, - глубокомысленно ответил артист.

- О том, что к нам едет ревизор? - спросил другой артист.

- Бдень, - уверенно подтвердил Городничий.

- Из Петербурга? - спросил третий.

- Бдень, - заверил всех «физически» уставший.

И партнеры таким образом проговорили весь текст Городничего... Герой, кроме загадочного слова «бдень», ничего не произносил... пару раз тяжело вздохнул и все... Первый акт не доиграли - дали занавес. Объявили антракт, который длился 45 минут. Врачи колдовали над «физически сникшим», колдовали, колдовали и привели его в чувство... Он с трудом доиграл спектакль, ошибаясь в тексте, но все же произносил его в почти полном соответствии с тем, который написан великим драматургом.

На следующий день героя нашего спросили:

- Что такое «бдень»?

- Какой «бдень»? Ничего не помню, братцы, или вы меня разыгрываете, а?

На следующий же день герой был уволен из Малого театра. Трагедия. И самое печальное во всей этой истории: Ст. К-в был хорошим артистом...

Артист Вл. Г., член КПСС (речь пойдет о 70-х гг.) - человек оригинальный, у которого, например, «идеологическая платформа» была удивительно гибкой!

Почти ежевечерне, после поглощения примерно 250–300 граммов «зеленого змия»: «Охо-хо-хо-хо... тяжело честному человеку наблюдать всякого рода незаконные действия твоей родной партии, вплоть до ужасающих нарушений прав человека (наливает себе еще 150 граммов)... Иной раз думаешь о том, что ведь непродуманный я шаг сделал, вступив в эту партию! Охо-хо-хо-хо! тяжело, выпью-ка я еще стопочку (выпивает полстакана, после паузы выхватывает партбилет из внутреннего кармана пиджака и, что есть силы, бросает его на стол, точно так же, как бьют специальной лопаткой по назойливым мухам)... Нате... Нате... возьмите этот проклятый билет! Он мне всю жизнь испортил! нате, нате!.. (как правило, после этого взрыва появлялись слезы на глазах, а присутствовавшие на этом мини-спектакле организовывали доставку члена КПСС домой, сдавали его на руки родным (весил он 135 кг) – и им же отдавали злополучный партбилет.

Наутро заслуженный артист звонил каждому, кто участвовал в доставке его тела по месту жительства:

– Здравствуй, дорогой мой. Ну? Ты, надеюсь, понял – все, что вчера было за столом, – шутка, шуточка, понял? Да? Ну спасибо, милый мой! До свидания.

Свидания ждать приходилось недолго, наступал вечер, после определенной уже знакомой дозы горячительного повторялась – зеркально! – знакомая сцена, с «хлопанием по мухам»...

...За вечером наступала ночь, а затем утро и, снова обзванивались все, доставлявшие «мухобоя» до дому, до хаты!

Тем не менее любитель покритиковать родную партию аккуратнейшим образом платил взносы, посещал все политзанятия, предсказывавшие «светлое будущее», пунктуально выполнял партпоручения, вплоть до задания вовлекать молодежь в ряды КПСС,

но... затем наступали вечера и без сбоев срабатывал механизм - «Перпетуум-мобиле»... вечер - утро, утро - вечер, вечер - утро... и т. д.

Приложение

Роли и фильмография

КИНО, ТЕЛЕВИДЕНИЕ

- 1955 г. Урок жизни
- 1955 г. Пять дней
- 1956 г. Дело № 306
- 1956 г. Чужой ребенок
- 1956 г. Отелло
- 1956 г. Старик Хоттабыч
- 1957 г. Ночной патруль
- 1957 г. Прыжок на заре
- 1961 г. Командировка
- 1962 г. Яблоко раздора
- 1962 г. Перекличка
- 1964 г. Обыкновенное чудо
- 1964 г. Кола Брюньон
- 1964 г. Родные
- 1964 г. Жених и невеста
- 1964 г. Стежки-дорожки
- 1964 г. Приключения Толи Клюквина
- 1964 г. Путешественник с багажом
- 1965 г. Свет далекой звезды
- 1965 г. Иностранка
- 1965 г. Тайна Эдвина Друда
- 1965 г. Брак поневоле
- 1966 г. Пиквикский клуб
- 1966 г. Незвестный, которого знали все
- 1967 г. Я вас любил...
- 1967 г. Сильные духом
- 1968 г. Новые приключения неуловимых
- 1968 г. Семь стариков и одна девушка
- 1968 г. Эксперимент доктора Абста

1968 г. Трёмбита
1969 г. Угрюм-река
1970 г. Взрыв замедленного действия
1970 г. Приключения желтого чемоданчика
1970 г. Вас вызывает Таймыр
1970 г. 50 x 50
1970 г. Красная метель
1970 г. След в океане
1970 г. Волны Черного моря
1970 г. Три дня в Москве
1970 г. Умные вещи
1971 г. Офицеры
1972 г. Двенадцать могил Ходжи Насреддина
1973 г. Самый сильный
1973 г. Нейлон 100%
1975 г. У меня есть лев
1975 г. Происшествие в Брикмилле
1975 г. Это мы не проходили
1975 г. Где-то гремит война
1979 г. Бабушка надвое сказала
1979 г. Летучая мышь
1979 г. Комод по улице водили
1979 г. Седьмая пятница
1979 г. Красное вино Победы
1979 г. Приключения Электроника
1979 г. Тема
1981 г. Хочу, чтоб он пришел
1981 г. Пора красных яблок
1983 г. Вольный ветер
1983 г. Конец света с последующим симпозиумом
1986 г. Год теленка
1987 г. Единожды солгав
1988 г. Легкие шаги
1989 г. Филипп Траум
1989 г. Шапка
1989 г. Действуй, Маня!

1989 г. Преступление лорда Артура
1992 г. Ноев ковчег
1992 г. Аляска, сэр!
1992 г. Аферисты
1993 г. Пистолет с глушителем
1992 г. Победа тьмы...
1994 г. Мастер и Маргарита
1995 г. Ширли-мырли
1996 г. На Дерибасовской хорошая погода

Всего - более 90 кино- и телефильмов,
дублирование около трех-
сот зарубежных картин!

Актерские работы

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР ИМЕНИ К. С. СТАНИСЛАВСКОГО

1948-1953

А. Хигерович, В. Зелеранский. Две судьбы. Студент
Р. Шеридан. День чудесных обманов. Дон Карлос и
дон Пабло

А. Калиновский, Л. Устинов. Правда об его отце.
Балдур, Ганс, Шульце

А. Симуков. Девицы-красавицы. Парторг Морозов

Ч. Диккенс. Крошка Доррит. Пэнкс

Э. Золя. Наследники Рабурдэна. Рабурдэн

В. Собко. Жизнь начинается снова. Флюгель

С. Нахуцирашвили. Юность вождя. Полицейский,
учитель Хмелевский

И. Тургенев. Отцы и дети. Ситников

Г. Матвеев. Вспышка. Александр

П. Нилин. В тиши лесов. Колхозник Семен

А. Максимов. Семья Бугровых. Атаман Крапильников

Гоу и Дюссо. Глубокие корни. Шериф

М. Булгаков. Дни Турбиных. Фон Шратт

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР ЭСТРАДЫ

1954-1955

Его день рождения. Три роли в театральном
обзрении Синяя птичка. Три роли в спектакле

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР САТИРЫ

1955-1963

Г. Филдинг. Судья в ловушке. Судья
В. Шкваркин. Чужой ребенок. Яшка
И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок. Бендер
И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев. Бендер,
Воробьянинов
П. Сартр. Только правда
Полотэн Н. Кауард. Обнаженная со скрипкой.
Корреспондент
А. Бирюков. Яблоко раздора. Руденко
А. Штейн, А. Кузнецов. Слепое счастье. Инженер
А. Слободской, В. Дыховичный. Гурий Львович
Синичкин. Начальник
В. Маяковский. Клоп. Присыпкин
В. Маяковский. Баня. Англичанин, Иван Иванович
В. Маяковский. Мистерия-буфф, Француз
В. Катаев. Квадратура круга. Поэт
В. Катаев. Домик. Герой
С. Нариньяни. Смейся, паяц. Муж

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ МАЛЫЙ ТЕАТР

1964-1990

Г. Мдивани. Украли консула. Консул
С. Алешин. Главная роль. Козырев
Л. Кручковский. Герой Фатерланда. Бумюллер
Н. Гоголь. Ревизор. Городничий (пост. И. Ильинского)
А. Софронов. Сын. Головоногов
В. Вишневский. Оптимистическая трагедия. Алексей
Е. Симонов. Джон Рид. Антонио
А. Корнейчук. Мои друзья. Альфред Гулька, Касьян
Петрович
А. Гуляшка. Золотое руно. Марко Крумов
В. Лаврентьев. Человек и глобус. Зуев

Г. Успенский. Растеряева улица. Хрипушин
Л. Украинка. Каменный гость. Сганарель
Б. Васильев. Самый последний день. Бызин
А. Толстой. Касатка. Желтухин
Ф. Шамберг. Одиннадцатая заповедь. Э. Стршела
К. Чапек. Средство Макропулоса. Гаук Шендорф
А. Толстой. Царь Федор. Луп Клешнин
А. Арбузов. Вечерний свет. Шнейдер
М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы. Степан
Владимирович
А. Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского. Расплюев
М. Горький. Дачники. Басов
Ж. Сарман. Мамуре. Антуан
М. Крлеж. Агония. Ленбах
Л. Брежнев. Целина. Заудалов
Н. Гоголь. Ревизор. Городничий (пост. Е. Весника)
А. Коломиец. Дикий ангел. Крячко
Г. Марков, Э. Шим. Из новостей этого дня. Забабурин
А. Кудрявцев. Иван. Дудник
Э. Ростан. Сирано де Бержерак. Монфлери
Ю. Бондарев. Игра. Стишов
А. Чехов. Леший. Орловский

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР «СФЕРА»

1986-1989

По произведениям А. Моруа и А. Моравиа. Письма к
незнакомке. Он

М. Булгаков. Театральный роман. Иван Васильевич

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР ИМЕНИ МОССОВЕТА

1987

А. Арбузов. Вечерний свет. Шнейдер

Режиссерские работы

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР ИМЕНИ К.С.СТАНИСЛАВСКОГО

1950 г. Г. Матвеев. Вспышка

1951 г. А. Калиновский, Л. Устинов. Правда об его отце

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР САТИРЫ

1960 г. С. Михалков. Памятник себе (совм. с В. Плучеком)

1961 г. Ж. Б. Мольер. Прodelки Скапена

1963 г. Г. Лоусен. Чудеса в гостиной

МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕАТР (МОСКОНЦЕРТ)

1955 г. Е. Зубков. Происшествие на перекрестке

ВОЛГОГРАДСКАЯ ФИЛАРМОНИЯ

1959 г. Эстрадное представление «Тополя-тополя»

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР МИНИАТЮР

1959–1961 гг. Три первых программы

МОСКОВСКИЙ МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР П/Р Н. АРДИ

1965 г. А. Недогонов. Флаг над сельсоветом

**МОСКОВСКИЙ ТЕАТР ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА**

1969 г. М. Шатерникова. Дождь - хорошая погода

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ МАЛЫЙ
ТЕАТР**

1968 г. А. Корнейчук. Мои друзья (совм. с Е. Симоновым)

1976 г. М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы (совместно с А. С. Юнниковым)

1977 г. Ж. Б. Мольер. Прodelки Скапена

1982 г. Н. Гоголь. Ревизор (совм. с Ю. Соломиным)

1985 г. Г. Марков, Э. Шим. Из новостей этого дня

1989 г. Д. Кедрин. Рембрандт

**ВИТЕБСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР ИМЕНИ
ЯКУБА КОЛОСА**

1990 г. А. Толстой. Касатка

**КРИВОРОЖСКИЙ МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКИЙ
ТЕАТР ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО**

1993 г. Е. Весник, В. Козак. Чистка

1995 г. П. Берр. Школа налогоплательщиков

Всесоюзное радио

АКТЕРСКИЕ РАБОТЫ В РАДИОПОСТАНОВКАХ

- 1960 г. Ю. Новикова. Клад
1965 г. К. Чапек. Сказка об учтивом разбойнике
1968 г. А. Левертов. Иван Петрович Павлов
1968 г. Д. Крюсс. Говорящая машина
1968 г. Ж. Сименон. Семь крестиков в записной книжке инспектора Лекера
1970 г. Р. Л. Стивенсон. Алмаз раджи
1970 г. Фернандо Магеллан
1973 г. Н. Думбадзе. Я вижу солнце
1977 г. А. Левертов. Красные дьяволята
1977 г. В. Гюго. Козетта
1977 г. И. Тургенев. Отцы и дети
1977 г. Пушкинский час
1981 г. Ж. Берн. Дети капитана Гранта
1981 г. К. Бронжевская. Необыкновенная шляпа
1981 г. Э. По. Золотой жук
1981 г. Э. Вагнер. Мой крылатый друг
1981 г. М. Рид. Всадник без головы
1981 г. П. Сажин. Севастопольская хроника
1985 г. М. Горький. Как я учился
1985 г. Ф. Нерсис. Моя семья
1986 г. Пушкинский час
1986 г. Алексеев. Сын великана
1986 г. В. Конецкий. Петька, Джек и мальчишки
1986 г. Н. Думбадзе. Не бойся, мама
1986 г. М. Рид. Оцеола – вождь семинолов
1986 г. Н. Гоголь. Ревизор
1986 г. Ж. Сименон. Сокрушитель стекол
1986 г. А. Конан-Дойль. Этюд в багровых тонах

1986 г. И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев
1991 г. И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок
1991 г. Ж. Сименон. Трубка Мегрэ
1993 г. А. Кристи. Медовый месяц Алике Марти

и другие работы

АВТОРСКИЕ РАБОТЫ

(инсценировки)

По Н. Вагнеру. Мой крылатый друг
По И. Ильфу, Е. Петрову. Двенадцать стульев
По И. Ильфу, Е. Петрову. Золотой теленок
По М. Салтыкову-Щедрину. Господа Головлевы
По В. Скотту. Айвенго
По А. Доде. Тартарен из Тараскона
По А. Доде. Тартарен на Альпах
По А. Конан-Дойлю. Этюд в багровых тонах
По К. Чапеку. Как это делается
По М. Заборскому. Рассказы деда Стулова

и другие работы

РЕЖИССЕРСКИЕ РАБОТЫ

М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы
А. Доде. Тартарен из Тараскона
А. Доде. Тартарен на Альпах
А. Конан-Дойль. Этюд в багровых тонах
К. Чапек. Как это делается
Г. Шерфик. Пропавший чиновник
М. Заборский. Рассказы деда Стулова

А. Островский. Горячее сердце
А. Недогонов. Флаг над сельсоветом
В. Маяковский. Летающий пролетарий
В. Липатов. Любовь в Старокороткино
Л. Никулин. Московские зори
П. Сажин. Севастопольская хроника
Н. Вагнер. Мой крылатый друг
П. Сажин. Трамонтана

и другие работы

Фотографии

Таким красавцем я выгляжу на открытке «Союзмультфильм»

В нежном возрасте

В детстве мечтал стать моряком

На войну пошел артиллеристом

С фронтовым фото

«Продукти Скапена» Ж.-Б. Мольера

«Каменный гость». В роли Сенареля, 1971 г.

*«Оптимистическая комедия». Я - Матрос
Алексей, Р. Нифонтова - Комиссар*

Фильм «Обыкновенное чудо». С Олегом Видовым

С.А. Папановым в к/ф «Яблоко раздора», 1962 г.

«Проделки Скапена», 1963 г.

-Резиор», 1982 г. Хлестаков – В. Соломин, Жена городничего – О. Харькова

-Мамура», 1985 г.

Мои учителя: Н. Ильинский и А. Вертинский

А. Яблочкина и М. Царев

М. Сестлов

«Свадьба Кречинского»

Зюв в тесе «Человек и глобус»

С Иваном Переворовым

С Георгием Жженовым

На гостролях в Америке. С В. Войнаровским и Т. Догилевой

В Америке. С администратором «Современника» и Войнаровским

Дача с уловом

В Доме А.П. Чехова в Ялте с директором Г. Шалюгиным

На рыбалке в Щелково

На дне рождения жены Нонны в 1995 г.

На студии у В. Трухана

В ДТ «Мамалека» с друзьями

*С годами моя квартира все больше начинает напоминать музей.
А я – один из экспонатов в нем.*

С академиком Дмитрием Соболевым и его женой

С братом Димой

За этим столом я творю

Подписываю отрыв в музее

На концерте с Г. Вязным в День Победы, 2001 г.

В День Победы перед посещением Кремля

С женой в Израиле

Поліфед Полтавченко вручає грамоту от президента Пушкіна

С Георгием Ярусовым

С Натальей и Николаем Демостьевыми

Со Спартаком Мишулиным

С Анатолием Трушкиным в Америке

На юбилее. Слева – Быстрицкая, справа – скульптор Владимир Цигаль

С дочерью Мариной

На праздновании 80-летнего юбилея в Малом театре

Дома с Владимиром Цигалем и его женой Елизаветой

С женой и Олегом Ефремовым

С Олегом Ефремовым в Египте

Вдвоем дома

В гостях у друзей детства – Зельдиных

«Иван». В роли Дудника